

СТИВЕН

КИНГ

МЕШОК
С КОСТЯМИ

Стивен Кинг
Мешок с костями

«Автор»

«АСТ»

1998

Кинг С.

Мешок с костями / С. Кинг — «Автор», «АСТ», 1998

ISBN 978-5-271-40319-4

Добро пожаловать в маленький уютный городок, где писатель Майк Нунэн заживо похоронил себя после смерти жены. Добро пожаловать в уютный дом с привидениями, где слышится и видится по ночам то, что не под силу вообразить даже безумцу. Добро пожаловать в ад, где вырвались на волю силы такого кошмара, что невозможно даже его описать – но необходимо с ним сразиться...

ISBN 978-5-271-40319-4

© Кинг С., 1998

© Автор, 1998

© АСТ, 1998

Содержание

От автора	5
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	34
Глава 5	42
Глава 6	52
Глава 7	65
Глава 8	74
Глава 9	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Стивен Кинг

Мешок с костями

*Посвящается Наоми.
По-прежнему*

От автора

В определенной степени в романе затронуты юридические аспекты законодательства штата Мэн, касающиеся детской опеки. В этих вопросах я обращался за помощью к моему другу Уоррену Салверу, превосходному адвокату. Уоррен терпеливо разъяснял мне все юридические тонкости, а по ходу дела рассказал о старинном устройстве, называемом стеномашкой, которое я незамедлительно использовал уже для своих целей. Если в тексте романа внимательный читатель найдет какие-то ошибки по юридической процедуре, вините меня, а не моего советника. Уоррен также просил меня, правда, не слишком настойчиво, ввести в состав персонажей «хорошего» адвоката. Отмечу, я сделал все, что мог.

Благодарю также моего сына Оуэна, который оказал мне неоценимую помощь в Вудстоке, штат Нью-Йорк, и моего друга Ридли Пирсона, который помогал мне в Кетчуме, штат Айдахо. Выражаю благодарность Пэм Дорман за добрые слова, высказанные после прочтения первого варианта романа. Спасибо Чаку Верриллу за великолепную редактуру. Тебе я особо признателен, Чак. Благодарю Сюзан Молдоу, Нэта Грехэма, Джека Романоса и Кэролайн Райди из издательства «Скрибнер» за заботу и поддержку. И разумеется, огромное спасибо Тэбби, которая находилась рядом со мной, как бы ни было трудно. Я люблю тебя, цыпленок.

Стивен Кинг

*Да, Бартлеби, оставайся за своей ширмой, думал я, более я не буду наказывать тебя; ты безвреден и бесшумен, как и любой из этих старых стульев; короче, своим присутствием ты не нарушаешь моего уединения.
Герман Мелвилл, «Бартлеби»*

*Прошлой ночью мне снилось, что я вернулась в Мэндерли... А стоя там, притихшая, испуганная, могла поклясться, что дом этот – не пустая оболочка, что он живет и дышит, как встарь.
Дафна Дюморье, «Ребекка»*

*Марс – это рай.
Рэй Брэдбери*

Глава 1

Одним очень жарким августовским днем 1994 года моя жена сказала, что ей надо съездить в Дерри: врач выписал ей рецепт, по которому она могла купить в «Райт эйд»¹ ингалятор, а то совсем насморк замучил. Насколько я понимаю, теперь эти баллончики продаются совершенно свободно. Я уже выполнил дневную норму, отбарабанил положенное количество страниц, а потому предложил подвезти ее. Она с благодарностью отказалась, мотивировав свое решение тем, что потом хотела заскочить за рыбным филе в супермаркет. Одним выстрелом убить двух зайцев, и все такое. Она послала мне воздушный поцелуй и отбыла. В следующий раз я увидел ее на экране монитора. Так нынче в Дерри опознают мертвых. Не ведут тебя подземным, выложенным зеленой плиткой коридором, под потолком которого горят флуоресцентные лампы-трубки, не выкатывают обнаженное тело. Ты просто заходишь в комнатку с табличкой ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН, смотришь на экран монитора и говоришь, да или нет.

«Райт эйд» и «Шопуэлл» отделяет от нашего дома чуть меньше мили. Там расположен торговый центр местного значения, где еще есть видеосалон, букинистический магазин НЕСИ СЛОВО БЛИЖНЕМУ (у них, кстати, неплохо распродают мои старые книги, выпущенные в карманном формате), «Рэдио-шэк»² и фотомастерская. Находится торговый центр на Ап-Майл Хилл, на пересечении Уичхэм– и Джексон-стрит.

Она припарковала автомобиль перед «Блокбастер видео»³, прошла в аптечный магазин, у аптекаря⁴, мистера Джоя Уайзера (тогда он работал в Дерри, а теперь перебрался в «Райт эйд» в Бангоре), получила по рецепту ингалятор. Уже на кассе прикупила маленького шоколадного мышонка с начинкой из маршмэллоу⁵. Я нашел мышонка позже, в ее сумочке. Развернул и съел, сидя у кухонного стола, куда вывалил содержимое ее красной сумки, которую она обычно носила на плече. Все равно что принял причастие. А когда во рту и горле остался только привкус шоколада, у меня из глаз хлынули слезы. Я сидел, склонившись над ее салфетками, косметикой, ключами, и плакал, закрыв лицо руками. Как ребенок.

Ингалятор лежал в белом фирменном пакете «Райт-эйд». Он стоил двенадцать долларов и восемнадцать центов. В пакете лежала еще одна покупка, стоимостью двадцать два доллара и пятьдесят центов. Я долго смотрел на эту покупку, видел ее, но не понимал, каким образом она могла попасть в пакет «Райт-эйд». Меня удивила эта покупка, более того, потрясла, но мысль о том, что Джоанна Арлен Нунэн могла вести другую жизнь, о которой я ничего не знал, не пришла мне в голову. Во всяком случае, в тот момент.

Расплатившись, Джо направилась к двери, вышла в яркий солнечный день, сменила обычные очки на солнцезащитные, как рекомендовал ей врач, и едва выступила из-под навеса (здесь я, возможно, что-то и выдумываю, это профессиональное, знаете ли, но совсем чуть-чуть, невелика разница, сколько шагов отделяло ее от аптеки, два, три или четыре), как раздался препротивнейший скрип намертво схваченных тормозами колес по асфальту. Звук этот означал, что столкновение или уже произошло, или до контакта металл-металл оставались доли секунды.

¹ Сеть недорогих аптечных магазинов, принадлежащих одноименной корпорации. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Сеть магазинов, специализирующихся на продаже бытовой электроники и товаров для радиолюбителей.

³ Крупнейшая в стране сеть видеосалонов, принадлежащая компании «Блокбастер энтертейнмент».

⁴ В аптечном магазине непосредственно аптека занимает один-два прилавка.

⁵ Разновидность суфле.

На этот раз столкновение таки произошло, авария типичная для этого Х-образного перекрестка. Не проходило и недели, чтобы на нем не «поцеловались» машины. «Тойота» модели 1989 года выезжала со стоянки торгового центра, поворачивая налево, на Джексон-стрит. За рулем сидела миссис Эстер Эстерлинг, проживающая в Барреттс-Орчардсе. Ехала она с подругой, миссис Ирен Дорси, также из Барреттс-Орчардса. Последняя заглядывала в видеосалон, но не смогла подобрать ничего интересного. Сплошное насилие, пожаловалась она Эстер. Обе женщины давно уже овдовели.

Эстер не могла не заметить оранжевый грузовичок департамента общественных работ, хотя заявила, что в глаза его не видела, и полиции, и репортерам, и мне, когда я беседовал с ней два месяца спустя. Я более чем уверен, что она просто не посмотрела по сторонам, выезжая со стоянки. Как, бывало, говаривала моя мать, тоже вдова: «У стариков две наиболее распространенные болезни: артрит и забывчивость. Их вины в этом нет никакой».

За рулем грузовичка, принадлежащего департаменту общественных работ, сидел Уильям Фрейкер из Олд-Кейпа. Незадолго до дня смерти моей жены ему исполнилось тридцать восемь лет, ехал он без рубашки, мечтая о холодном душе и холодном пиве. А может, наоборот, о холодном пиве и холодном душе. Он и еще трое мужчин восемь часов лопатили асфальт на Харрис-авеню, неподалеку от аэропорта. Жаркая работа в жаркий день, и Билл Фрейкер признал, что ехал он чуть быстрее положенного, может, со скоростью сорок миль в час, хотя на знаке ограничения скорости стояла цифра тридцать. Ему не терпелось добраться до гаража, сдать грузовичок и сесть за руль собственного «F-150», оборудованного кондиционером. Опять же тормозная система грузовичка, пусть прошедшего техосмотр, оставляла желать лучшего. Фрейкер ударил по тормозам, как только увидел «тойоту», вырливающую прямо перед ним на основную дорогу (ударил и по клаксону), но быстрота его реакции уже ничего не могла изменить. Он услышал скрип шин грузовичка и «тойоты»: Эстер наконец-то заметила нависшую над ней опасность, и в самое последнее мгновение Фрейкер увидел ее лицо.

– Пожалуй, для меня это самое ужасное воспоминание, – признался он мне, когда мы сидели на его крыльце и пили пиво. Уже в октябре, солнце еще согревало лица, но мы оба надели свитера. – Вы же знаете, как высоко расположено сиденье на этой модели грузовиков? Я кивнул.

– Так вот, она подняла голову, вытаращившись на меня, и солнце било ей прямо в лицо. Я еще отметил, какая же она старая. Помнится, подумал: «Господи, если я не смогу остановиться, она сейчас разобьется, как фарфоровая статуэтка». Но на самом деле старики куда крепче молодых. Тут они многим могут дать фору. Посмотрите, как все обернулось. Обе старушки до сих пор живы, а ваша жена...

Тут он замолчал, густо покраснев, словно мальчуган на школьном дворе, которого осмелили девчонки, увидев, что у него не застегнута ширинка. Комичное, конечно, зрелище, но я не позволил себе даже улыбнуться, чтобы окончательно не смущать его.

– Мистер Нунэн, извините, пожалуйста. Язык у меня ну просто без костей.

– Все нормально, – заверил я его. – Во всяком случае, худшее я уже пережил. – В этом я, конечно, солгал, но зато мы вернулись к интересующей меня теме.

– Короче, мы столкнулись. Заскрежетало железо – прогнулась дверца со стороны водителя «тойоты», зазвенело разбитое стекло. Меня швырнуло на рулевое колесо с такой силой, что я потом с неделю не мог глубоко вдохнуть. И здесь образовался здоровенный синяк. – Он указал на грудь пониже ключицы. – Крепко приложился головой к ветровому стеклу, но оно не разбилось, а я отделался лишь шишкой. Кровь не потекла, даже голова не болела. Моя жена говорит, все потому, что у меня очень крепкий череп. Я увидел, что женщину, сидевшую за рулем «тойоты», бросило в зазор между передними сиденьями. Когда наши автомобили наконец остановились, сцепившись посреди мостовой, я вылез из кабины посмотреть, сильно ли досталось старушкам. Честно говоря, я думал, что они обе уже мертвы. Но они не только не

умерли, но даже не потеряли сознание, хотя миссис Эстерлинг сломала три ребра и вывихнула бедро. Миссис Дорси – она сидела на пассажирском сиденье, а удар пришелся на водительскую половину – отделалась легким сотрясением мозга: ее ударило головой о боковое стекло.

Моя жена, Джоанна Арлен, родом из города Морлена, штат Массачусетс, лицезрела все это, стоя у аптеки. Сумка висела у нее на плече, пакет с покупками она держала в руке. Как и Билл Фрейкер она, должно быть, подумала, что сидящие в «тойоте» погибли или получили серьезные увечья. В застывшем жарком воздухе скрежет столкновения прогремел, как выстрел из гаубицы. Да еще зазвенело бьющееся стекло. Автомобили застыли посреди Джексон-стрит. Грязный оранжевый грузовичок навис над светло-синей «тойотой», как воинственный родитель над проштрафившимся ребенком.

Джоанна побежала через автостоянку к шоссе. Как и многие другие. Одна из них, мисс Джилл Данбэрри, в момент столкновения разглядывала витрины «Рэдио-шэка». Вроде бы она помнила, как пробежала мимо Джоанны. Во всяком случае, в голове у нее отложилось, что она пробежала мимо женщины в желтых слаксах. К тому времени миссис Эстерлинг уже кричала, что ей очень больно, им обоим очень больно, и когда же, наконец, помогут ей и ее подруге Ирен.

Пробежав полстоянки, моя жена упала неподалеку от газетных автоматов. Сумка осталась у нее на плече, а пакет выскользнул из руки и из него наполовину вывалился ингалятор. Вторая покупка так и осталась в пакете.

Никто не заметил женщину, лежащую на асфальте рядом с газетными автоматами. В центре внимания, естественно, оказались столкнувшиеся автомобили, кричащие женщины, лужа вытекшей из радиатора грузовичка смеси воды и антифриза («Это бензин! – крикнул приемщик фотолаборатории всем, кто хотел его слушать. – Это бензин! Будьте осторожны, друзья, как бы он не взорвался!»). Я полагаю, один или двое спешащих на помощь старушкам даже перепрыгнули через мою жену, полагая, что та просто лишилась чувств. Учитывая, что в тот день температура на солнцепеке зашкалила за сорок, нельзя счесть подобное предположение алогичным.

Десятка два прохожих уже столпились на месте аварии, еще с десятков спешили от Сто-форд-Парк, где проходил бейсбольный матч. Как я представляю себе, в эти минуты говорились все те слова, которые обычно произносятся в подобных ситуациях. Все суетились. Кто-то просунул руку сквозь разбитое стекло водительской дверцы, чтобы ободряюще пожать дрожащую старческую руку Эстер. Люди тут же расступились перед Джоем Уайзером: белый халат стал для него волшебным пропуском. Издалека донесся, нарастая с каждой секундой, вой sireны «скорой помощи».

Все это время моя жена лежала незамеченной на автостоянке, с сумкой через плечо (в которой так и остался нераспечатанным шоколадный мышонок с начинкой из маршмэллоу) и белым пакетом, отлетевшим на несколько дюймов от ее вытянутой руки. Обратил на нее внимание Джой Уайзер, спешивший в аптечный магазин, чтобы сделать компресс на голову Ирен Дорси. Он узнал мою жену, хотя та и лежала лицом вниз. Узнал по рыжеватым волосам, белой блузе и желтым слаксам. Узнал, потому что не прошло и четверти часа, как он обслужил ее.

– Миссис Нунэн? – позвал он, напрочь забыв о компрессе для пребывавшей в шоке, но явно избежавшей серьезной травмы Ирен Дорси. – Миссис Нунэн, с вами все в порядке? – Он уже знал (я более чем уверен, что знал, но, возможно, я и ошибаюсь), что положительного ответа ему не услышать.

Он перевернул ее на спину. Двумя руками, и то ему пришлось присесть и поднапрячься. Сверху яростно светило солнце. Снизу жарил асфальт. После смерти человек, как известно, становится тяжелее.

На ее лице краснели пятна. На опознании я ясно видел их на экране монитора. Уже хотел спросить у судебного медика, что это за пятна, но внезапно понял, что и так все знаю. Август, раскаленный асфальт – элементарно, Ватсон. Моя жена, упав, получила ожог.

Уайзер поднялся, увидел подъехавшую машину «скорой помощи» и побежал к ней. Протолкался сквозь толпу и схватил одного из санитаров, вылезших из кабины.

– Там женщина! – Уайзер указал на автостоянку.

– Парень, тут у нас две женщины, да еще и мужчина. – Санитар попытался вырваться, но Уайзер держал его крепко.

– О них пока можно забыть. В общем, они легко отделались. А вот женщине совсем плохо.

Женщина умерла, и я готов спорить, что у Уайзера не оставалось в этом ни малейших сомнений... но он умел отличить главное от второстепенного. Отдадим ему должное. Короче, он убедил прибывшую медицинскую бригаду последовать за ним, несмотря на крики Эстер Эстерлинг и недовольный ропот толпы.

Когда они подошли к моей жене, врач «скорой» полностью подтвердил предположение Уайзера.

– Господи! – вырвалось у санитаря. – Что с ней случилось?

– Скорее всего сердце, – предположил врач. – Она переволновалась, вот сердце и не выдержало.

Но Джоанну подвело не сердце. Вскрытие показало аневризму, с которой она жила неизвестно сколько лет, может, и пять. А вот когда она побежала через автостоянку, истонченный сосуд не выдержал и лопнул, как воздушный шарик, заливая кровью жизненно важные мозговые центры. Смерть, возможно, не была мгновенной, сказал мне помощник патологоанатома, но наступила очень быстро... и Джоанна не страдала. Перед ее глазами все почернело, а ощущения и мысли исчезли еще прежде, чем тело коснулось асфальта.

– Могу я вам чем-нибудь помочь, мистер Нунэн? – Помощник патологоанатома тактично отвлек меня от застывшего лица и закрытых глаз на экране монитора. – Есть у вас вопросы? Я отвечу на них, если сумею.

– Только один. – Я коротко рассказал ему о том предмете, что она купила в аптеке перед самой смертью. И задал вопрос.

Дни до похорон и сами похороны я помню смутно. Яркое воспоминание осталось только одно – я сижу на кухне, ем шоколадного мышонка Джо и плачу... плачу главным образом от того, что знаю – скоро от вкуса шоколада не останется и следа. Плакал я и еще один раз, через несколько дней после того, как Джоанну зарыли в землю. Об этом я вам коротко расскажу.

Меня порадовал приезд родственников Джо, а особенно прибытие ее старшего брата, Френка. Именно Френк Арлен – пятидесятилетний, краснощекий, с брюшком, шапкой черных волос, неподвластных седине, – все и организовывал... даже поцапался с владельцем похоронного бюро.

– Я не могу в это поверить, – честно признался я ему после похорон, когда мы сидели за столиком в баре и пили пиво.

– Он пытался содрать с тебя лишнее, Майки. Я ненавижу людей, готовых нажиться на чужом горе. – Он сунул руку в карман, достал носовой платок, вытер щеки. Трагедия не сломила его, она не сломила никого из Арленов, во всяком случае, в моем присутствии они держались молодцом, но из глаз Френка постоянно текли слезы, словно его замучил конъюнктивит.

Из шести детей Арленов Джо была младшей и единственной девочкой. Старшие братья пушинки с нее сдували. Подозреваю, если б они усмотрели в ее смерти хоть толику моей вины, меня бы разорвали в клочья. Но в сложившейся ситуации любовь и заботу они перенесли на меня, оградили от мира надежным щитом. Наверное, я смог бы пережить случившееся и без них, хотя и не знаю, как бы мне это удалось. Не забывайте, мне тогда было тридцать шесть.

Обычно в таком возрасте жену не хоронят, особенно если она двумя годами моложе. О смерти в тридцать шесть как-то не думается.

– Если какого-то парня хватают за руку, когда он пытается украсть магнитолу из твоего автомобиля, этот поступок называют кражей и его сажают в тюрьму. – Арлены приехали из Массачусетса, и в голосе Френка я слышал молденский выговор, они немного акают, эти массачусетсцы. – Если тот же парень пытается урвать с потрясенного утратой мужа четыре с половиной тысячи долларов за гроб, красная цена которому три тысячи, это называется бизнесом и его просят выступить на ленче в Ротари-клуб⁶. Жадюга, черт бы его побрал. Но я с ним разобрался, верно?

– Да. Более чем.

– Ты в порядке, Майки?

– Да.

– Честно?

– Слушай, откуда мне знать? – Тут я сорвался на крик, и несколько человек, сидящих за соседними столиками, повернулись к нам. – Она была беременна.

Его лицо окаменело.

– Что?

Я уже говорил чуть ли не шепотом:

– Беременна. Шесть или семь недель, согласно... Ну, ты понимаешь, вскрытие показало. Ты не знал? Она тебе ничего не говорила?

– Нет! Господи, да нет же! – Но по его лицу ясно читалось: что-то она ему, да говорила. – Я знал, что вы пытались... Это же естественно... она сказала, что у тебя уменьшенное количество сперматозоидов, поэтому на это требуется чуть больше времени, но доктор думает, что у вас... рано или поздно... – Он замолчал, уставившись на свои руки. – Они могут это определить? Они проверили?

– Могут определить. И проверили. Я не знаю, положено это проверять в подобных случаях или нет. Я попросил.

– Почему?

– Потому что перед смертью она купила не только ингалятор от насморка. Она также приобрела набор тестов для определения беременности.

– А ты об этом даже не догадывался?

Я покачал головой.

Он потянулся через стол, сжал мне плечо:

– Она хотела убедиться, что ошибки нет. Ты это понимаешь, не так ли?

Но она-то сказала, что поехала за ингалятором и рыбным филе. Чтобы все выглядело, как обычно. Женщина, отправляющаяся за покупками. Мы восемь лет пытались зачать ребенка, но она и виду не подавала, будто произошло что-то из ряда вон.

– Конечно. – Я похлопал Френка по руке. – Конечно, дружище. Я понимаю.

* * *

Именно Арлены во главе с Френком взяли на себя практически все хлопоты, связанные с похоронами Джоанны. Мне как писателю поручили некролог. Мой брат приехал из Виргинии, вместе с моими матерью и теткой. Ему позволили заносить в специальную книгу фамилии тех, кто приходил попрощаться с Джоанной. Моя мать – к шестидесяти шести годам она полностью выжила из ума, хотя врачи и отказывались признать у нее болезнь Альцгеймера, – жила в

⁶ Местное отделение общественной организации «Ротари интернэшнл», объединяющей представителей деловых кругов.

Мемфисе со своей сестрой, двумя годами моложе и сохранившейся немногим лучше, чем она сама. Им доверили резать торт на поминках.

Всем остальным занимались Арлены. Они определяли часы прощания с покойной, они расписали до мелочей церемонию похорон. Френк и Виктор, второй по старшинству, произнесли короткие речи. Папенька Джо предложил помолиться о душе дочери. И наконец, Пит Бридлав, подросток, который летом выкашивал нашу лужайку, а зимой сгребал с дорожек снег, вышиб у всех слезу, спев «Буду восхвалять Господа...», – псалом, который, по уверениям Френка, Джоанна девочкой любила больше других. Как Френку удалось найти Пита и убедить его спеть псалом, осталось для меня загадкой.

Мы выдержали все. И прощание с усопшей днем и вечером во вторник, и поминальную службу в среду утром, и короткую молитву у могилы на кладбище «Феалоун». Я помню, какая стояла жара, как одиноко мне было без Джо, как я жалел о том, что не купил новые туфли. Джо наверняка выговорила бы мне за те, что я надел, если б не умерла.

Потом я переговорил с моим братом Сидом, считая, что мы должны что-то предпринять в отношении матери и тети Френсин, пока они обе окончательно не перешли из реального мира в Сумеречную Зону⁷. Они слишком молоды, чтобы отправлять их в дом престарелых. И что думает по этому поводу Сид?

Он высказал какое-то предложение, но будь я проклят, если вспомню, какое именно. В этот же день, только позже, Сидди, наша мама и тетя загрузились во взятый напрокат автомобиль, чтобы вернуться в Бостон. Там они собирались переночевать, а утром уехать экспрессом «Южный полумесяц». Мой брат ничего не имеет против того, чтобы сопровождать старушек, но категорически отказывается летать самолетом, даже если билеты оплачиваю я. Он говорит, что в небе нет обочины, куда можно свернуть, если сломается двигатель.

На следующий день в большинстве своем отбыли и Арлены. Солнце жарило немилосердно, плывя по затянутому белой дымкой небу. Они стояли перед нашим домом – теперь уже моим домом, – когда к тротуару подкатили три такси. Все долго прощались со мной и друг с другом.

Френк задержался еще на день. Мы набрали за домом большой букет – настоящие цветы, какие любила Джо, а не те, что выращивают в теплицах (их запах ассоциируется со смертью и органной музыкой), – и сунули их в две большие банки из-под кофе, которые я отыскал в кладовой. Потом мы пошли на кладбище и положили цветы на могилу. Постояли под палящим солнцем.

– Я всегда в ней души не чаял. – Голос Френка дрогнул. – Мы и в молодости заботились о Джо. И Джо никто не докучал, уверяю тебя. Если кто-то из парней пытался, мы быстро вправляли ему мозги.

– Джо рассказывала мне всякие истории.

– Хорошие?

– Да, очень хорошие.

– Мне будет так недоставать ее.

– Мне тоже. Френк... – Я запнулся. – Послушай... Я знаю, что из всех братьев ты был ее любимчиком. Она не звонила тебе, чтобы сказать, что не пришли месячные или что по утрам ее мутит? Можешь мне сказать. Я злиться не стану.

– Но она не звонила. Клянусь Господом! Ее мутило по утрам?

– Я не замечал.

Так оно и было. Я ничего не замечал. Разумеется, я писал книгу, а в такие периоды я попадаю в транс. Но она прекрасно знала, когда я в трансе, а когда – нет. И легко могла вернуть

⁷ Автор использует название телевизионного фантастического сериала о людях, которые, оставаясь на Земле, оказываются в мире, отличном от нашего.

меня в реальный мир, если б захотела. Так почему не возвращала? Почему держала в секрете хорошие новости? Хотела убедиться, что ошибки нет, а потом сказать? Вроде бы логично... но очень уж не похоже на Джо.

– Мальчик или девочка? – спросил Френк.

– Девочка. Мы даже выбрали имена для наших первенцев. Мальчика бы назвали Эндрю. Девочку – Киа. Киа Джейн.

Френк, который развелся шесть лет тому назад и теперь жил один, остановился у меня.

– Я тревожусь из-за тебя, Майки, – признался он мне, когда мы ехали домой. – У тебя слишком мало родственников, которые могли бы поддержать тебя в такие минуты, а те, что есть, живут далеко.

– Я выкарабкаюсь.

Он кивнул:

– Мы все так говорим, не так ли?

– Мы?

– Мужчины. «Я выкарабкаюсь». А если нет, то постараюсь, чтобы никто об этом не узнал. – Он смотрел на меня, по щекам все катились слезы, в большой загорелой руке он держал носовой платок. – Если ты почувствуешь, что выкарабкаться не удастся, Майки, и тебе не захочется звонить брату, а я видел, как ты на него смотрел, позволь мне стать твоим братом. Если не ради себя, то ради Джо.

– Хорошо. – Я с благодарностью принял его предложение, хотя и знал, что никогда им не воспользуюсь. Я не обращаюсь к людям за помощью. Не потому, что меня так воспитали, во всяком случае, мне кажется, что причина не в воспитании. Просто такой уж у меня характер. Джоанна как-то заметила, что случись мне тонуть в озере Темный След, где у нас летний коттедж, я бы молча пошел ко дну в пятидесяти футах от пляжа, но не стал бы звать на помощь. И дело не в том, что мне чужды любовь и добрые чувства. Я могу отдавать и то, и другое, могу и получать. И боль я ощущаю, как все. Мне, как и любому другому, нужна ласка. Но я не могу ответить «нет», если кто-то спрашивает меня: «Ты в порядке?» Я не могу попросить о помощи.

Пару часов спустя Френк отбыл в южную часть штата. Когда он открыл дверцу автомобиля, у меня на мгновение улучшилось настроение: я увидел, что он слушает кассету с моей книгой. Он обнял меня, а потом удивил, поцеловав в губы.

– Если появится желание поговорить, звони. Если захочешь побыть с близким человеком, сразу же приезжай.

Я кивнул.

– И будь осторожен.

Вот этого я не понял. От жары и горя у меня возникло ощущение, что в последние дни я даже и не живу и все происходящее со мной – сон, но эта фраза меня проняла.

– А чего мне, собственно, опасаться?

– Не знаю, – ответил он. – Не знаю, Майки.

Он сел за руль, такой огромный мужик втиснулся в такой крохотный автомобильчик, и отбыл. Солнце как раз покатило к горизонту. Вы знаете, как выглядит солнце в конце жаркого августовского дня, оранжевое и какое-то сплющенное, словно невидимая рука придавливает его сверху и оно вот-вот лопнет, как опившийся кровью комар, расплескав содержимое своего желудка по всему горизонту? На востоке, где небо уже потемнело, погромыхивал гром. Но дождь в ту ночь так и не пошел, лишь темнота окутала город, как толстое, жаркое одеяло. Тем не менее я включил компьютер и поработал с час. Насколько мне помнится, писалось хорошо. А если даже и нет, вы не хуже меня знаете, что работа позволяет коротать время.

Второй приступ слез случился у меня через три или четыре дня после похорон. Ощущение, что я по-прежнему сплю, не проходило. Я ходил, разговаривал, отвечал на телефонные звонки, работал над книгой, которую к моменту смерти Джо закончил процентов на восемьдесят, но мне постоянно казалось, что происходит все это не со мной, что я – это не я, а настоящий «я» наблюдает за всем со стороны, послав вместо себя двойника.

Дениз Бридлав, мать Пита, предложила в один из дней на следующей неделе привести двух своих подруг и прибраться в большом доме, в котором я теперь жил один – одинокая горошина, позабытая в банке. Она сказала, что генеральная уборка обойдется мне в сотню долларов на троих, и добавила, что без этого никак нельзя. После смерти обязательно надо прибраться, даже если человек умер и не в доме.

Я ответил, что мысль неплохая, но сказал, что заплачу каждой женщине по сто долларов за шесть часов работы. То есть закончить уборку они должны за шесть часов. А то, что они не успеют сделать в отпущенное им время, останется на следующий раз.

– Мистер Нунэн, это слишком много, – запротестовала Дениз.

– Может – много, а может, и нет, но я плачу именно столько. Беретесь за уборку?

Она ответила, что они берутся, конечно, берутся.

В итоге в вечер, предшествующий их приходу, я провел предуборочную инспекцию дома. Наверное, я хотел, чтобы женщины (двух я совершенно не знал) не нашли ничего лишнего. К примеру, шелковых трусиков Джоанны, засунутых за подушки дивана («Что-то мы очень часто занимаемся этим на диване, Майк, – как-то сказала она мне. – Ты заметил?»), или пустых банок из-под пива под креслом на крыльце, а может, туалетную бумагу в унитазе, которую забыли спустить в канализацию. По правде говоря, я не могу сказать, что именно я искал. Помните, я же жил как во сне и ясность мыслей обретал, лишь когда дело касалось концовки романа (психопат-убийца завлек мою героиню на крышу многоэтажки с твердым намерением столкнуть ее вниз) или изготовленного фирмой «Норко» теста на беременность, который Джо купила в день смерти. Ингалятор от насморка, сказала она. Рыбное филе на ужин, сказала она. И в ее глазах я не заметил ничего такого, что заставило бы меня заглянуть в них второй раз.

Завершая инспекцию, я заглянул под нашу кровать и нашел книгу на стороне Джо. Она только-только умерла, но если в доме где-то и собирается пыль, так это в Подкроватном королевстве. Светло-серый налет, который я увидел на глянцевой обложке, достав книгу, напомнил мне о лице и руках лежащей в гробу Джоанны... Джо в Подземном царстве. В гробу тоже пыльно? Скорее всего нет, но...

Я отогнал эту мысль. Она прикинулась, будто уходит, но весь день пыталась вновь пробраться мне в голову, словно белый медведь Толстого.

Джоанна и я – выпускники университета штата Мэн. Оба защищали диплом по англоязычной литературе. Как и многие другие, мы влюбились в сладкозвучный голос Шекспира и обожали цинизм горожан Тилбюри, который сумел донести до нас Эдвин Арлингтон Робинсон⁸. Однако вместе нас свел не поэт и эссеист, а Сомерсет Моэм, пожилой писатель-драматург с сердцем романтика и лицом, на котором отчетливо читалось презрение к роду человеческому (хотя практически на всех фотографиях между лицом и объективом вставала пелена сигаретного дыма). Поэтому я не удивился, обнаружив под кроватью «Луну и грош». Роман этот я прочел в юношестве, причем не один раз, а дважды, естественно, отождествляя себя с Чарлзом Стриклендом (но в Южные моря я хотел отправиться, чтобы писать книги, а не рисовать).

Вместо закладки она воспользовалась игральной картой бог знает из какой колоды. Открывая книгу, я вспомнил слова, сказанные ею на заре нашего знакомства. Случилось это

⁸ Робинсон Эдвин Арлингтон (1869–1935) – американский поэт, лирика которого отличается психологической напряженностью и поэтикой намека.

на семинаре «Английская литература XX столетия», наверное, в 1980 году. Джоанна Арлен училась тогда на втором курсе, я – на последнем, а на «Английскую литературу XX столетия» ходил потому, что в тот последний для меня семестр у меня появилось свободное время. «Через сто лет, – заявила она на семинаре, – литературных критиков середины двадцатого века заклеят позором за то, что они обласкали Лоренса⁹ и пренебрегли Моэмом». Слова эти вызвали доброжелательный смех (все студенты знали, что «Женщины в любви» – одна из лучших книг, когда-либо написанных). Я не засмеялся – влюбился.

Игральная карта лежала между страницами 102 и 103: Дирк Струве только что узнал, что его жена уходит к Стрикленду, так назвал Моэм Поля Гогена. Рассказчик (повествование ведется от первого лица) пытается поддержать Струве. «Мой дорогой друг, ну что ты так печальешься? Она вернется...»

– Тебе-то легко так говорить, – бросил я комнате, теперь принадлежащей мне одному.

Я перевернул страницу и прочитал: «Оскорбительное спокойствие Стрикленда лишило Струве остатков самообладания. В слепой ярости, не осознавая, что делает, он бросился на Стрикленда. Тот не ожидал нападения и пошатнулся, но силы ему хватало, даже после тяжелой болезни, поэтому мгновением спустя Струве, неожиданно для себя, оказался на полу. – Смешной вы человечиска, – молвил Стрикленд».

И тут до меня дошло, что Джо никогда не перевернет страницу и не узнает, что Стрикленд назвал исполненного праведным гневом Струве смешным человечиком. В этот момент истины, который мне не забыть никогда (как можно? То были едва ли не худшие мгновения моей жизни), я понял, что это не ошибка, которую можно исправить. И не кошмарный сон, от которого можно пробудиться. Джоанна мертва.

Горе отняло у меня последние силы. Мы плачем глазами, другого не дано, но в тот вечер я почувствовал, что плачет все мое тело, каждая его пора. Я сидел на краю кровати, держа в руке карманное издание романа Сомерсета Моэма «Луна и грош», и рыдал навзрыд. Потом я, конечно, понял, что ревел не без причины. Несмотря на труп, который я опознал на цветном экране монитора с высокой разрешающей способностью, несмотря на похороны и тенорок Пита Бридлава, спевшего любимым псалом Джоанны, несмотря на короткую службу у могилы и брошенную на гроб землю, я не верил в случившееся. А вот книжке карманного формата, выпущенной издательством «Пенгуин», удалось преуспеть там, где потерпел неудачу серый гроб, – она доказала, что Джоанна мертва.

«– Смешной вы человечиска, – молвил Стрикленд».

Я откинулся на кровать, закрыл лицо руками и плачем загнал себя в сон, как делают дети, когда им очень плохо. И мне тут же приснился кошмар. В нем я проснулся, увидел, что книга «Луна и грош» по-прежнему лежит рядом со мной на покрывале, и решил положить ее туда, где нашел, то есть под кровать. Вы знаете, как перемешиваются во сне реальность и фантазии: логика в них, что часы Дали, которые становятся такими податливыми, – их можно развесить по веткам, как половики.

Я вернул игральную карту на прежнее место, между страницами 102 и 103, окончательно и бесповоротно убрал указательный палец со строчки «– Смешной вы человечиска, – молвил Стрикленд», перекатился на другую половину кровати, опустил голову, перевесившись через край, чтобы положить книгу именно на то место, с которого я ее и поднял.

Джо лежала среди катышков пыли. Паутинка свесилась с кровати пружины и ласкала ей щеку, словно перышко. Рыжеватые волосы потеряли привычный блеск, но глаза – черные, живые – злобно горели на бледном как полотно лице. А когда она заговорила, я понял, что смерть лишила ее рассудка.

⁹ Лоренс Дэвид Герберт (1885–1930) – английский писатель. В России более известен другой его роман – «Любовник леди Чаттерлей».

– Дай ее сюда, – прошипела она. – Это мой пылесос. – И выхватила у меня книгу, прежде чем я успел протянуть к ней руку. На мгновение наши пальцы соприкоснулись. Ее были холоднее льда. Она раскрыла книгу (игральная карта вывалилась) и положила ее себе на лицо. А когда Джо скрестила руки на груди и застыла, я понял, что надето на ней то самое синее платье, в котором мы ее похоронили. Она вышла из могилы, чтобы спрятаться под нашей кроватью.

Я проснулся со сдавленным криком, дернулся так, что едва не свалился на пол. Спал я недолго, слезы еще не успели высохнуть, а веки щипало – такое бывает после того, как поплачешь. Сон был очень уж яркий, поэтому я таки заглянул под кровать, в полной уверенности, что она там и лежит, накрыв лицо книгой, что она протянет руку, чтобы коснуться меня ледяными пальцами.

Но разумеется, никого под кроватью не обнаружил – сон есть сон. Тем не менее спать я улегся на диване в своем кабинете. И правильно сделал, потому что в ту ночь кошмары меня не мучили. И мне удалось хорошо выспаться.

Глава 2

За десять лет моей супружеской жизни, да и сразу после смерти Джоанны, мне так и не довелось почувствовать на себе действие психологического барьера, который вставал на пути многих писателей. По правде говоря, я так долго не замечал его существования, что барьер этот, а речь идет о полной утрате способности писать, укоренился и окреп, прежде чем я наконец понял, что со мной происходит что-то необычное. Причина, думаю, в том, что я искренне считал, будто такие катаклизмы возможны только с «литераторами», которых обсуждали, разбирали по косточкам, а иногда и растирали в порошок в «Нью-Йоркском книжном обозрении».

Моя писательская карьера и семейная жизнь практически наложились друг на друга. Я закончил черновой вариант моего первого романа «Быть вдвоем» вскоре после того, как мы с Джоанной официально обручились (я надел на средний палец ее левой руки кольцо с опалом, купленное в «Дайс джевеллерс» за сто десять баксов... для этого мне пришлось свести чуть ли не к нулю остальные расходы... но Джоанна пришла в восторг), а последний роман, «Вниз с самого верха», закончил через месяц после ее смерти. Об убийце-психопате, который обожал крыши высоких домов. Его опубликовали осенью 1995 года. После этого публиковались и другие мои романы, парадокс, который я могу объяснить, но не думаю, что в обозримом будущем в планах какого-либо издательства появится новый роман Майка Нунэна. Теперь я знаю, что есть писательский психологический барьер. Знаю лучше, чем мне хотелось бы.

Когда я показал черновой вариант «Быть вдвоем» Джо, она прочитала роман за один вечер, уютно устроившись в любимом кресле, одетая лишь в трусики да футболку с Мэновским черным медведем на груди. Она читала и пила холодный чай, стакан за стаканом. Я ушел в гараж (тогда мы с еще одной семейной парой арендовали дом в Бангоре, поскольку денег было в обрез... с Джо мы еще не поженились, но кольцо с опалом она с руки не снимала) и маялся в ожидании ее вердикта. Начал даже собирать скворечник из купленного в магазине набора (в инструкции говорилось, что собрать скворечник под силу ребенку) и чуть не отрезал себе указательный палец левой руки. Каждые двадцать минут я возвращался в дом и заглядывал в гостиную. Если Джо и замечала мое нетерпение, то не подавала виду. Читала себе и читала. Я счел, что это добрый знак.

Я сидел на крыльце черного хода, смотрел на звезды и курил, когда она подошла, села рядом, положила руку мне на плечо.

– Ну? – спросил я.

– Хороший роман. А теперь почему бы тебе не вернуться в дом и не трахнуть меня?

Прежде чем я успел ответить, трусики, в которых она сидела в кресле, упали мне на колени с легким нейлоновым шуршанием.

Потом, когда мы лежали в постели и ели апельсины (от этой вредной привычки мы в конце концов избавились), я спросил:

– Достаточно хороший, чтобы опубликовать?

– Видишь ли, – ответила она, – я ничего не знаю о сияющем издательском мире, но я всегда читала ради удовольствия... Признаюсь тебе, что моей первой любовью стал «Любопытный Джордж»...

– Любопытно.

Она придвинулась ко мне, навалилась на предплечье теплой грудью, кинула в рот дольку апельсина.

– Так вот, этот роман я прочитала с огромным удовольствием. И берусь предсказать, что твоя репортерская карьера в «Дерри ньюс» не переживет испытательного срока. Я думаю, что мне уготована участь писательской жены.

От ее слов меня бросило в дрожь... кожа на руках покрылась мурашками. Да, конечно, она ничего не знала о сияющем издательском мире, но если она верила, то верил и я... Как выяснилось, мы не заблуждались. Агента я нашел через одну из моих университетских преподавательниц (она прочитала роман и отметила в нем некоторые художественные достоинства; думаю, что коммерческую ценность романа она отнесла к недостаткам). Агент продал «Быть вдвоем» первому же издательству, в которое направил рукопись. Это оказалось престижное «Рэндом хауз».

Как и предсказывала Джо, моя репортерская карьера закончилась очень быстро. Четыре месяца я писал статьи о цветочных выставках, собачьих бегах, благотворительных обедах, получая сто долларов в неделю, пока не пришел первый чек от «Рэндом хауза» – на двадцать семь тысяч долларов, без учета комиссионных агента. Я проработал в газете совсем ничего, даже не успел получить мизерной прибавки к жалованью, но тем не менее мне устроили прощальную вечеринку в пабе «У Джека». На стене повесили плакат:

УДАЧИ ТЕБЕ, МАЙК, – ПИШИ!

Потом, когда мы вернулись домой, Джо сказала, что будь зависть кислотой, от меня остались бы лишь пряжка от ремня да три зуба.

– Никто не спутает ее с «Взгляни на дом свой, Ангел»¹⁰, не так ли? – спросил я, когда мы погасили свет, доели последний апельсин и выкурили последнюю сигарету.

Джо знала, что я говорил про свою книгу. Знала она и про то, что меня смутила реакция на роман моего университетского преподавателя.

– Надеюсь, ты не собираешься заниматься самокопанием и сетовать на тяжелую судьбу художника, которого никто не хочет понять? – спросила Джо. – Если да, то завтра утром я первым делом покупаю комплект документов, необходимых для развода, и руководство по их заполнению.

Я, конечно, улыбнулся, но ее слова меня все-таки задели.

– Ты видела первый пресс-релиз «Рэндом хауза»? – Я знал, что видела. – Они же назвали меня «Ви-Си Эндрюс с членом».

– И что? – Она ухватила за означенный предмет. – Член у тебя имеется. А насчет того, как тебя обозвали... Майк, в третьем классе Патти Бэннинг дразнила меня шлюшкой-потаскушкой. Но я же ею не была.

– Ярлыки приклеиваются намертво.

– Е-рун-да. – Она все не отпускала мой игрунчик, то крепко, до сладостной боли, сжимая, то чуть ослабляя хватку. И брючную мышку такое внимание очень даже устраивало. – Главное – это счастье. Ты счастлив, когда пишешь, Майк?

– Безусловно. – Она это и так знала.

– Когда ты пишешь, тебя мучает совесть?

– Когда я пишу, то не могу думать ни о чем другом, кроме одного. – И я перекатился на Джо.

– Дорогой... – Это слово она произнесла тем капризным голоском, который особенно возбуждал меня. – Между нами чей-то пенис.

¹⁰ Роман известного американского писателя Томаса Вулфа (1900–1938), написанный в 1929 г.

И когда мы ласкали друг друга, я окончательно понял следующее: во-первых, она не кривила душой, говоря, что ей понравилась моя книга (черт, у меня не было в этом сомнений с того самого момента, как я увидел, с каким увлечением она читает рукопись), а во-вторых, мне нет нужды стыдиться написанного... по крайней мере по ее убеждению я ничего постыдного не сотворил. И еще, в оценке моей работы я должен исходить исключительно из нашего семейного мнения, которое формируется на основе ее точки зрения и, естественно, моей.

Слава Богу, она тоже любила Моэма.

Ви-Си Эндрюс с членом я пробыл десять лет... четырнадцать, если добавить четыре года после смерти Джоанны, когда продолжали выходить мои книги. Первые пять лет я издавался в «Рэндоме», потом мой агент получил чрезвычайно выгодное предложение от «Патнама»¹¹, и я сменил издателя.

Вы видели мою фамилию в списках бестселлеров... если ваша воскресная газета печатает не десять, а пятнадцать первых позиций. Я не сравнялся с Клэнси, Ладлемом или Гришеэмом, но многие мои книги издали в переплете¹² (у Ви-Си Эндрюс, как-то сказал мне Гарольд Обловски, все книги выходили исключительно в обложке, несмотря на популярность ее романов), а однажды я занял пятую строчку в списке бестселлеров в «Таймс»... с моим вторым романом, который назывался «Мужчина в красной рубашке». Ирония судьбы, но одной из книг, которая не позволила мне подняться выше, была «Стальная машина» Теда Бюмонта¹³ (он опубликовал роман под псевдонимом Джордж Старк). В те дни у Бюмонтов был летний коттедж в Касл-Роке, в пятидесяти милях южнее нашего загородного дома на озере Темный След. Теда уже нет среди нас. Самоубийство. Не знаю, был ли тому причиной писательский психологический барьер.

Я стоял на границе магического круга мегабестселлеров, но несколько не переживал из-за того, что не могу прорваться внутрь. Мне еще не исполнилось тридцати одного, а нам уже принадлежали два дома: старинный, построенный в стиле Эдуарда¹⁴, особняк в Дерри и приличных размеров коттедж на озере в западной части Мэна. «Сара-Хохотушка», так называли этот бревенчатый дом местные жители. Причем дома именно принадлежали нам, поскольку мы полностью за них расплатились, тогда как многие пары нашего возраста почитали за счастье, если банки соглашались дать им на покупку дома кредит. Мы были богаты и счастливы и спокойно смотрели в будущее. Я не считал себя Томасом Вулфом (не считал даже Томом Вулфом и Тобиасом Вулффом¹⁵), но мне хорошо платили за работу, которая мне нравилась, и я полагал, что лучше ничего на свете и быть не может.

Я попал в разряд середнячков. Критика меня игнорировала, работал я в строго определенном жанре (очаровательная молодая женщина встречается на своем пути интересного незнакомца), труд мой хорошо оплачивался, поскольку общество понимало, что обойтись без меня нельзя. Точно так же относятся к разрешенным в штате Невада публичным домам: основному инстинкту надобно давать выход, а потому кто-то должен заниматься Этим Самым Делом. Я занимался Этим Самым Делом с большим желанием (а иногда мне с энтузиазмом помогала Джо, в случаях, когда я оказывался на сюжетной развилке), и в какой-то момент – кажется, после избрания Джорджа Буша, – наш бухгалтер сообщил, что мы – миллионеры.

Конечно, нашего богатства не хватило бы, чтобы купить личный реактивный самолет (как Гришэм) или профессиональную футбольную команду (как Клэнси), но по меркам Дерри,

¹¹ «Дж. П. Патнамс-санс» – еще одно известное нью-йоркское издательство, основанное в 1938 г.

¹² Для американского писателя выпуск романа не в обложке (большая часть книг в США выходит именно в карманном формате), а в переплете – огромное событие, признание мастерства.

¹³ Тед Бюмонт – один из главных героев романа Стивена Кинга «Темная половина».

¹⁴ Речь идет об архитектурном стиле, сформировавшемся во время правления английского короля Эдуарда VI.

¹⁵ Том Вулф, Тобиас Вулфф – современные американские писатели.

штат Массачусетс, мы просто купались в деньгах. Мы несчетное количество раз занимались любовью, посмотрели тысячи фильмов, прочитали тысячи книг (Джо складывала свои на пол у кровати). А главное – и наверное, это следует почитать за счастье, – мы не знали, сколь краткий нам отпущен срок.

Не единожды я задумывался, а не нарушение ли ритуалов приводит к возникновению писательского психологического барьера? Днем я, конечно, отметал эти мысли, не люблю рассуждений о сверхъестественном, но ночью у меня возникали проблемы. Ночью у мыслей есть особенность срываться с поводка и гулять на свободе. А если ты всю взрослую жизнь выдумываешь сюжеты и переносишь их из головы на бумагу, мыслям сорваться с поводка куда как проще. То ли Бернард Шоу, то ли Оскар Уайльд сказал, что писатель – это человек, который научил свой разум вести себя неподобающим образом.

Но так ли уж крамольна мысль о том, что нарушение ритуалов сыграло свою роль и внезапно и неожиданно (по крайней мере неожиданно для себя) я кончился как писатель? Когда ты зарабатываешь хлеб в выдуманных мирах, граница между тем, что есть на самом деле, и тем, что кажется, слишком размыта. Художники иногда отказываются рисовать, не надев определенной шляпы. Бейсболисты, у которых пошел удар, не меняют носки.

Ритуал начался со второй книги, единственной, из-за которой, насколько мне помнится, я очень нервничал. Наверное, я вновь переболел болезнью второкурсника: им всегда кажется, что после первого успеха обязателен провал. Кстати, на одной из лекций по курсу американской литературы профессор сказал, что из всех американских писателей только Харпер Ли удалось избежать панического страха за вторую книгу.

Заканчивая «Мужчину в красной рубашке», я остановился в шаге от финишной черты. До приобретения старинного особняка на Бентон-стрит в Дерри оставалось еще два года, но «Сару-Хохотушку», коттедж и участок земли на озере Темный След мы уже купили, хотя еще не обставили и не пристроили студию Джо. Там я и дописывал «Мужчину».

Я отодвинул стул, поднялся из-за стола, на котором стояла моя старенькая «Ай-би-эм селектрик» (тогда я еще не освоил компьютер), и прошел на кухню. Сентябрь уже перевалил на вторую половину, дачники в большинстве своем разъехались, и никакие посторонние шумы не заглушали крики гагар. Солнце садилось, гладкая поверхность озера горела холодным оранжево-красным огнем. Это воспоминание осталось со мной навсегда, яркое и живое. Иной раз мне даже кажется, что достаточно небольшого усилия воли, чтобы оно вновь стало реальностью. Вот я и задумываюсь: а что бы изменилось, если бы тогда все было иначе?

Еще раньше я поставил в холодильник бутылку «тэттинжера» и два бокала. Теперь я достал их и на жестяном подносе, который обычно использовался для транспортировки кувшинов с холодным чаем или «кул-эйдом» из кухни на террасу, где коротала время Джо, или в гостиную, где я работал, понес к Джоанне.

Она сидела в кресле-качалке и читала (не Моэма, а Уильяма Денброу, одного из ее любимых современных писателей).

– О-о-о, – протянула она, заложив закладкой страницу и закрыв книгу. – Шампанское! По какому случаю?

Вы понимаете, как будто она не знала.

– Дело сделано. *Mon livre est tout fini*¹⁶.

Джоанна и была той самой основой, без которой ритуал терял свою силу. Мы практически всегда пили шампанское, и она практически всегда шла в мой кабинет, чтобы завершить ритуал, но все-таки не после каждой книги.

¹⁶ Моя книга написана (фр.)

– Что ж, – улыбаясь, она взяла с подноса, с которым я перед ней склонился, один бокал, – значит, есть повод выпить, верно?

Теперь я понимаю, что основа любого ритуала – всего лишь малая его толика, можно сказать, единственное магическое слово в тарабарщине заклинания. Последняя фраза.

Однажды, за пять лет до ее смерти, в тот день, когда я закончил книгу, Джоанна находилась в Ирландии. Уехала с подругой. Я выпил шампанское в одиночестве, сам отпечатал последнюю фразу (тогда я уже работал на «макинтоше», который умел делать бог весть что, хотя я использовал его исключительно как пишущую машинку), и меня это нисколько не смутило. Во всяком случае, в ту ночь я спал как младенец. Но я позвонил в гостиницу, в которой остановились она и Брин, ее подруга. Сообщил ей, что закончил книгу, и услышал слова, ради которых, собственно, и звонил. Слова, которые скользнули в ирландский телефонный провод, добрались до микроволнового передатчика, вознеслись, как молитва, к спутнику связи, а потом спустились вниз, в мое ухо: «Что ж, значит, есть повод выпить, верно?»

Обычай этот пошел, как я и говорил, со второй моей книги. Когда мы выпили шампанского, сначала по одному бокалу, затем – по второму, я повел ее в кабинет, где стояла пишущая машинка с вставленным в нее листом бумаги. На озере последняя гагара криком призвала темноту.

– Я думала, ты закончил книгу.

– Осталось последнее предложение, – ответил я. – Книга, как ты понимаешь, посвящена тебе, и я хочу, чтобы последнюю точку в ней поставила ты.

Она не запротестовала, не засмеялась, просто посмотрела на меня, чтобы понять, не шутка ли это. Я кивнул, показывая, что настроен серьезно, и она села на мой стул. Она недавно выкупалась, и ее волосы, схваченные сзади белой эластичной лентой, были темнее обычного. Я коснулся их рукой. Они напоминали влажный шелк.

– С красной строки? – спросила она, глядя на меня словно молоденькая секретарша на босса.

– Нет, – покачал я головой. – Продолжай. – И я продиктовал предложение, которое сложилось у меня в голове еще до того, как я поднялся из-за стола и пошел за шампанским. – «Через голову он снял с ее шеи цепь, и бок о бок они спустились по лестнице к ожидающемуся внизу автомобилю».

Джоанна все напечатала, вновь посмотрела на меня.

– Все. Теперь, полагаю, надо напечатать «Конец».

Джо дважды нажала на кнопку «Возврат каретки», затем выставила ее по центру, и ай-би-эмовским шрифтом «курьер» (моим любимым) отпечатала последнее слово.

– А что за цепь он снял с ее шеи? – спросила она.

– Чтобы это узнать, надо прочесть книгу.

Она сидела у стола, я стоял позади нее, так что она без труда добралась до нужного ей места. И когда заговорила, губы ее елозили по самой чувствительной части моего тела. А разделяли губы и эту самую часть лишь трусы из хлопчатобумажной ткани.

– У наш ештэ шпошобы жаштафить тефя гофорить.

– Похоже на то.

Я по крайней мере попытался возродить ритуал в тот день, когда закончил «Вниз с самого верха». От него осталась только форма, магическое содержание исчезло, но я в общем-то этого и ожидал. И пошел на это не из суеверия, а от уважения и любви. Если хотите, совершил ритуал в память о Джоанне. Или, если угодно, ритуал этот стал настоящей поминальной службой, которую я смог провести через месяц после того, как тело Джоанны легло в землю.

В третьей декаде сентября по-прежнему стояла жара, в последние годы не случалось такого жаркого лета. Заканчивая книгу, я постоянно думал о том, как мне недостает Джо-

анны... но мысли эти не мешали мне работать. Упомяну вот еще о чем: я оставался в Дерри, из-за жары ходил по дому в одних трусах, но ни разу не подумал о том, чтобы перебраться в наш коттедж у озера. Словно из моей памяти исчезла вся информация, связанная с нашей загородной усадьбой «Сара-Хохотушка». Может, потому, что, дойдя до последней фразы романа, я окончательно осознал: на этот раз Джоанна уехала не в Ирландию.

На озере у меня маленький кабинет, но с окном. В Дерри – длинный, с протянувшимися вдоль стен книжными стеллажами и без единого окна. В тот вечер три вентилятора под потолком лениво перегоняли сгустившийся воздух. Я вошел в кабинет в шортах, футболке и резиновых шлепанцах, с маленьким жестяным подносом, на котором стояли бутылка шампанского и два запотевших бокала. В дальнем конце этого железнодорожного вагона, под таким крутым карнизом, что мне приходилось чуть ли не садиться на корточки, чтобы добраться до стула (год за годом Джо убеждала меня, что я выбрал для компьютера самое неудачное место в комнате, но не могла переубедить), светился экран «макинтоша».

Я уж подумал, что сам нарываюсь на новый приступ слез, но ведь наша эмоциональная реакция всегда удивляет нас, я прав? В тот вечер я не выл и не рыдал. Наверное, горе ушло. А его место заняло щемящее чувство утраты: я видел пустое кресло, в котором она любила сидеть и читать, пустой стол, на который она ставила свой бокал, всегда у самого края.

Я наполнил бокал шампанским, подождал, пока осядет пена, поднял его.

– Дело сделано, – сообщил я вращающимся под потолком лопастям вентилятора. – Что ж, значит, есть повод выпить, верно?

Ответной реакции не последовало. В свете того, что произошло позже, думаю, эту фразу есть смысл повторить: ответной реакции не последовало. Я не почувствовал, как случилось потом, что я не один во вроде бы пустой комнате.

Я выпил шампанское, поставил бокал на жестяной поднос, наполнил второй. С ним пошел к «маку» и сел перед ним, как села бы Джоанна, если бы не вмешательство горячо любимого всеми Бога. Тело мое не сотрясали рыдания, но в уголках глаз стояли слезы. На экране я прочитал:

не таким уж и плохим выдался денек, подумала она. Пересекла лужайку, направляясь к своему автомобилю, рассмеялась, увидев белый квадратик бумаги, прижатый дворником к ветровому стеклу. Кэм Диленси, который никогда не сдавался, для которого не существовало слова «нет», приглашал ее во вторник на еженедельную дегустацию вин. Она вытащила квадратик, уже собралась разорвать его, но в последний момент передумала и сунула в карман джинсов.

– Не с красной строки. Продолжаем абзац, – указал я сам себе и отпечатал предложение, которое сложилось в голове еще до того, как я пошел за шампанским:

Перед ней лежал целый мир; так почему не начать его освоение с дегустации вин, на которую пригласил ее Кэм Диленси?

Я замер, глядя на крошечный мерцающий курсор. Уголки глаз все щипали слезы, но, повторяю, никакой холодный ветерок не обдувал мои колени, ничьи ледяные пальцы не хватили за шею. Я дважды нажал на клавишу «Enter». Потом на клавишу «Center». Напечатал завершающее слово «Конец» и отсалютовал экрану бокалом, который предназначался Джо.

– За тебя, крошка! Как бы я хотел, чтобы ты была рядом. Мне чертовски тебя недостает. – Мой голос дрогнул на последнем слове, но дыхания у меня не перехватило.

Я выпил «тэттинжер», сохранил в памяти компьютера последнее предложение, перегнал файл на дискету, вытащил ее из дисковода, положил к остальным дискетам, на которых хранился текст моей очередной нетленки. И за последующие четыре года не написал ни строчки,

если не считать писем, перечней необходимых покупок и заполнения соответствующих граф на чеках и различных документах.

Глава 3

Мое издательство ничего не знало. Как и мой редактор Дебра Уайнсток, и мой агент Гарольд Обловски. В полном неведении пребывал и Френк Арлен, хотя меня не раз так и подмывало обо всем ему рассказать. *Позволь мне быть твоим братом, если не ради тебя, то ради Джо.* Эти слова я услышал от него, когда он возвращался к своей типографии и уединенной жизни в маленький городок Сэнфорд в южной части штата Мэн. Я не собирался плакаться ему в жилетку и не плакался – но каждые две недели звонил. Поболтать ни о чем, вы понимаете. «Как дела? – Нормально, только на улице жуткая холодина. – Да, здесь тоже. – Ты поедешь в Бостон, если я возьму билеты на «Медведей»? – Может, в следующем сезоне, сейчас я очень занят. – Да, я понимаю. – До встречи, Майки. – Счастливо, Френк. – Держи хвост пистолетом». Мужской разговор.

Я уверен, что раз или два он спрашивал, работаю ли я над новой книгой, и вроде бы я отвечал...

Да ладно... врал я ему. И так привык к своему вранью, что сам стал в него верить. Он спрашивал, это точно, а я говорил, что работаю, конечно, работаю, и пишется отлично, лучше, чем когда бы то ни было. Но с языка едва не срывалось совсем другое. «Стоит мне написать пару абзацев, как со мной начинает твориться что-то ужасное: пульс убыстряется в два, потом в три раза, дыхание перехватывает, глаза вылезают из орбит. Я становлюсь похож на страдающего клаустрофобией человека, который неведомо как оказался в быстро тонущей подводной лодке. Такие вот у меня дела, спасибо, что спросил». Но конечно, ничего такого я ему так и не сказал. Я звоню не для того, чтобы просить о помощи. Я не могу просить о помощи. Кажется, я вам об этом уже говорил.

С моей точки зрения – признаю, очень субъективной, – среди творческих личностей удачливые романисты (пусть даже относительно удачливые) занимают самую выгодную позицию. Действительно, люди покупают больше компакт-дисков, чем книг, часто ходят в кино, много времени проводят у телевизора. Но у романистов более длительный период продуктивной работы, возможно, потому, что читатели чуть умнее поклонников других видов искусства, где обходятся без печатного слова. Дэвид Соул из знаменитого в семидесятых сериала «Старски и Хатч» или в свое время очень даже известный белый рэппер Ванилла Айс нынче бог знает где. А Герман Вук, Джеймс Мичинер или Норман Мейлер все еще в обороте. Вот и рассуждай после этого о динозаврах, когда-то ходивших по Земле.

Аргур Хейли работал над новой книгой (тогда это был слух, который полностью подтвердился), Томас Харрис мог замолчать на семь лет, а потом снова начать выдавать бестселлеры, а произведения Джерома Дэвида Сэлинджера, пусть за последние сорок лет он и не написал ни слова, продолжают горячо обсуждать как студенты гуманитарных вузов, так и члены неформальных литературных объединений. Верность читателей не идет ни в какое сравнение с верностью почитателей поп-звезды. Вот почему так много книг, авторы которых уже не способны выдать на-гора что-нибудь новенькое, вновь и вновь попадают в списки бестселлеров исключительно благодаря магической надписи на обложке: «АВТОР...»

К автору, каждое произведение которого в переплете может продаваться тиражом в пятьсот тысяч, а в карманном формате – в миллион, издатель предъявляет только одно, очень простое требование: роман в год. Нью-йоркские мудрецы считают, что это оптимум. Триста восемьдесят страниц, переплетенных или склеенных, каждые двенадцать месяцев, с началом, серединой и концовкой, с запоминающимися персонажами. Лучше бы не новыми, а перешедшими из прежних книг. Читатели это обожают. Знакомый персонаж для них что родственник.

Если книга в год не получается, недовольны и издатель, и агент. У издателя могут не окупиться вложенные в тебя инвестиции, у агента не хватит денег для оплаты счетов его психоаналитика. Опять же если книга сильно задерживается, часть читателей может тебя и подзабыть. Тут уж ничего не поделаешь. Опять же нельзя и частить, иначе читатель может сказать: «Что-то начитался я этого парня, он уже на зубах завяз».

Я рассказываю вам все это, чтобы вы поняли, каким образом мне удалось четыре года водить всех за нос: компьютер я использовал главным образом для игры в «Скрэббл», но об этом никто не догадывался. Писательский психологический барьер? Что такое писательский психологический барьер? Нет у нас никакого писательского психологического барьера! О каком таком писательском психологическом барьере может идти речь, если каждый год поздней осенью появляется новый детективный роман Майкла Нунэна? Почитать его на досуге – одно удовольствие, не только вам, но и вашим родственникам. И между прочим, обратите внимание, что в нашем книжном магазине на второй экземпляр предоставляется тридцатипроцентная скидка. Выгодное получается дельце.

Секрет прост, и я не единственный популярный американский автор, который им владеет. Если слухи верны, Даниэла Стил (приведу только один пример) десятилетиями пользовалась формулой Нунэна. Видите ли, хотя я публиковал по книге в год, начиная с романа «Быть вдвоем», который увидел свет в 1984 году, за последующие десять лет я написал четырнадцать романов. То есть четыре года мне удавалось писать по две книги. Одну я отдавал агенту, вторую припрятывал.

Не помню, говорил ли я об этом с Джо, но вопросов она точно не задавала, то есть понимала, что я делаю: как белочка, запасаю орешки. Конечно, думал я тогда не о психологическом барьере. Черт, да я просто развлекался.

В феврале 1995 года, запор в по меньшей мере два многообещающих сюжета (вот эта функция моего мозга – подбрасывать сюжеты – никуда не подевалась и теперь вместо радости приносила только горе), я более не мог отрицать очевидное: у меня самые серьезные неприятности, с какими может столкнуться писатель, за исключением разве что болезни Альцгеймера и инсульта. Однако в большой сейфовой ячейке, которую я абонировал в «Файделити юнион», лежали четыре картонные коробки с рукописями. Промаркированные как «Обещание», «Угроза», «Дэрси» и «Верх». Где-то на День святого Валентина позвонил мой агент, и в его голосе слышалось волнение. Обычно я передавал ему мой последний шедевр в конце января, а тут минула половина февраля. И им пришлось бы задействовать все резервы, чтобы успеть с очередным романом Майка Нунэна к рождественской лихорадке. Конечно же, он желал знать, все ли в порядке?

То был мой последний шанс признаться, что все как раз не в порядке, но мистер Гарольд Обловски из дома 225 по Парк-авеню не относился к тем, кто смиряется с неизбежным. Он был хорошим агентом, в издательских кругах его любили и ненавидели (иногда одни и те же люди и одновременно), но весть о том, что золотая жила вдруг иссякла, вызвала бы у него бурную и негативную реакцию. Он бы прилетел в Дерри первым же рейсом, чтобы не уезжать до тех пор, пока ему не удастся вернуть меня на круги своя. Нет, я любил Гарольда, но только на расстоянии, когда он сидел в своем кабинете на тридцать восьмом этаже и любовался Ист-Сайдом.

И я сказал ему: «Гарольд, какое совпадение, ты звонишь мне в тот самый день, когда я закончил новый роман, фантастика, не правда ли, я высылаю его немедленно, через "Федэкс"¹⁷, так что завтра ты его получишь». Гарольд заверил меня, что никакого совпадения нет, просто

¹⁷ «Федерал экспресс корпорейшн» – крупнейшая в США частная почтовая служба срочной доставки небольших посылок и бандеролей.

он находится в телепатической связи со своими авторами. Потом поздравил меня и положил трубку. А два часа спустя я получил от него большой букет.

Поставив цветы в столовой – туда я после смерти Джо заходил редко, – я отправился в «Файделити юнион». Вставил в замочную скважину банковской ячейки свой ключ и вскоре уже нес в приемный пункт «Федэкс» рукопись романа «Вниз с самого верха». Я взял только что написанную книгу потому лишь, что она лежала ближе всех к дверце. В ноябре ее напечатали, аккуратно поспели к Рождеству. Я посвятил ее памяти моей любимой жены, Джоанны. Книга поднялась на одиннадцатую строчку в списке бестселлеров «Таймс». На радость всем, в том числе и мне. Потому что жизнь поворачивалась в лучшую сторону, ведь так? Ведь, в конце концов, писательский психологический барьер рушится у всех, разве нет? (За исключением, возможно, Харпер Ли.) Все, что от меня требуется, так это расслабиться, как сказала архиепископу девушка из кордебалета. И, слава Богу, я был запасливой белочкой и заготовил достаточно орешков.

Не потерял я оптимизма и на следующий год, когда отправил через «Федерал экспресс» рукопись романа «Угрожающее поведение». Этот роман я написал осенью 1991 года, и он очень понравился Джо. Оптимизма поубавилось к марту 1997 года: в этом месяце Гарольд получил от меня «Поклонника Дэрси». Однако, когда меня спрашивали, как идут дела, подразумевая под этим, как пишутся книги, я отвечал: «Хорошо, отлично, все путем, пишутся и пишутся, сюжеты прут из меня, как дерьмо из коровьей задницы».

Когда же, прочитав «Дэрси», Гарольд заявил, что это мой лучший роман, я осторожно намекнул на то, что хочу сделать перерыв на год. Он отреагировал мгновенно, самым неприятным для меня вопросом: все ли у меня в порядке? Конечно, ответил я, все тип-топ, просто думаю о том, чтобы немного сбавить темп.

Последовала одна из фирменных пауз Гарольда, смысл которой – показать, что ты – сто-процентное дерьмо, но, поскольку Гарольд к тебе очень хорошо относится, он ищет слова, чтобы выразить сие в максимально мягкой форме. Прием этот очень эффективный, да только я раскусил его шесть лет тому назад. Вернее, раскусила Джо. «Сочувствие у него притворное, – вынесла она вердикт. – Он – как коп в старых французских фильмах. Держит рот на замке с тем, чтобы ты говорил и говорил, пока не признаешься».

На этот раз рот на замке держал я. Только перекинул трубку от левого уха к правому да устроился поудобнее в кресле. И при этом взгляд упал на фотографию в рамочке, что стояла на компьютере: «Сара-Хохотушка», наша усадьба на озере Темный След. Я не был там уже целую вечность и внезапно задался вопросом: а почему?

Наконец в трубке послышался голос Гарольда, осторожный, успокаивающий, голос человека в здравом уме, пытающегося убедить психа, что его умопомешательство – явление сугубо временное.

– Мне кажется, эта идея не из лучших, Майк, во всяком случае, на текущий момент.

– Отчего же? – упорствовал я. – Максиму я достиг в 1991 году. С тех пор продажи моих книг держатся на постоянном уровне. Я – на плато, Гарольд, один год ничего не изменит.

– Видишь ли, писатели, книги которых стабильно продаются, как бы находятся на развилке. Или книги и дальше будут продаваться, или тиражи пойдут вниз.

«Значит, мои тиражи пойдут вниз», – едва не вырвалось у меня... но не вырвалось. Я не хотел, чтобы Гарольд знал, в каком я состоянии, насколько далеко все зашло. Я не хотел, чтобы он знал, что теперь у меня прихватывало сердце – действительно прихватывало – почти всякий раз, когда я открывал шестой «Ворд» и смотрел на пустой экран и мерцающий курсор.

– Да, – пробормотал я. – Хорошо. Сообщение принято.

– Ты уверен, что с тобой все в порядке?

– Разве книга утверждает обратное, Гарольд?

– Черт, да нет же... Книга потрясающая. Твой лучший роман, я тебе уже говорил. Если бы Сол Беллоу¹⁸ писал романтические детективы, из-под его пера выходили бы именно такие книги. Но... у тебя нет проблем со следующей книгой? Я понимаю, тебе по-прежнему недостает Джо, это естественно, мы все...

– Нет, – оборвал его я. – Никаких проблем.

Вновь последовала долгая пауза. Я ее выдержал. Перемолчал Гарольда. Так что первым опять заговорил он.

– Гришэм может позволить себе год отдыха. Клэнси может. У Томаса Харриса длительные промежутки между книгами скорее правило, чем исключение. Но ты находишься на том уровне, Майк, где жизнь куда как сложнее, чем на самом вершине. На каждую строчку в этой части списка – пять претендентов, и ты их хорошо знаешь. Черт, каждый год они три месяца соседствуют с тобой. Некоторые поднимаются, как со своими двумя последними книгами поднялась Патриция Корнуэлл¹⁹, некоторые опускаются. Кто-то держится на одном уровне. Если бы Том Клэнси не писал пять лет, а потом вновь вышел на рынок с романом о Джеке Райане, он бы вновь попал в десятку, в этом нет ни малейших сомнений. Если ты выпадешь из поля зрения читателей на пять лет, то просто не вернешься. Мой совет...

– Заготавливай сено, пока светит солнце.

– Ты просто снял слова с языка.

Мы еще немного поболтали, потом попрощались. Я откинулся на спинку стула, вновь посмотрел на фотографию нашего прибежища в западной части штата Мэн. «Сара-Хохотушка». Прямо-таки героиня какой-нибудь старинной баллады. Джо наш коттедж у озера нравился больше, чем мне, но ведь и у меня он вызывал только положительные эмоции. Тогда почему я столько лет и носа туда не кажу? Билл Дин, наш сторож, каждую весну снимал с окон ставни и каждую осень навешивал их вновь. Каждую осень сливал воду из труб и каждую весну проверял работу насоса, генератора, в соответствии с указанными в инструкции сроками вызывал мастеров, чтобы те провели положенное техническое обслуживание, и каждый год, после Дня поминовения, в пятидесяти ярдах от принадлежащего нам клочка берега ставил на якорь плот.

Летом 1996 года Билл прочистил дымоход, хотя за последние два года в камине ни разу не разжигали огонь. Я платил ему ежеквартально, как принято оплачивать труд сторожей в этой части света. Билл Дин, старый янки, предки которого давным-давно обосновались в Америке, обналичивал мои чеки и не спрашивал, почему я больше не живу в своем коттедже. После смерти Джо я приезжал туда два или три раза, но на ночь не оставался. Хорошо, что Билл не спрашивал, почему, ибо я не знал, как ему ответить. Собственно, до разговора с Гарольдом я и думать не думал о «Саре-Хохотушке».

Я перевел взгляд на телефон, мысленно продолжив разговор с Гарольдом. *Да, я хочу сделать паузу, и что в этом такого? Мир рухнет? Вот этого не надо. Он бы рухнул, если бы на моей шее висели жена и дети. Но жена умерла на автостоянке у аптеки, вместе с еще не родившимся ребенком, о котором мы мечтали столько лет. Я не жажду славы. Если писатели, которые сейчас занимают более низкие строки в списке бестселлеров «Таймс», станут знаменитыми, хуже спать я не стану. Тогда почему? Почему я должен оставаться в этой гонке?*

Но на последний вопрос я мог ответить и сам. Сойти с дистанции – значит сдаться. Без жены и работы я никому не нужен. И мне оставалось только одно – жить в одиночестве в боль-

¹⁸ Беллоу Сол (р.1915) – известный американский писатель, лауреат Нобелевской (1976) и Пулитцеровской (1975) премий по литературе.

¹⁹ Корнуэлл Патриция – современная американская писательница, работающая в жанре романтического детектива.

шом, полностью выкупленном доме и каждый день после обеда заполнять клетки газетного кроссворда.

Я продолжал... не жить – существовать. Снова забыл про «Сару-Хохотушку» (или какая-то часть моего сознания, которая не хотела, чтобы я ехал туда, похоронила эту мысль) и провел еще одно ужасное лето в Дерри. Ввел в компьютер специальную программу и теперь сам составлял кроссворды. Согласился войти в состав директоров местного отделения Ассоциации молодых христиан, не отказался от предложения поучаствовать в работе жюри на Летнем фестивале искусств в Уотервилле. Снялся в нескольких роликах на местном телеканале, призванных собрать дополнительные пожертвования на содержание ночлежек для бездомных, потом вошел в состав попечительского совета при департаменте муниципалитета, ведающего этими самыми ночлежками (на одном из публичных заседаний совета какая-то женщина назвала меня другом дегенератов, на что я ответил: «Благодарю, именно об этом я и мечтал». Результатом стал шквал аплодисментов, которые я до сих пор не могу объяснить). Я попытался обратиться к психоаналитику, но сдался после пяти посещений, решив, что у психоаналитика проблемы покруче моих. Я назначил стипендию одному азиатскому ребенку и небезуспешно играл в боулинг.

Иногда я пытался писать, но всякий раз заканчивалось сие печально. Стоило мне выдать из себя одно или два предложения (любые одно или два предложения), как мне приходилось срочно хватать корзинку для мусора, потому что меня выворачивало. Я блевал до тех пор, пока желудок, казалось, не вылезал через горло... а потом по толстому ковру буквально на четвереньках отползал от стола и компьютера. К тому времени, когда я добирался до противоположной стены кабинета, мне становилось лучше. Издали, через плечо, я даже решился взглянуть на экран монитора. Не мог только подойти. Потом, в конце дня, конечно, подходил – с закрытыми глазами – и выключал компьютер.

В те уже последние дни лета я все больше и больше думал о Деннисон Кэрвилл, моей университетской преподавательнице, которая помогла мне выйти на Гарольда и сдержанно похвалила мой первый роман «Быть вдвоем». Как-то раз Кэрвилл произнесла одну фразу, которую мне, наверное, никогда не забыть. Авторство она приписала Томасу Харди, викторианскому поэту и писателю²⁰. Возможно, Харди и произнес эту фразу, но она никогда не повторялась, во всяком случае, не процитирована в «Бартлетсе»²¹ и отсутствует в биографии Харди, которую я прочитал между публикациями романов «Вниз с самого верха» и «Угрожающее поведение». Я думаю, что фразу эту придумала сама Деннисон, а чтобы она звучала веселее, осенила ее именем Харди. Пусть мне будет стыдно, но время от времени я и сам пользуюсь таким приемом.

В любом случае думал я об этой цитате все чаще и чаще, сражаясь с паникой в теле и омертвением в голове, этим ужасным чувством, когда накопившиеся мысли не могут вырваться наружу. Отчаяние охватывало меня, во мне крепла уверенность, что больше мне не писать никогда (подумаешь, трагедия – Ви-Си Эндрюс с членом не может преодолеть писательский психологический барьер). А цитата подчеркивала, что все мои усилия, даже если мне удастся вырваться из этой кошмарной ситуации, бессмысленны.

Ибо, согласно Деннисон Кэрвилл, честолюбивый романист должен с самого начала понимать, что конечной цели писательства (изобразить жизнь, как она есть) ему не достичь никогда, так что все его усилия, по большому счету, напрасны. «В сравнении с самым тупоумным человеком, который действительно шагал по земле и отбрасывал на нее свою тень, – вроде бы сказал Харди, – любой персонаж романа, пусть и идеально выписанный, – мешок с костями».

²⁰ Харди Томас (1840–1928) – английский писатель-реалист и один из крупнейших лирических поэтов XX века.

²¹ Бартлет Джон (1820–1905) – редактор и издатель. В 1855 г. выпустил первое издание словаря «Знакомые цитаты», который потом неоднократно дополнялся и переиздавался.

Я очень хорошо понимал, о чем говорила эта фраза, потому что именно мешком с костями и ощущал себя в те печальные дни.

Прошлой ночью мне снилось, что я вернулась в Мэндерли.

Если и есть более красивая и загадочная фраза, открывающая английский роман, то я ее не читал. И в период между осенью 1997-го и зимой 1998 года у меня не раз возникал повод подумать о ней. Снилось мне, разумеется, не Мэндерли, а «Сара-Хохотушка», наша усадьба, которую Джо, бывало, называла «убежищем». Наверное, правильно, поскольку речь идет о клочке земли с домом, расположенным вне пределов городка, который с трудом можно найти на самой подробной карте.

Да, в последний раз мне приснился кошмар, но прежде сны отличала какая-то сюрреалистичная простота. От этих снов я просыпался с желанием включить свет в спальне, чтобы определиться со своим местонахождением в реальном мире, прежде чем заснуть вновь. Вам же знакомо состояние перед грозой, когда воздух застывает, а все цвета становятся более резкими? Вот и мои зимние сны о «Саре-Хохотушке» как-то перекликались с предгрозовой атмосферой, вызывая аналогичные ощущения. «Мне вновь снилась Мэндерли». Иногда я размышлял над этой фразой, а иной раз лежал в постели с включенным светом, прислушивался к завыванию ветра, поглядывал в темные углы и думал о том, что Ребекка де Уинтер утонула не в бухте, а в озере Темный След. Пошла ко дну, пуская пузыри; ее необычные черные глаза залила вода, а гагары все кричали и кричали в сумерках, случившееся их не касалось. Бывало, я вставал и выпивал стакан воды. А то просто выключал свет, убедившись, что я в собственной спальне, и засыпал.

Днем я практически не думал и не вспоминал о «Саре-Хохотушке», и только много позже до меня дошло, что подобная дисгармония жизни во сне и наяву наглядно свидетельствовала о неладном.

Я думаю, что толчком для этих снов послужил звонок Гарольда Обловски в октябре 1997 года. Вроде бы позвонил Гарольд для того, чтобы поздравить меня с несомненным успехом «Поклонника Дэрси» – этот роман и читатели, и критика действительно встретили с энтузиазмом. Но я подозревал, что это не единственная причина, Гарольд обычно не звонит только по одному делу, и я не ошибся. Он и Дебра Уайнсток, мой редактор, встречались за ленчем днем раньше, и разговор у них зашел об осени 1998 года.

– Похоже, собирается целая толпа. – Гарольд имел в виду список готовящихся к выходу книг, вернее, половину списка, отведенную беллетристике. – И есть несколько сюрпризов. Дин Кунц...

– Я думал, он обычно публикуется в январе, – вставил я.

– Обычно, но Дебра слышала, что на этот раз выход книги откладывается. Он хочет добавить пару глав. Опять же Гарольд Роббинс²² с «Хищниками»...

– Подумаешь!

– У Роббинса по-прежнему хватает поклонников, Майк. Ты сам не раз указывал, что романистам хранят верность всю жизнь.

– Это точно. – Я перекинул телефонную трубку к другому уху, уселся поудобнее. Поймал взглядом фотографию «Сары-Хохотушки», что стояла в рамочке на столе. Уже ночью мне предстояло посетить этот дом, но во время разговора я этого еще не знал. Меня занимало только одно: когда же Гарольд Обловски перестанет бродить вокруг да около и доберется до сути.

– Я чувствую нетерпение, Майк, – прервал паузу Гарольд. – Я отрываю тебя от стола? Пишешь?

²² Роббинс Гарольд скончался в начале 1998 г. «Хищники» – его последний роман.

– Только что выполнил дневную норму. И подумываю о ленче.

– Буду краток, – пообещал он. – Но пожалуйста, послушай меня внимательно, потому что дело важное. Осенью могут появиться пять книг, которые мы не брали в расчет. Кен Фоллетт... вроде бы это будет лучший его роман со времен «Игольного ушка»... Белва Плейн... Джон Джейкс...

– Они не играют в теннис на моем корте, – ответил я, хотя и понимал, к чему клонит Гарольд: в списке «Таймс» всего пятнадцать позиций.

– А как насчет Джин Оуэл, которая наконец-то публикует очередной роман из своей эпопеи о сексе среди пещерных людей?

Я выпрямился.

– Джин Оуэл? Неужели?

– Ну, стопроцентной уверенности нет, однако шансы высоки. И уж точно порадует нас новым романом Мэри Хиггинс Кларк. Я знаю, на чьем корте она играет, да и ты тоже.

Если бы я услышал эти слова шесть или семь лет назад, когда мне было за что бороться, то, пожалуй, взбеленился бы. Мэри Хиггинс Кларк действительно играла на моем корте, и публикации наших книг разносились по времени... причем, поверьте мне, выигрывал от этого только я. Потому что, если бы мы столкнулись нос к носу, она бы меня сделала. Как мудро заметил покинувший нас Джим Кроус²³, негоже натягивать шляпу на нос супермена, плевать против ветра, срывать маску с одинокого рейнджера и переходить дорогу Мэри Хиггинс Кларк. Во всяком случае, негоже таким, как Майк Нунэн.

– Как такое могло случиться? – спросил я.

Не думаю, что в моем голосе прозвучали зловещие нотки. Но Гарольд отреагировал очень нервно, словно боялся, что его за этот проступок уволят или в лучшем случае вынесут последнее предупреждение.

– Не знаю. Вроде бы в этом году она решила написать два романа. Мне говорили, такое с ней случается.

Я по себе знал, что случается, поэтому напрямую спросил Гарольда, а чего, собственно, ему надо. Ответ меня не удивил: он и Дебра, не говоря уже о прочих моих друзьях в «Патнаме», хотели одного и того же – опубликовать мою книгу на исходе лета 1998 года, то есть на пару месяцев опередить Мэри Хиггинс Кларк и остальных конкурентов. Тогда в ноябре торговый отдел «Патнама» мог второй раз потратиться на рекламу, обеспечив на Рождество второй пик продаж.

– Они всегда так говорят, – вырвалось у меня. Я принадлежал к большинству романистов (как удачливых, так и нет), которые ни в грош не ставят обещания издателей.

– Я думаю, ты можешь им поверить, Майк... Как ты помнишь, «Поклонник Дэрси» – последняя книга, которую ты написал по старому контракту. – Голос Гарольда звенел от предвкушения грядущих переговоров с Деброй Уайнсток и Филлис Грэнн из «Патнама», предвещающих подписание нового контракта. – Главное, тебя в издательстве любят. И полюбят еще больше, если увидят рукопись с твоей фамилией на первой странице еще до Дня благодарения²⁴.

– Они хотят, чтобы я представил им книгу в ноябре? В следующем месяце? – Я надеялся, что Гарольд уловит в моем голосе нотки праведного негодования. Все-таки коробка с рукописью романа «Обещание Элен» по-прежнему лежала в банковской ячейке. На том самом месте, куда я положил ее одиннадцать лет назад. Первый запасенный мной орешек. И последний оставшийся про запас.

²³ Кроус Джим – известный американский литературный критик.

²⁴ Национальный праздник США, отмечается в последний четверг ноября.

– Нет, нет, крайний срок – пятнадцатое января, – попытался успокоить меня Гарольд. Я же задался вопросом, а куда они ходили на ленч? Наверняка в один из самых дорогих ресторанов. Скорее всего в «Четыре сезона». – Им, конечно, придется поднапрячься, сократив издательский цикл, но они на это готовы. Вопрос в том, сможешь ли ты закончить роман раньше обычного срока?

– Думаю, что смогу, – ответил я, – но им придется за это заплатить. Как в химчистке за срочность.

– Об этом можешь не беспокоиться! – воскликнул Гарольд так радостно, будто долго гонял шкурку, но наконец-то добился желаемого результата.

– И сколько ты думаешь...

– Прежде всего увеличим аванс. Они, конечно, надуются, заявят, что более ранний выход книги и в твоих интересах. Мол, *прежде всего* в твоих интересах. Но, учитывая, что тебе придется удлинить рабочий день... дополнительные расходы на масло, которое сгорит в лампе в ночные часы...

– Не забудь про душевное смятение, неизбежное при ускорении процесса творчества, и боль от преждевременных родов...

– Правильно... правильно... Полагаю, аванс повысим на десять процентов. – Говорил он рассудительно, словно стараясь учесть все факторы. Я же думал о том, сколько женщин согласились бы родить месяцем раньше, если бы им заплатили за это триста тысяч. Но наверное, есть вопросы, которые лучше оставлять без ответа.

А в моем случае дискуссия вообще носила чисто теоретический характер. Книгу-то я давно написал.

– Что ж, посмотри, что тебе удастся сделать.

– Да, но я не уверен, что речь надо вести только об одной книге, понимаешь? Думаю...

– Гарольд, сейчас я могу думать только о еде.

– Что-то не нравится мне твой голос, Майкл. У тебя...

– У меня все в порядке. Поговори с ними только об одной книге, позаботься о том, чтобы я получил за свои труды сладенькую карамельку. Хорошо?

– Хорошо, – согласился он после очередной знаменитой паузы. – Но я думаю, сказанное не означает, что ты не откажешься от переговоров по контракту на три или четыре книги. Суши сено, пока светит солнце, так? Вот девиз чемпионов.

– У них есть и другой девиз: пересекай каждый мост, который встретится на пути, – ответил я, а ночью во сне опять отправился в «Сару-Хохотушку».

В этом сне, как во всех снах, которые я видел той осенью и той зимой, я шел по дороге, ведущей к коттеджу. Дорога эта дугой прорезала лес, упираясь концами в Шестьдесят восьмое шоссе. У каждого съезда стоял указатель

ДОРОГА 42

на случай если кто-то сообщит о пожаре, а его попросят точно указать место возгорания, но без всякого названия. Мы с Джо тоже никак не прозвали эту дорогу, даже между собой. Дорога эта узкая, двум машинам не разъехаться – по существу, две колеи от колес, между которыми сквозь асфальт уже пробилась трава. И когда едешь по ней, она шуршит, задевая о днище автомобиля.

Но в своих снах я никогда не ехал по Сорок второй дороге на автомобиле. Исключительно шел на своих двоих.

С обеих сторон к дороге подступали деревья. Темнеющее небо превратилось в узкую полоску между кронами. До появления первой звезды оставалось совсем недолго. Солнце уже село. Стрекотали цикады. На озере кричали гагары. Маленькие зверьки – бурундуки, а может, белки – копошились в лесу.

Направо по склону холма уходил проселок. Он служил нам подъездной дорожкой. У съезда стоял маленький указатель с надписью

САРА-ХОХОТУШКА

Я остановился у поворота, вниз не пошел. Смотрел на коттедж. Сложенный из бревен, с многочисленными пристройками. Террасы, выходящей к озеру, я сверху не видел. В коттедже четырнадцать комнат, нелепое число. Несмотря на преклонный возраст, выглядел коттедж достойно. Как столетняя дама, идущая легкой походкой, несмотря на артрит и негнувшиеся колени.

Центральную часть построили то ли в конце прошлого, то ли в начале нынешнего века. Остальное добавляли в тридцатых, сороковых, шестидесятых. Задумывалась «Сара-Хохотушка» как охотничий домик. В начале семидесятых здесь жила коммуна хиппи. Коттедж не раз сдавали в аренду, но с сороковых по 1984 год он принадлежал Хингерманам, Деррену и Мэри... потом одной Мэри: Деррен умер в 1971 году. Купив коттедж, мы добавили к нему самую малость: установили на коньке крыши спутниковую антенну. Идея принадлежала Джоанне, но посмотреть телевизор ей практически не удалось.

За домом в отсветах заката блестело озеро. Проселок устилал толстый слой опавших сосновых иголок. Тут и там валялись ветви. Кусты, растущие по обе стороны проселка, тянулись друг к другу, стремясь преодолеть узкий разрыв. Если бы я ехал на автомобиле, ветки бы неприятно скреблись о борта. Я видел мох, растущий на бревнах коттеджа, и три больших подсолнечника с головками, похожими на прожекторы, которые выросли сквозь щели между досками маленького крылечка, со стороны подъездной дорожки. Создавалось ощущение, что хозяева не забросили коттедж, но на какое-то время определенно забыли о нем.

Подул прохладный ветерок, и тут я понял, что весь в поту. До меня долетал запах хвои и слабый запах воды. Темный След – одно из самых чистых и глубоких озер штата Мэн. До конца тридцатых, рассказывала нам Мэри, оно было куда как больше, но компания «Уэстерн мэн электрик» вместе с заводами в Рамфорде, производящими металл и бумагу, добились у правительства штата разрешения на строительство плотины на реке Джесса. Мэри показывала нам очаровательные фотографии дам в белых платьях и джентльменов в костюмах-тройках, катающихся по озеру на каноэ. Фотографии эти сделали еще до Первой мировой войны. Мэри указала на одну из женщин, замершую с поднятым веслом. «Это моя мама, – пояснила она, – а мужчина, на которого она замахивается веслом, – мой отец».

Гагары кричали. Я уже различал в небе Венеру. Звездный свет, звездный свет, исполни мое желание... В тех снах все мои желания были связаны с Джоанной.

Загадав желание, я попытался спуститься вниз по проселку. Разумеется, попытался. Дом-то ведь мой, верно? Куда еще я мог пойти, как не в свой дом, когда с каждой минутой все темнело, а в не прекращающихся ни на секунду лесных шорохах чувствовалась порой угроза? Куда еще я мог пойти? Вокруг темно, и одному страшно входить в темный дом (вдруг «Сара» обиделась, что ею так долго пренебрегали? Вдруг она из-за этого злится?), но ничего другого мне не оставалось. Если электричества нет, подумал я, зажгу керосиновую лампу, которую мы держали в кухонном буфете.

Только я не сумел спуститься вниз. Ноги отказывались идти по проселку. Словно мое тело знало о доме что-то такое, о чем понятия не имел мой мозг. Ветер усилился, от холода

по коже побежали мурашки, я не мог понять, с чего это я так вспотел. Я бежал? Если бежал, то куда? От кого?

От пота промокли волосы. Тяжелой массой легли на лоб, прилипли к нему. Я поднял руку, чтобы отбросить их, и обнаружил неглубокую царапину на тыльной стороне ладони, за костяшками пальцев. На этот раз на правой руке. Случалось, что царапина перекочевывала на левую руку. Я подумал: если это сон, то откуда такие подробности? С такой четкостью их обычно подмечает писатель... но, возможно, во сне все – писатели. Как узнать?

Теперь «Сара-Хохотушка» – темное пятно на чуть более светлом фоне озера, и я понимаю, что вниз мне идти совсем не хочется. Предчувствие беды наполняет меня, я без труда представляю себе все те опасности, которые могут подстергать меня в доме. Бешеный енот, затаившийся в углу кухни. Летучие мыши в ванной – если их побеспокоить, они начнут с криками кружить над головой, задевая лицо крыльями. Даже одно из знаменитых Потусторонних Существ, плод фантазии Уильяма Денброу, может прятаться под крыльцом, наблюдая сквозь щели за моим приближением.

– Что ж, но я не могу оставаться и здесь, – говорю я сам себе, но ноги по-прежнему не слушаются, и, похоже, нет у меня иного выхода, как оставаться здесь, на пересечении дороги и проселка. Хочу я этого или нет, нравится мне это или нет, но придется стоять столбом.

А из леса доносятся уже не шорохи мелких животных (они все залезли в норы и спят), но приближающиеся тяжелые шаги. Я хочу повернуться и посмотреть, кто идет ко мне, но не могу...

...и вот тут я обычно просыпался. Первым делом включал свет, чтобы убедить себя, что по возвращении в реальный мир мое тело стало более послушным. Иногда – нет, практически всегда, – проснувшись, я думал о Мэндерли.

Прошлой ночью мне снилось, что я вернулась в Мэндерли. В этом есть что-то нездоровое (думаю, что-то нездоровое есть и в повторяющемся сне, мое подсознание бьет и бьет в одну точку), но я не стану отрицать, что какая-то часть моего «я» наслаждалась летним покоем, который окружал меня во сне, и этой самой части нравилась грусть, которую я испытывал, просыпаясь. Экзотичности этого сна так недоставало мне в реальной жизни, особенно теперь, когда дорогу, на которой ранее резвилось мое воображение, наглухо заблокировали.

Насколько мне помнится, по-настоящему я испугался только один раз (но должен прямо сказать, воспоминаниям этим я не очень-то доверяю, потому что их вовсе не существовало). И случилось это, когда, проснувшись, произнес в темноте спальни: «Что-то у меня за спиной. Не подпускайте его ко мне. Что-то затаилось в лесу, не подпускайте его ко мне». Напугали меня не сами слова, а голос, которым я их произнес. То был голос человека, который вот-вот уступит охватывающей его панике, и звучал он совсем не как мой голос.

За два дня до Рождества 1997 года я вновь поехал в «Файделити юнион», где менеджер банка проводил меня к ячейке, упрятанной в залитые люминесцентным светом катакомбы. Когда мы спускались по ступеням, он заверил меня (наверное, в десятый раз), что его жена – давнишняя поклонница моего таланта и читает все мои книги. В десятый раз я ответил, что пора бы и ему попасться в мои сети. На что он добродушно хохотнул. Видать, мы придумали с ним новый банковский ритуал.

Мистер Куинлэн вставил ключ в замочную скважину «А» и повернул его. Затем скромненько, как сутенер, приведший клиента к кровати шлюхи, удалился. Я вставил свой ключ в замочную скважину «В», повернул, открыл ячейку. Она словно увеличилась в размерах. Оставшаяся коробка с рукописью забила в дальний угол, напоминая единственного уцелевшего щенка, который знает, что его братьев и сестер уже отловили и удушили газом. На светлом картоне чернели буквы единственного слова:

ОБЕЩАНИЕ

Откровенно говоря, я уже не помнил, о чем шла речь в этом чертовом романе.

Я вытащил из банковской ячейки путешественника во времени, добравшегося до 1997 года из далеких восьмидесятых, и захлопнул дверцу. В ячейке осталась разве что пыль.

Дай ее сюда, прошипела в моем сне Джо – за долгие годы впервые мне вспомнился этот сон. *Дай ее сюда, это мой пылесос.*

– Мистер Куинлэн, я закончил, – позвал я.

Мне показалось, что голос мой дрожит, но Куинлэн, похоже, ничего не заметил... а может, сделал вид, что не заметил. Наверное, я был не единственным его клиентом, на которого визиты в «Файделити юнион» нагоняли тоску.

– Я обязательно почитаю ваши книги. – Он коротко глянул на коробку, которую я держал в руке (наверное, я мог бы приходиться в банк с брифкейсом и класть в него рукопись, но никогда этого не делал). – Вот на Новый Год и почитаю.

– Почитайте, мистер Куинлэн, – энергично кивнул я. – Не пожалеете.

– Марк, – поправил он меня. И тоже не в первый раз.

Я написал два письма, одно из которых вложил в коробку с рукописью, прежде чем сдать ее в приемный пункт «Федерал экспресс». Оба я писал на компьютере, поскольку мое тело позволяло мне пользоваться программой «Ноут-пэд». Конфликт возникал лишь в том случае, когда я хотел запустить шестой «Ворд». Я никогда не пытался писать роман, используя программу «Ноут-пэд», предназначенную для составления коротких файлов, понимая, к чему это приведет... естественно, я мог составлять кроссворды и играть в компьютерные игры, если у меня возникало такое желание. Я пытался писать роман ручкой, но без особого успеха. Без светящегося экрана вдохновение не приходило.

Одно из писем предназначалось Гарольду, второе – Дебре Уайнсток. Содержание различалось в мелочах: «Вот вам моя новая книга, «Обещание Элен». Надеюсь, она понравится вам так же, как и мне. А если встретятся шероховатости, то причина в том, что мне пришлось ужаться на целый месяц. Так что счастливого вам Рождества и веселой Хануки, надейтесь, что кто-нибудь подарит вам гребаного пони».

Я простоял час в очереди (перед Рождеством никто никуда не спешит, особенно те, кто на службе). Коробку с рукописью я держал в левой руке, книгу Нелсона Демилля «Школа колдовства» – в правой. Прочитал почти пятьдесят страниц, прежде чем мой последний неопубликованный роман переключал в руки усталой приемщицы. Когда я пожелал ей счастливого Рождества, она лишь пожала плечами и ничего не ответила.

Глава 4

Телефон зазвонил, как только я переступил порог.

Френк Арлен спросил, не составлю ли я ему компанию на Рождество. Не только ему, но всем братьям, которые собирались приехать с семьями.

Я уже открыл было рот, чтобы отказаться (не хватало мне ирландского Рождества, когда все пьют виски и со слезами на глазах вспоминают Джо, а по полу при этом ползает с десяток представителей подрастающего поколения в компании с не меньшим числом собак), но неожиданно услышал, что обязательно приеду.

Френка мой ответ удивил не меньше, чем меня, но он искренне обрадовался.

– Фантастика! – воскликнул он. – Когда ты сможешь сюда добраться?

Я стоял в холле, с галош на линолеум капала вода, через арку я мог видеть гостиную. Рождественская елка там не стояла: после смерти Джо Рождество я не праздновал. Комната казалась таинственной и слишком большой для меня... Каток для роллеров с обстановкой начала века.

– Я только что приехал, – ответил я. – Со всеми делами покончил. Как насчет того, если я прямо сейчас соберу сумку, сяду в машину и покачу на юг, пока мотор еще не остыл?

– Великолепно, – без малейшей заминки послышалось с другого конца провода. – Мы сможем устроить себе холостяцкий вечерок до прибытия сыновей и дочерей Восточного Молдена. Как только положу трубку, сразу наполню твой стакан.

– Тогда и я не буду терять времени.

Рождество обернулось для меня лучшим со дня смерти Джоанны праздником. Пожалуй, единственным праздником за все время моего одиночества. Четыре дня я был почетным Арленом. Слишком много выпил, несчетное количество раз поднимал стакан в память Джоанны... и знал, как – понятия не имею, что она полностью одобряет такое мое поведение. Дважды младенцев вырвало на меня, один раз, глубокой ночью, ко мне в постель забралась собака, а сестра жены Никки Арлена подкатилась ко мне на следующий после Рождества день, когда застала на кухне одного: я соорудил себе сэндвич с индейкой. Я поцеловал ее, потому что она очень хотела, чтобы ее поцеловали, и тут ее шаловливая рука ухватила меня за то самое место, которого последние три с половиной года касались только мои руки. Не могу сказать, что это вызвало у меня исключительно отрицательные эмоции.

Дальнейшего развития наш роман не получил, да и не мог получить: вокруг полно Арленов, да и Сюзи Донахью официально еще не развелась (как и я, на то Рождество она была почетным Арленом)... но я решил, что пора уезжать... а может, мне хотелось разогнать автомобиль на узкой улице, которая заканчивалась кирпичной стеной. Так или иначе, двадцать седьмого я отбыл, довольный, что приезжал. Перед тем как сесть в машину, я крепко обнял Френка. Четыре дня я совсем не думал о том, что в моей банковской ячейке «Файделити юнион» нет ничего, кроме пыли, и четыре ночи спал до восьми утра, просыпаясь разве что от спазмов в желудке да похмельной головной боли. И ни разу мысль о Мэндерли, фраза о возвращении в Мэндерли не приходили мне в голову. В Дерри я приехал умиротворенный, посвежевший, словно родившийся заново.

Утро первого дня нового 1998 года выдалось ясным, морозным, солнечным. Я встал, принял душ, подошел к окну спальни с чашечкой кофе в руке. И внезапно меня как громом поразило. Я почувствовал, что вновь могу писать. Начался новый год, что-то переменялось, и я могу писать, если будет на то мое желание. Валун, перегородивший дорогу, откатили в сторону.

Я прошел в кабинет, сел перед компьютером, включил его. Сердце билось нормально, ни на лбу, ни на шее не выступал пот, руки не холодели. На экране возникло главное меню, я

подвел стрелку к яблоку, дважды шелкнул мышью, вызывая моего старого знакомого шестого «Ворда». На экране высветился логотип программы, и тут же я лишился способности дышать. Будто железные пальцы сдавили горло.

Я отпрянул от стола, хрипя, хватаясь за ворот водолазки, которую надел в то утро. Колесики кресла за что-то зацепились, оно перевернулось, я через спинку полетел на пол. Крепко приложился затылком, перед глазами вспыхнули разноцветные искры. Наверное, мне еще повезло: сознания я не потерял. Но главная моя удача в первый день 1998 года состояла именно в том, что кресло перевернулось и я вылетел из него, как из катапульты. Если бы кресло просто отъехало назад и в поле зрения остался бы монитор, на котором логотип шестого «Ворда» сменился бы чистым серым полем, думаю, я бы умер от удушья.

С огромным трудом мне удалось подняться. Гортань сузилась до размеров соломинки, воздух едва проникал в легкие, но я дышал. Добрался до ванной. Меня вырвало в раковину с такой силой, что брызги долетели до зеркала. Лицо у меня посерело, колени подогнулись. На этот раз я ударился лбом о край раковины. Затылок я не разбил (правда, к полудню там выросла приличных размеров шишка), а вот лоб рассадил. И конечно же, не обошлось без синяка. Потом я всем говорил, что наткнулся на дверь ванной, когда ночью пошел в туалет. Вот, мол, что происходит, если ленишься зажечь лампу.

Окончательно придя в себя, я обнаружил, что лежу на полу, свернувшись клубочком. Встал, продезинфицировал ссадину на лбу, уселся на край ванны, низко опустив голову, и встал лишь после того, как убедил себя, что ноги не откажутся мне служить. Должно быть, просидел я минут пятнадцать, и за это время окончательно решил, что моя писательская карьера закончена, если, конечно, не произойдет чуда. Гарольд будет негодовать, Дебра откажется мне верить, но что они смогут предпринять? Пришлют издательскую полицию? Пригрозят гестапо клуба «Книга месяца»? Даже если и пришлют, если и пригрозят, что это изменит? Из кирпича не выжать воды, из камня – крови. Если исключить вмешательство свыше, писательский этап моей жизни завершен.

А если это и так, что ты будешь делать в последующие сорок лет, Майк? спросил я себя. За сорок лет можно вдоволь наиграться в «Скрэббл», поучаствовать во множестве турниров и конкурсов составителей кроссвордов, выпить много виски. Но достаточно ли этого? Чем еще ты мог бы заполнить сорок последующих лет своей жизни?

Мне не хотелось об этом думать, во всяком случае, тогда. Последующие сорок лет сами смогут постоять за себя. А я мечтал только об одном: пережить первый день нового 1998 года.

Окончательно убедившись, что вернул себе контроль над телом, я вернулся в кабинет, добрался до компьютера, не отрывая глаз от пола, нащупал нужную кнопку и выключил машину. Когда выключаешь компьютер, не закрыв программу, последнюю можно повредить, но, учитывая обстоятельства, едва ли меня это тревожило.

В ту ночь мне опять снилось, как в сумерках я шагаю по Сорок второй дороге. Вновь я загадал желание, увидев вечернюю звезду, под крики гагар на озере. Вновь почувствовал, как Кто-то или Что-то крадется ко мне по лесу, подбираясь все ближе. Рождественские праздники остались в прошлом.

Зима выдалась холодной, суровой, снежной, а февральская эпидемия гриппа жестоко обошлась со стариками Дерри. Многих отправила на тот свет. Точно так же, бывало, смерч расправлялся со старыми деревьями. Меня болезнь миновала. В ту зиму я ни разу не кашлянул.

В марте я слетал в Провиденс и принял участие в конкурсе кроссвордов Уилли Венга. Занял четвертое место и выиграл пятьдесят долларов. Обналичивать чек не стал, но заказал под него рамочку и повесил на стене в гостиной. Раньше все мои Свидетельства триумфа, как называла их Джо, украшали стены моего кабинета, но в первые месяцы 1998 года я туда

практически не заходил. Если мне хотелось сыграть с компьютером в «Скрэбл» или составить кроссворд, я пользовался «Пауэрбуком»²⁵, который ставил на кухонный стол.

Помнится, как-то я раз, включив компьютер и открыв главное меню, я проскочил программу кроссвордов и подвел курсор к моему старому знакомцу шестому «Ворду».

И в тот момент меня охватили не раздражение и не бессилие, не слепая ярость (весь этот джентльменский набор я испытал не раз, после того как поставил последнюю точку в романе «Вниз с самого верха»), а грусть и тоска. Пиктограмма шестого «Ворда» внезапно напомнила мне о фотографиях Джо, которые я держал в бумажнике. Глядя на них, я иногда думал, что готов продать мою бессмертную душу ради того, чтобы вернуть ее... и в тот мартовский день я подумал, что смог бы продать душу, если б вновь обрел возможность писать.

Так ты попробуй, внезапно зазвучал у меня в голове чей-то голос. *Может, что и получится.*

Но я знал, что ничего не получится. Поэтому, вместо того чтобы открыть «Ворд», я перекинул пиктограмму к корзине, которая находилась в правом нижнем углу экрана, и бросил туда. Прощай, дружище.

В ту зиму часто звонила Дебра Уайнсток, и всегда с хорошими новостями. В начале марта она сообщила, что на август «Обещание Элен» отобрана «Литературной гильдией»²⁶ как одна из двух книг месяца. Компанию «Элен» составил триллер Стива Мартини, еще одного ветерана нижней половины пятнадцатистрочного списка бестселлеров «Таймс». И моему английскому издателю, по словам Дебры, «Элен» понравилась. Он посчитал, что этим романом я наконец-то подберу ключ к сердцу британцев (в Англии мои книги всегда продавались хуже, чем в Америке).

– «Обещанием Элен» ты как бы открыл новое направление в своем творчестве. Ты с этим согласен? – спросила меня Дебра.

– Такая мысль посещала меня, – признался я, гадая, а что бы сказала Дебби, узнав, что роман, открывающий новое направление в моем творчестве, больше десяти лет пылился в банковской ячейке.

– В нем... даже не знаю, как и сказать... чувствуется зрелость.

– Благодарю.

– Майк? Что-то с телефоном. Ты куда-то пропал.

Конечно, пропал. Потому что вцепился зубами в руку, чтобы удержаться от смеха. Потом убрал руку, осмотрел следы от зубов.

– Сейчас слышно лучше?

– Да, намного. А о чем будет новый роман? Хотя бы намекни.

– Ты же знаешь ответ.

Дебра рассмеялась.

– «Тебе придется прочитать книгу, чтобы узнать, что да как». Правильно?

– Абсолютно.

– Что ж, пиши дальше. Твои друзья в «Патнаме» вне себя от радости. Они говорят, что ты вышел на новый уровень.

Я попрощался с Деброй, положил трубку на рычаг и смеялся никак не меньше десяти минут. Смеялся, пока не начал плакать. Оплакивал я себя. И мой новый уровень.

В этот период я также согласился на телефонное интервью журналисту «Ньюсуик», который готовил обзорную статью по новой американской готике (что бы ни подразумевалось под этим литературным стилем, такое название определенно помогло продать несколько экземпля-

²⁵ Одна из моделей портативного компьютера (ноутбука).

²⁶ Один из наиболее известных и крупных клубов «Книги – почтой».

ров), и на интервью для «Паблшер уикли», которое еженедельник намеревался опубликовать перед появлением на прилавках «Обещания Элен». Я согласился на эти интервью, потому что они от меня ничего не требовали. На такие вопросы можно отвечать по телефону, при этом разбирая почту. Дебру мое согласие очень обрадовало – обычно я сторонился прессы. Я ненавидел всю эту рекламную суету, особенно телевизионные ток-шоу, участники которых в глаза не видели мою книгу, а первый вопрос всегда звучал одинаково: «Где вы берете идеи для своих книг?» Период раскрутки романа я всегда считал для себя самым трудным, но на этот раз я имел полное право с гордостью сказать, что благодаря мне Дебра могла порадовать своих боссов хорошими новостями. «Да, – могла она заявить с чистой совестью, – он, конечно, чурается рекламы, но мне удалось убедить его хоть в чем-то поступиться принципами».

И хотя мне по-прежнему снилась «Сара-Хохотушка», пусть не каждую ночь, а через две на третью, днем я об этих снах не вспоминал. Я составлял кроссворды, купил стальную акустическую гитару и начал учиться на ней играть (хотя и не рассчитывал, что меня пригласят погостролировать с Патти Лавлесс²⁷ или Аланом Джексон²⁸), ежедневно просматривал некрологи в «Дерри ньюс», выискивая знакомые фамилии. Короче, вел растительный образ жизни.

Но вся эта лафа закончилась звонком Гарольда Обловски, имевшим место быть через три дня после того, как Дебра сообщила мне о решении «Литературной гильдии». За окном как раз разбушевался буран, как выяснилось впоследствии, один из последних и самых сильных в ту зиму. К вечеру во всем Дерри вырубилось электричество: мокрый снег оборвал провода, но Гарольд позвонил в пять часов, когда свет еще не погас, а телефоны работали.

– У меня только что состоялся довольно интересный разговор с твоим издателем. Очень ободряющий разговор, доложу я тебе. И я сразу набрал твой номер.

– Однако.

– Так вот, в «Патнаме» все более утверждаются в мысли, Майк, что у твоей последней книги очень большой потенциал. Они считают, что продаваться она будет значительно лучше предыдущих.

– Да, – согласился я. – Я поднимаюсь на новый уровень.

– Что?

– Мысли вслух. Не обращай внимания, Гарольд. Продолжай.

– Элен Ниаринг – очень колоритный персонаж, а Скейт – твой лучший злодей.

Я молчал.

– Дебра предложила заключить контракт на три книги, первой из которых будет «Обещание Элен». Очень выгодный контракт на три книги. Без всякого нажима с моей стороны. На одну больше, чем принято заключать практически во всех издательствах. Я упомянул девять миллионов долларов, по три миллиона за книгу, полагая, что она рассмеется мне в глаза... но агент должен с чего-то начинать, а я считаю, что прежде всего надо занять господствующую высоту. Должно быть, среди моих предков были румынские кадровые офицеры.

Скорее эфиопские торговцы старьем, подумал я, но ничего не сказал. Потому что не мог произнести ни слова. Я словно сидел в кресле дантиста, который перестарался с новокаином и заморозил не только больной зуб, но и язык, и губы. А Гарольд разливался соловьем. Контракт на три книги для нового, зрелого Майкла Нунэна. По самой высокой ставке.

На этот раз у меня не возникло желания смеяться. Наоборот, хотелось выть. Гарольд же говорил, говорил и говорил. Гарольд не знал, что книжное дерево засохло. Гарольд не знал, что новый Майк Нунэн не может написать ни строчки. А если предпринимает такую попытку, то заканчивается все удушьем и приступом рвоты.

– Хочешь знать, что она мне на это ответила, Майк?

²⁷ Рейми Патриция (р.1957) – певица, с десяти лет пишет и исполняет свои песни.

²⁸ Джексон Алан – певец, сам пишет песни и исполняет их, аккомпанируя себе на гитаре.

– Выкладывай.

– Она сказала: «Девять миллионов, конечно, перебор, но почему бы не начать танцевать от этой суммы. Как исходная, она ничуть не хуже любой другой. Мы чувствуем, что новая книга принесет ему славу». Это потрясающе. Потрясающе! Я, разумеется, не давал никаких обещаний, сначала хотел поговорить с тобой. Но я уверен, что семь с половиной нам гарантировано. А скорее всего окончательная цифра окажется выше. Я даже...

– Нет.

Он запнулся. Всего лишь на мгновение. Но мне хватило и этого, чтобы понять, что я изо всей силы сжимаю телефонную трубку. У меня даже заболела рука.

– Майк, сначала выслушай меня...

– Незачем мне тебя выслушивать. Я не хочу обсуждать новый контракт.

– Позволь мне с тобой не согласиться. Лучшего момента не будет. Подумай об этом! Сейчас мы можем запросить самую высокую цену. Если же ждать выхода в свет «Обещания Элен»... я не могу гарантировать, что мы получим такое же...

– Я знаю, что не можешь. Мне не нужны гарантии, мне не нужны предложения. Я не хочу обсуждать новый контракт.

– Кричать не обязательно, Майк. Я и так хорошо тебя слышу.

Я кричал? Возможно.

– Тебя не устраивает «Патнам»? Я думаю, Дебру это очень огорчит. Я также думаю, что Филлис Грэнн пойдет тебе навстречу практически во всем...

«Ты спишь с Деброй, Гарольд?» – так и подмывало меня спросить. А что, вполне логичное допущение – толстенький, пятидесятилетний лысеющий коротышка Гарольд Обловски, трахающий мою светловолосую, утонченную, аристократическую, обученную в «Смит»²⁹ редакторшу. Ты спишь с ней, и вы обсуждаете мое будущее, лежа в постели в номере «Плазы»? Вы вдвоем пытаетесь определить, сколько еще золотых яиц сможет снести эта старая курица, прежде чем вы свернете ей шею и отправите в кастрюлю? Такие у вас планы?

– Гарольд, сейчас я не могу об этом говорить. Сейчас я не хочу об этом говорить.

– А что случилось? Чего ты так расстроился? Я-то хотел тебя порадовать. Черт, я думал, ты будешь прыгать до потолка.

– Ничего не случилось. Просто сейчас не время обсуждать долговременные контракты. Извини, Гарольд. У меня что-то горит в духовке.

– Сможем мы вернуться к этому разговору на следующей не...

– Нет, – отрезал я и бросил трубку. Наверное, впервые за всю мою сознательную жизнь я бросил трубку, оборвав разговор с человеком, которого я знал. Раньше такой чести удостоивались только сотрудники телефонных магазинов, которые желали всучить мне что-то абсолютно необходимое.

В духовке, разумеется, у меня ничего не горело. Потому что я в нее ничего и не ставил. Так что зашагал я не на кухню, а в гостиную. Плеснул себе виски, сел перед телевизором. Просидел перед ним четыре часа. Смотрел все подряд и ничего не видел. За окнами продолжал бушевать буран. Завтра, решил я, все деревья в Дерри превратятся в ледяные скульптуры.

В четверть десятого электричество отключилось, потом свет зажегся на тридцать секунд, чтобы окончательно погаснуть. Я решил, что это весомый повод для того, чтобы перестать думать о контракте, упомянутом Гарольдом, и о том, в какой восторг пришла бы Джо, услышав про девять миллионов. Я встал, выдернул из розетки шнур телевизора, чтобы тот не ожил в два часа ночи (вот этого я мог бы и не опасаться: Дерри оставался без электричества почти двое суток), и пошел наверх. Бросил одежду на пол у изножия кровати, забрался в постель,

²⁹ Колледж Софи Смит, основан в 1871 г. Престижный частный колледж высшей ступени, преимущественно для женщин. Находится в Нортхэмптоне, штат Массачусетс.

даже не почистив зубы, и через пару минут заснул. Не знаю, сколько я спал, прежде чем мне приснился этот кошмар.

То был последний сон из моего, как я его называю, «Мэндерлийского сериала», кульминационный сон. И воздействие его многократно усилилось кромешной тьмой, в которой я проснулся.

Начался сон, как и все прочие. Я шагаю по дороге, прислушиваясь к цикадам и гагарам, смотрю на полоску темнеющего неба над головой. Дохожу до проселка, и вот тут что-то меняется. Кто-то украсил указатель

САРА-ХОХОТУШКА

маленькой яркой наклейкой. Я наклоняюсь к указателю и вижу, что это наклейка радиостанции

WBLM. РОК-Н-РОЛЛ ИЗ ПОРТЛЕНДА

С наклейки я перевожу взгляд на небо. Венера уже тут как тут. Как обычно, я загадываю желание, как обычно, мне хочется, чтобы Джоанна вновь была со мной.

Что-то большое ломится через лес, шуршит опавшая листва, трещат ломающиеся ветки.

Тебе бы лучше спуститься вниз, звучит голос в моей голове. На тебя выставили контракт, Майк.

Трехкнижный контракт, хуже не бывает. Я не могу пошевелиться. Я не могу сдвинуться с места. Я могу только стоять. У меня в голове возник психологический барьер, не позволяющий сделать и шага.

Но я уже понимаю, что это не так. Я могу идти. На этот раз я могу идти. Радость охватывает меня. Я прорвал барьер. Во сне я думаю: «Это все меняет! Это все меняет!»

Я ступаю на проселок, вдыхая запах опавшей хвои, то переступая через валяющиеся на земле ветви, то отбрасывая их в сторону. Поднимаю руку, чтобы смахнуть со лба влажные от пота волосы, вижу царапину на тыльной стороне ладони. Останавливаюсь, с интересом начинаю ее разглядывать.

Не теряй времени, вновь оживает голос в моей голове. Иди вниз. Тебе надо писать книгу.

Я не могу писать, отвечаю я. Эта часть моей жизни закончена. Начались следующие сорок лет.

Нет, возражает голос. И безжалостная интонация, которую я в нем уловил, пугает меня до смерти. Ты не мог ходить, а не писать, а теперь сам видишь, психологический барьер исчез. Так что быстренько спускайся вниз.

Я боюсь, признаю я голосу.

Боишься чего?

Ну... а если там миссис Дэнверс?

Голос не отвечает. Он знает, что я не боюсь домоправительницы Ребекки де Уинтер. Она всего лишь книжный персонаж, мешок с костями, ничего больше. Поэтому я продолжаю спуск. Ничего другого не остается, но с каждым шагом нарастает охватывающий меня ужас, и где-то на полпути к темной громаде бревенчатого дома меня уже бьет дрожь. Что-то там не так, там меня поджидает беда.

Я убегу отсюда, думаю я. Убегу обратно, буду бежать до самого Дерри, если потребуются, и никогда не вернусь назад.

Да только за спиной я слышу натужное дыхание и тяжелые шаги. Лесная тварь уже вышла на проселок. И если я повернусь, одного ее вида будет достаточно, чтобы лишить меня разума. Потому что надвигается на меня что-то огромное, с красными глазами, злое и голодное.

И спасение я могу обрести только в доме.

Я шагаю дальше. Ветви кустарника, словно руки, хватают меня. В свете поднимающейся луны (никогда раньше в моих снах луна не восходила, но и сон не затягивался так надолго) шелестящие под ветерком листья складываются в ухмыляющиеся физиономии. Я вижу подмигивающие мне глаза, растянутые в ухмылке рты. А ниже – дом с темными окнами, и я знаю, что электричества нет, ураган оборвал провода, и я буду нажимать на выключатель, нажимать и нажимать без всякого результата, пока чьи-то пальцы не сожмут мне запястье и не увлекут меня, словно зажавшегося любовника, в темноту.

Позади уже три четверти проселка. Я вижу ступени лестницы, сбегавшей от коттеджа к озеру, я вижу плот на воде – черный квадрат на лунной дорожке. Билл Дин уже поставил его на привычное место. И я вижу продолговатый предмет, лежащий на полянке, которой у крыльца заканчивается проселок. Раньше этого предмета там не было. Что же это?

Еще два или три шага – и я знаю ответ. Это гроб, тот самый, из-за которого торговался Френк Арлен... потому что, сказал он, владелец похоронного бюро решил нажать на мне. Это гроб Джо, лежит он на боку, крышка сдвинута, и я вижу, что он пуст.

Мне хочется кричать. Мне хочется развернуться и бежать вверх по проселку... я готов даже к встрече с той тварью, что спускается следом. Но прежде чем мои мысли успевают превратиться в действия, распаивается дверь черного хода «Сары-Хохотушки», и какая-то жуткая фигура выбегает из дома. Фигура вроде бы человеческая, а вроде бы и нет. Она во всем белом, руки вскинута над головой. Там, где должно быть лицо, ничего нет, но фигура издает пронзительные крики. Это же Джоанна, доходит до меня. Из гроба она выбралась, а вот от савана избавиться не смогла. Саван по-прежнему на ней.

И какое же невероятно стремительное это создание! Оно не плывет, как должно плыть призракам, оно несется по проселку со скоростью курьерского поезда. Оно дождалось здесь, пока во всех моих снах я стоял как вкопанный, а теперь, когда я наконец смог спуститься вниз, вознамерилось добраться до меня. Я, конечно, закричу, когда оно заключит меня в свои объятия, я закричу, когда мне в нос ударит запах разлагающейся плоти, я закричу, когда увижу буравящие меня черные, сверкающие глаза. Я закричу... но здесь нет никого, кто может меня услышать. Только гагары услышат меня. Я вновь пришел в Мэндерли, только на этот раз, чтобы остаться здесь навсегда.

Орущее белое создание подбежало ко мне, и я проснулся на полу спальни, заходясь в жутком крике, колотясь обо что-то головой. И сколько времени прошло, прежде чем я осознал, что я уже не сплю, что я уже не в «Саре-Хохотушке»? Сколько времени прошло, прежде чем я осознал, что в какой-то момент свалился с кровати и во сне на карачках пополз через спальню, пока не добрался до угла и принялся колотить головой в то место, где сходятся стены? Колотить вновь и вновь, словно буйный помешанный в психиатрической клинике.

Я не знал, не мог знать, потому что электричество отключили и часы на прикроватном столике более не показывали время. Зато я осознавал, что сейчас не смогу выползти из угла, потому что чувствую себя там в большей безопасности, чем посреди комнаты. И это ощущение еще долго оставалось со мной, хотя я уже и проснулся. Кошмар по-прежнему цепко держал меня в своих когтях (наверное, потому, что я не мог зажечь свет и разрушить его злые чары). Я боялся, что это белое существо, стоит мне покинуть угол, с воплями выскочит из моей ванной с твердым намерением завершить начатое. Я знал, что весь изошел криком, что дрожу от холода, что у меня мокрые пижамные штаны и ноги тоже мокрые: мочевой пузырь не выдержал стресса.

Я оставался в углу, мокрый, жадно хватая ртом воздух. Вглядывался в темноту и задавался вопросом: может ли кошмар свести человека с ума? В ту мартовскую ночь я пришел к выводу (и с тех пор не изменил своего мнения), что такое очень даже возможно.

Наконец я почувствовал в себе силы вылезти из убежища. Отполз на несколько шагов, стянул с себя пижамные штаны и в этот момент потерял ориентацию. А потом последовали пять ужасных сюрреалистичных минут (может, всего две), в течение которых я ползал взад-вперед по собственной спальне, то и дело обо что-то ударялся и всякий раз жалобно вскрикивал. И каждый предмет, на который внезапно натыкалась моя рука, казался мне трупом в белом саване. Пальцы мои не могли нащупать ни одной знакомой вещи. Зеленые, успокаивающие цифры на электрических часах погасли, и теперь я не мог определить, где прикроватный столик, кровать, окно, дверь в ванную. Я словно ползал в мечети далекой Аддис-Абебы.

В конце концов я врезался плечом в кровать. Встал, сдернул с одной из подушек наволочку, обтер промежность и верхнюю часть ног. Забрался в постель, натянул на себя одеяло и лежал, дрожа всем телом, слушая, как ветер бросает в стекло то ли мокрый снег, то ли крупку.

Заснуть я в ту ночь больше не смог, а приснившийся мне кошмар продолжал стоять перед глазами, не уходил, как обычно уходят сны после того, как человек просыпается. Я лежал на боку, дрожь постепенно стихала, и думал о ее гробе на проселке, который служил нам подъездной дорожкой. Думал о том, что Джо любила «Сару», и если уж ее призрак получил возможность вселиться в один из наших домов, то предпочтение Джо отдала бы коттеджу на озере. Но почему она набросилась на меня, хотела причинить мне боль? Как могло получиться, что моя Джо вдруг набросилась на меня? Причины я назвать не мог.

Время текло, и в какой-то момент я понял, что воздух стал серым, что из тумана тьмы начинают возникать контуры шкафов, стульев, другой мебели. Мне сразу полегчало. Свет придал сил. Я решил, что сейчас разожгу на кухне дровяную плиту и сварю себе крепкий кофе. С тем чтобы начать-таки изгонять ночной кошмар.

Перекинув ноги через край кровати, я поднял руку, чтобы отбросить волосы со лба. Да так и застыл со вскинутой на уровень глаз рукой. Должно быть, я поцарапался, когда, потеряв ориентацию, ползал в темноте, пытаясь отыскать дорогу к кровати. На царапине, на тыльной стороне ладони, пониже костяшек, уже запеклась кровь.

Глава 5

Однажды – мне тогда было шестнадцать – самолет перешел сверхзвуковой барьер прямо у меня над головой. Я как раз бродил по лесу, обдумывал какой-то рассказ из тех, что собирался написать, а может, мечтал о том, чтобы в одну из пятниц Дорин Форнье дала слабину и позволила мне стянуть с нее трусики, когда мы будем обниматься в автомобиле, припаркованном в конце Кашмен-роуд.

В любом случае я ушел в собственный мир, и грохот звукового перехода застал меня врасплох. Я повалился на заваленную листьями землю, закрыв голову руками, с бешено бьющимся сердцем, в полной уверенности, что жизнь моя закончилась (а ведь я еще не познал женщину). И если брать прожитые сорок лет, то ужас, в который поверг меня последний из кошмаров «Мэндерлийского сериала», можно сравнить лишь с ощущениями, испытанными мной в тот момент.

Я лежал на земле, ожидая, что громадный молот сейчас расплющит меня в лепешку, но прошло тридцать секунд, молот все не падал, и я сообразил, что какой-то пилот, поднявшийся с военного аэродрома в Брансуике, не смог дождаться, пока под крылом заплещется Атлантический океан, и пробил звуковой барьер над сушей. Но, святой Боже, кто же мог ожидать, что преодоление скорости звука сопровождается таким грохотом?

Я медленно поднялся, постоял, ожидая, пока успокоится сердце, и только тут заметил, что гром с ясного неба испугал не только меня. Впервые на моей памяти в леске, что начинался за нашим домом в Праутс-Нек, царила полная тишина. Я стоял, опавшие листья облепили мои джинсы и футболку, и слушал. Полная, абсолютная тишина. А ведь даже в холодный январский день лес не умолкает ни на секунду.

Наконец запел вьюрок. На две или три секунды вернулась тишина, потом почин вьюрка поддержала сойка. Еще две или три секунды, и свое отношение к случившемуся высказала ворона. Забарабанил дятел. Слева от меня зашелестел в опавшей листве бурундук. И через минуту после того, как я поднялся с земли, лес уже жил прежней жизнью, занимаясь привычными делами. Я занялся своими, но навсегда запомнил и внезапный грохот, и последовавшую за ним мертвую тишину.

Тот июньский день я часто сравнивал с пробуждением от кошмара. Что-то случилось, по крайней мере могло случиться... но сначала приходит тишина. Она нужна нам для того, чтобы убедиться, что мы в полном порядке, а опасность, если она и существовала, более не грозит.

В последующую неделю жизнь в Дерри замерла. Мокрый снег и ветер много чего натворили, а резкое понижение температуры осложнило расчистку дорог и ликвидацию последствий бурана. И люди, конечно, сделались мрачными и угрюмыми. Такие природные катаклизмы случаются у нас каждый год, иногда даже в апреле, но их никогда не ждут. И когда городу достается, мы воспринимаем это как личное оскорбление.

Но к концу недели погода начала налаживаться. Я воспользовался этим подарком судьбы и отправился выпить чашечку кофе и съесть пирожное в маленький ресторанчик, расположенный по соседству с аптечным магазином «Райт эйд», в котором Джоанна сделала свою последнюю покупку. Ел пирожное, запивал его кофе, разгадывал газетный кроссворд, когда рядом со мной раздался мужской голос:

– Позвольте сесть за ваш столик, мистер Нунэн? Сегодня здесь очень уж много народу.

Я поднял голову и увидел старика. Я его определенно знал, только не мог припомнить, где и когда пересекались наши пути.

– Ралф Робертс, – представился он. – Доброволец Красного Креста. Мы там работаем с моей женой, Лойс.

– Да, конечно, – кивнул я. Каждые шесть недель я сдавал кровь в местном отделении Красного Креста. Ралф Робертс, среди прочих старичков-добровольцев, разносил донорам сок и булочки и предупреждал, чтобы мы не вставали и не делали резких движений, если кружится голова. – Пожалуйста, присядьте.

Он взглянул на мою газету с кроссвордом, лежащую в полоске солнечного света, и уселся за столик.

– Вы не находите, что разгадывание кроссворда в «Дерри ньюс» – одно из тех занятий, без которых можно обойтись?

Я рассмеялся и кивнул.

– В принципе да. Но я разгадываю кроссворд, а другие люди забираются на Эверест по одной и той же причине, мистер Робертс, – потому что он есть. Только, разгадывая кроссворд, никто не рискует сломать шею.

– Зовите меня Ралф. Пожалуйста.

– Хорошо. А я – Майк.

– Отлично. – Он улыбнулся, обнажив зубы, желтоватые, но, несомненно, дарованные ему природой. – Мне нравится переходить на имена. Слово галстук снимаешь. Хорошенький мы пережили буран, не так ли?

– Да, но теперь, слава Богу, потеплело. – Температура действительно резко поднялась (для марта это характерно) с ночных минус трех до дневных плюс десяти. Солнечные лучи приятно грели кожу. Именно погода и выгнала меня из дома.

– Весна все-таки придет, – покивал Ралф. – В иной год она забывает дорогу домой, но в конце концов находит нужную тропу. – Он глотнул кофе и поставил чашку на стол. – Что-то давно не видел вас в Красном Кресте.

– Восстанавливаю запасы крови. – Тут я, конечно, грешил против истины. Кровь мне полагалось сдать две недели тому назад. Об этом напоминала открытка, которая лежала на холодильнике. – На следующей неделе приду обязательно.

– Я упомянул об этом лишь потому, что у вас группа А, а у нас она в дефиците.

– Придержите для меня койку.

– Можете на это рассчитывать. У вас все нормально? Извините, что спрашиваю, но вы неважно выглядите. Если причина в бессоннице, я могу посочувствовать.

По нему видно, что он страдает бессонницей, отметил я. Большие мешки под глазами. Но с другой стороны, ему глубоко за семьдесят, а в этом возрасте мешки под глазами могут появиться из-за сотни болезней. Поживи с его, и будешь выглядеть как незнамо кто.

Я уже открыл рот, чтобы дать мой стандартный ответ на вопрос, касающийся моего самочувствия («У меня все в порядке»), а потом подумал: а к чему мне постоянно играть роль мужчины с рекламного щита «Мальборо», у которого действительно нет проблем? Да и кого я пытаюсь обмануть? Что произойдет, если я скажу этому старику, который приносит мне булочку после того, как медицинская сестра вытащит иглу для забора крови из моей вены, что похвастаться мне нечем? Землетрясение? Пожар и потоп? Едва ли.

– Знаете, Ралф, состояние у меня не очень.

– Грипп? В этом году чуть ли не все им переболели.

– Нет. Грипп меня миновал. И сплю я хорошо. – Я говорил правду, спал я хорошо, если забыть повторяющиеся ночные визиты в «Сару-Хохотушку». – Думаю, просто плохое настроение.

– Тогда вам надо поехать в отпуск. – Он вновь поднес чашку ко рту. А когда посмотрел на меня, тут же поставил ее на стол. – Что такое? Вам нехорошо?

«Нет, – очень хотелось сказать мне. – Просто вы – первая птичка, запевшая в тишине, Ралф, ничего больше».

– Нет, нет, все в порядке, – ответил я, а потом повторил ключевое слово – наверное, хотел услышать его из собственных уст: – Отпуск.

– Да. – Он улыбался. – Люди всегда ездят в отпуск.

Люди всегда ездят в отпуск. Он говорил правду: даже те люди, которые не могут позволить себе ехать в отпуск. Когда они устают. Когда им надоедает захлебываться в собственном дерьме. Когда окружающий мир требует от них слишком многого.

Я, разумеется, мог позволить себе отпуск. И мог оторваться от работы (какой работы?), однако только старичок-доброволец сумел открыть мне глаза на то, что я мог бы увидеть и сам: в отпуск я последний раз ездил с Джо. Мы летали на Бермуды зимой того года, когда она умерла. Работать я давно не работал, наверное, поэтому начисто забыл о том, что, кроме работы, в жизни есть место и отпуску.

И только летом, прочитав в «Дерри ньюс» некролог Ралфа Робертса (его сбила машина), я осознал, в каком я долгу перед стариком. Его совет принес мне гораздо больше пользы, чем стакан апельсинового сока, который я получал, сдавая кровь. Можете мне поверить.

Покинув ресторан, я не пошел домой, а долго кружил по этому чертову городу, зажав под мышкой газету с наполовину разгаданным кроссвордом. Я шагал, пока не продрог, несмотря на плюсовую температуру. Вроде бы не думал ни о чем и одновременно обо всем. То был особый способ размышления, которым я всегда пользуюсь, когда готовлюсь к написанию новой книги. И хотя прошло уже несколько лет с тех пор, как я в последний раз брался за новую книгу, никаких проблем у меня не возникло: память услужливо подсказала все, что требовалось.

Представьте себе, что на вашу подъездную дорожку въехал трейлер и несколько здоровенных парней начали его разгружать, перетаскивая вещи в подвал. Другой подходящей аналогии я просто не нахожу. Вы не можете видеть вещи, потому что они или в чехлах, или в коробах. Это предметы обстановки, они нужны вам, чтобы превратить дом в жилище, создать уютную вам среду обитания.

Когда грузчики запрыгивают в свой трейлер, вы спускаетесь в подвал и прохаживаетесь по нему (точно так я прохаживался в тот день по Дерри, поднимался на холмы и спускался в низины в своих старых галошах), прикасаетесь к коробу, чехлу. Это диван? А это комод? Не важно. Все на месте, грузчики ничего не забыли, ничего не потеряли, и хотя вам придется перетаскивать все наверх (не надорвать бы спину), вы довольны. Потому что главное сделано: все, что вам нужно, уже находится в доме.

В тот момент я думал, надеялся, что трейлер привез все необходимое для тех сорока лет, которые мне предстояло прожить в стране, где не пишут книг. Они подошли к двери в подвал, вежливо постучались, несколько месяцев ждали, но, так и не получив ответа, высадили дверь. Однако оставили записку:

ДРУЖИЩЕ, НАДЕЕМСЯ, ШУМ ТЕБЯ

НЕ НАПУГАЛ. НАСЧЕТ ДВЕРИ ИЗВИНИ.

На дверь я плевать хотел, на обстановку – нет. Может, они что-то разбили или потеряли? Едва ли. Я думал, что дел у меня – перенести вещи наверх, снять чехлы и короба и расставить по местам.

По пути домой я проходил мимо «Тени», очаровательного маленького кинотеатра Дерри, где крутили старые фильмы. Кинотеатр процветал, несмотря на видеореволюцию, а может,

именно благодаря ей. В этот месяц шел ретроспективный показ классических художественных фильмов пятидесятых годов. Апрель посвящался Хэмфри Богарту³⁰, любимому киноактеру Джо. Я постоял у афиши, перечитал список предполагавшихся к показу фильмов. А дома раскрыв справочник, выбрал наугад туристическое агентство и сказал мужчине, снявшему трубку на другом конце провода, что хочу поехать в Ки-Ларго. Вы имеете в виду Ки-Уэст³¹, переспросил мужчина. Нет, возразил ему я, я имею в виду Ки-Ларго, как в фильме³², где снялись Боуги и Бэколл. Сначала я хотел поехать на три недели, а потом передумал. Я богат, я независим, я на пенсии. О каких трех неделях может идти речь? Шесть недель, и точка. И попросил найти мне отдельный коттедж. Он предупредил, что это дорого. Я ответил, что о деньгах он может не беспокоиться. Особенно меня радовало, что в Дерри я вернусь уже теплой весной.

А тем временем я мог распаковать кое-какую мебель.

Первый месяц я восторгался Ки-Ларго, последние две недели едва не умер со скуки. Однако остался там, потому что и в скуке была своя прелесть. Люди, обладающие высоким порогом терпимости к скуке, могут о многом передумать. Я съел миллион креветок, выпил тысячу «маргарит»³³, прочитал двадцать три детектива Джона Макдональда³⁴. Сначала я обгорел, потом с меня слезла кожа, наконец загорел. Купил себе кепку с длинным козырьком и надписью

ПОПУГАЯЧЬЯ ГОЛОВА

вышитой ярко-зеленой ниткой. Каждый день прогуливался по одной и той же полосе берега и вскоре уже знал всех отдыхающих по имени. И я распаковывал «вещи». Многие мне не нравились, но у всех, это точно, было свое место в доме.

Я думал о нашей совместной жизни с Джо. Думал о том, как сказал ей, что никто не спутает «Быть вдвоем» с «Взгляни на дом свой, Ангел». Тогда она мне еще ответила:

«Надеюсь, ты не собираешься заниматься самокопанием, а, Нунэн?» Пока я находился на Ки-Ларго, эти слова то и дело возвращались ко мне, произнесенные с интонациями Джо: не собираешься заниматься самокопанием, гребаным самокопанием, не хочешь сетовать на тяжелую судьбу художника, которого никто не хочет понять?

Я вспоминал, как Джо подходила ко мне с полной корзиной белых грибов и, торжествуя, восклицала: «В этот вечер у Нунэнов будет самый роскошный ужин!» Я вспоминал, как она, по-особенному изогнувшись, красила ногти на ногах. Я вспоминал, как она швырнула в меня книгу, когда я высмеял ее новую прическу. Я вспоминал, как она училась играть на банджо и как она выглядела без бюстгальтера в тонком свитере. Я вспоминал, как она говорила мне, что все это самокопание, гребаное самокопание.

И я вспоминал сны, особенно последний, самый кошмарный из всех. Вспоминал без труда, потому что в отличие от обычных снов он накрепко впечатался в мою память. Последний сон о «Саре-Хохотушке» и самый первый, вызвавший поллюцию (в нем я подходил к обнаженной девушке, которая лежала в гамаке и ела сливу). Эти два сна никуда не девались, год за годом оставались со мной, остальные же или полностью, или по большей части забылись.

³⁰ Богарт («Боуги») Хэмфри (1899–1957) – один из самых знаменитых актеров Голливуда, в кино с 1930 г.

³¹ Речь идет о цепочке островов у оконечности полуострова Флорида. Ки-Уэст – последний в цепочке и самый известный из них. На нем расположен музей Эрнеста Хемингуэя, который часто бывал и подолгу жил на этом острове.

³² «Ки-Ларго» – фильм 1948 г. о людях, оказавшихся в одном отеле и отрезанных от остального мира ураганом. Женская роль второго плана в «Ки-Ларго» удостоена «Оскара».

³³ популярный в юго-западных штатах коктейль, в состав которого входят текила, лимонный сок и ликер.

³⁴ Отметим, что Джон Макдональд – один из любимых писателей Стивена Кинга.

Конечно, в снах, связанных с «Сарой», я помнил мелкие подробности: гагар, цикад, вечернюю звезду, желание, которое я загадывал, глядя на нее, что-то еще, но все это могло мне и почудиться. Фон, знаете ли. Их не следовало брать в расчет. Но оставались три серьезных, основополагающих момента, три больших предмета обстановки, которые следовало аккуратно распаковать.

В «Сариных» снах такими моментами были лес позади меня, дом – подо мной и я сам, Майкл Нунэн, застывший посередине. Я боялся идти к дому внизу, возможно, потому, что он слишком долго пустовал, но я ни на мгновение не сомневался в том, что идти туда надо. Пугало меня что-то или нет, я знал, что коттедж у озера – мое единственное убежище. Но только я не мог идти туда. Потому что не мог сдвинуться с места. Мои ноги вросли в землю.

В последнем кошмаре я все-таки смог добраться до убежища, да только убежище оказалось обманом. Более опасным, чем я мог себе представить. Моя мертвая жена выскочила из него с криком, завернутая в саван, и набросилась на меня. Даже пять недель спустя, в трех тысячах миль от Дерри, меня начинала бить дрожь, когда я вспоминал, с какой стремительностью несется на меня это белое нечто.

Но была ли это Джоанна? Я ведь этого не знал, правда? Я видел только белое одеяние. Гроб был похож на тот, в котором похоронили Джоанну, но вдруг это совпадение?

Психологический барьер, лишаящий способности ходить, лишаящий способности писать.

«Я не могу писать», – сказал я голосу во сне. Голос ответил, что могу. Голос заявил, что психологического барьера больше нет и доказательство тому – вернувшаяся ко мне способность ходить. И я пошел по проселку, пошел к коттеджу. Конечно, мне было страшно. Меня охватил ужас еще до того, как из двери выскочило бесформенное белое нечто. Я сказал, что боюсь миссис Дэнверс, но лишь потому, что у меня в голове, разумеется, во сне, «Сара-Хохотушка» и Мэндерли перемешались. Я боялся...

– Я боялся писать, – услышал я свой голос. – Я боялся даже попытки писать.

Откровение это вырвалось у меня вечером, накануне того дня, когда я наконец-то улетел в Мэн, когда я уже крепко набрался. К концу отпуска я пил практически каждый вечер.

– Меня пугает не сам психологический барьер. Меня пугает его слом. Я в полной заднице, мальчики и девочки, в полной заднице.

В заднице или нет, но я понял, что сумел ухватить суть проблемы. Я боялся разрушить этот самый барьер, может, боялся начать заново свою жизнь, уже без Джо. Однако какая-то глубинная часть моего сознания верила, что без этого мне не обойтись. Вот и объяснение угрожающих шумов в лесу у меня за спиной. А вера – не пустой звук. Особенно для человека с богатым воображением. Когда у человека с богатым воображением возникают психологические проблемы, грань между реальным и кажущимся имеет тенденцию исчезать.

Лесные существа... Да, сэр. Одно из них я держал в руке, когда обо всем этом размышлял. Я поднял стакан, поставил его между собой и западным горизонтом, чтобы заходящее солнце окрасило содержимое в красные тона. Пил я много, возможно, для Ки-Ларго это норма, в отпуске людям положено пить, это как бы закон... но перед отъездом я стал пить совсем много. Если столько пьешь, потерять контроль над собой – пара пустяков. А тогда жди беды.

Зловещие существа в лесу, потенциальное убежище, охраняемое злобным призраком, – возможно, то была не моя жена, а память моей жены. Логичное предположение, поскольку для Джо на земле не существовало лучшего места, чем «Сара-Хохотушка». Эта мысль потянула за собой следующую, которая заставила меня перекинуть ноги через край шезлонга и сесть. Ритуал вел начало от «Сары»... Шампанское, последняя фраза, наконец, ключевое благословение: «Что ж, значит, есть повод выпить, верно?»

Хотел ли я, чтобы все вернулось на круги своя? Хотел ли? Месяц или год назад я не мог абсолютно искренне ответить на этот вопрос. Теперь ситуация изменилась. Да, хотел! Хотел

двигаться дальше, хотел закрыть одну страницу моей жизни, пусть и очень дорогую, полную воспоминаний о моей умершей жене, и открыть новую, пока совсем еще чистую. Но для этого мне предстояло вернуться назад.

В бревенчатый коттедж у озера. В «Сару-Хохотушку».

– Да, – вырвалось у меня, и по коже тут же побежали мурашки. – Да, все так.

А почему нет?

Вновь я почувствовал себя круглым идиотом. Как в том случае, когда Робертс заметил, что мне следует поехать в отпуск. Если я должен вернуться в «Сару» теперь, после завершения отпуска, почему нет? Возможно, мне будет страшно ночь или две – скажем так, я буду мучиться похмельем от последнего кошмара, но пребывание в «Саре» позволит быстрее переступить через него.

И (этой последней мысли я позволил едва слышно пискнуть в дальнем уголке моего сознания) возможно, что-то изменится и в моих отношениях с компьютером. Маловероятно, конечно... но шанс оставался. Мне поможет только чудо, не так ли я думал, сидя на краю ванны, приложив мокрое полотенце к царапине на лбу? Да, только чудо. Но иногда слепые падают, ударяются головой и прозревают. Иногда калеки отбрасывают костыли, поднявшись по лестнице к двери храма.

О Дебре и Гарольде я мог не беспокоиться. Да, они начнут интересоваться новым романом, но месяцев через восемь или девять. Я решил провести эти месяцы в «Саре-Хохотушке». Конечно, требовалось какое-то время, чтобы я закончил мелкие дела в Дерри, чтобы Билл Дин подготовил коттедж к моему приезду, но я решил, что смогу перебраться туда к Четвертому июля. Удачная, между прочим, дата. Не просто день рождения нашей страны. К этому дню в западном Мэне практически сходил на нет весенний пик активности насекомых, тех же клещей.

И к тому моменту, когда я собрал все вещи (детективы Джона Макдональда остались тому, кто сменит меня в этом коттедже), сбрил недельную щетину с загорелого дочерна лица (глядя в зеркало, я себя уже не узнавал) и загрузился в самолет, относительно ближайшего будущего сомнений у меня не было: я возвращаюсь в то место, которое мое подсознание ассоциирует с убежищем против сгущающейся тьмы; я возвращаюсь туда, хотя мое сознание предупреждает: это чревато. Я возвращаюсь туда, хотя и не жду, что «Сара» станет Лурдом³⁵... но с надеждой, что смогу загадать желание, когда увижу над озером первую вечернюю звезду.

Была только одна деталь, которая не укладывалась в мои планы по нейтрализации снов о «Саре-Хохотушке». Объяснения я не находил, поэтому пытался эту деталь игнорировать. Получалось не очень. Все-таки я оставался писателем, а писатели, как известно, учат свой разум вести себя неподобающим образом.

Я говорю о царапине на тыльной стороне ладони. Царапине, которая присутствовала во всех снах, клянусь, присутствовала... а в конце концов появилась и наяву. Смею вас уверить, у доктора Фрейда об этом ничего не написано.

Простое совпадение, ничего больше, думал я, когда самолет пошел на посадку. Я сидел во втором ряду (хорошо сидеть в носовой части самолета: в случае аварийной посадки надувной трап рядом) у иллюминатора и смотрел на сосновые леса, над которыми мы скользили, приближаясь к международному аэропорту Бангора. Снег давно сошел; я пропустил его кончину, отправившись в отпуск. Всего лишь совпадение. Поцарапать руку – пустяк. Они же все время перед тобой, ты ими постоянно машешь. Как же обойтись без царапин?

Вроде бы логичное предположение, но что-то не складывалось. Не складывалось, и все.

³⁵ Городок на юге Франции, где в 1858 г. дочери мельника, Бернадетте Субиру, явилась в гроте Пресвятая Дева. На месте явления открылся источник, признанный чудодейственным, и начались исцеления.

Мешали мальчишки в подвале. Те самые, которые тебе не верили. Мальчишки в подвале не верили твоей истории.

В этот момент колеса «Боинга-737» коснулись посадочной полосы, и я выбросил эти мысли из головы.

Как-то днем, вскоре после возвращения домой, я обшаривал стенные шкафы, пока не нашел коробку из-под обуви со старыми фотографиями Джо. Я рассортировал их и внимательно просмотрел те, что были сделаны на озере Темный След. Их оказалось более чем достаточно, но фотографировала главным образом Джоанна. Однако несколько фотографий запечатлели и ее, причем я нашел один фотоснимок, который сделал сам, то ли в 1990-м то ли в 1991 году.

Иногда даже любителю-фотографу улыбается удача (если семьсот мартышек будут семьсот лет барабанить по клавишам семисот печатных машинок, то, как вам известно, они создадут все шедевры, написанные лучшими представителями человечества), вот и этот снимок получился что надо. Джо стояла на плоту, за ее спиной садилось золотисто-красное солнце. Она только что вылезла из озера, в раздельном, сером в красную горошину, купальнике, и с нее еще капала вода. Я запечатлел ее в тот самый момент, когда она, смеясь, отбрасывала волосы со лба и висков. Соски выпирали сквозь тонкую ткань бюстгалтера. Выглядела Джо совсем как киноактриса с афиши очередного фильма о чудовищах, облюбовавших океанский пляж, или маньяке-убийце, шастающем по кампусу.

Внезапно меня охватила страсть. Мне хотелось увести ее наверх, такой, какой она осталась на фотографии, с прядками волос, прилипших к щекам, в купальнике, не скрывающем ее прелестей. Мне хотелось приникнуть к ее соскам, вот так, не снимая бюстгалтера, почувствовать вкус ткани, ощутить, как твердеет под моими губами сосок. Мне хотелось высасывать, словно молоко, воду из купальника, а потом сдернуть с Джо трусики и трахать ее, пока мы оба не сольемся в оргазме.

С легкой дрожью в руках я положил эту фотографию рядом с теми, что тоже мне понравились (хотя таких эмоций и не вызвали). У меня все встало, да так, что член превратился в камень, обтянутый кожей. В таких случаях ты ни на что не годишься, пока твой игрунчик не опадет.

Самый быстрый способ решить проблему, если рядом нет женщины, – привлечь на помощь собственную руку, но в тот момент у меня даже не возникло такой мысли. И я бесцельно бродил по комнатам второго этажа, покорно ожидая, пока исчезнет бугор на моих джинсах.

Злость – один из элементов скорби, я где-то об этом читал, но я первый раз разозлился на Джоанну, лишь найдя эту фотографию. Не просто разозлился, пришел в ярость. Глупая сучка, ну зачем ты решила пробежаться едва ли не в самый жаркий день в году! Глупая, безмозглая сучка, как ты могла оставить меня одного, лишив даже возможности работать!

Я сел на ступени, гадая, что же мне теперь делать. Хорошо бы пропустить стаканчик, а вдогонку и второй. И уже поднялся, но тут же понял, что эта идея не из лучших.

Я прошел в кабинет, включил компьютер и составил кроссворд. В тот вечер, улегшись в постель, я снова вспоминал фотографию Джоанны в купальнике. И решил, что напрасно, потому что мысли эти опять закончатся ночным кошмаром. С тем я и выключил свет.

Но кошмар мне не приснился. Мои ночные визиты в «Сару-Хохотушку» закончились.

Неделю спустя я еще сильнее проникся мыслью о том, чтобы провести лето у озера. Поэтому в начале мая, во второй половине дня, когда, по моим расчетам, любой уважающий

себя сторож будет сидеть перед телевизором и смотреть матч «Красных носков»³⁶, я позвонил Биллу Дину и сказал, что с Четвертого июля хочу пожить в моем коттедже... Возможно, останусь там на осень и зиму.

– Отлично, – живо откликнулся он. – Это очень хорошие новости. Многим недостает тебя, Майк. Мы все хотим выразить тебе свои соболезнования.

В его голосе слышались нотки упрека, или мне это только показалось? Разумеется, мы с Джо оставили след в тех краях. Пожертвовали приличные деньги маленькой библиотеке, обслуживавшей треугольник Моттон – Кашвакамак – Касл-Вью. Джо провела успешную кампанию по сбору средств для создания книжного автомагазина. Участвовала она и в работе Общества по развитию народного творчества округа Касл. Навещала больных... сдавала кровь... что-то продавала на благотворительном базаре в Касл-Роке. Короче, достаточно активно участвовала в местной светской в жизни, пусть иногда и язвительно улыбаясь (разумеется, мысленно). Господи, подумал я, наверное, у старины Билла действительно есть повод упрекнуть меня.

– Ее помнят. – В моем голосе не слышалось вопросительных интонаций.

– Да, конечно.

– И мне очень ее недостает. Наверное, поэтому я и не приезжал на озеро. Там нам было очень хорошо вдвоем.

– Оно и понятно. Но чертовски приятно узнать, что мы наконец-то увидим тебя. Значит, мне пора приниматься за дело. Коттедж в полном порядке, можешь переезжать хоть сегодня, если хочешь, но он долго пустовал и в него надо вдохнуть жизнь.

– Я знаю.

– Я попрошу Бренду Мизерв вычистить «Сару» от подвала до чердака. Если помнишь, она всегда у вас прибиралась.

– Не старовата ли Бренда для генеральной уборки? – спросил я.

Речь шла о шестидесятипятилетней даме, дородной, доброй, обожающей всякие скабрёзности. Более всего она любила рассказывать анекдоты о коммивояжере, который проводил ночи, как кролик, прыгая из норки в норку. Это вам не миссис Дэнверс.

– Такие, как Бренда Мизерв, не стареют, – заверил меня Билл. – На тяжелую работу она наймет двух или трех девчонок. И выставит счет на три сотни долларов. Тебя это устроит?

– Вполне.

– Мне надо проверить насос и систему канализации, но, думаю, они в порядке. В студии Джо я видел осиное гнездо. Его я выкурю. Да, и крыша на старом доме, ты знаешь, в центральной части. Надо бы ее перекрыть. Мне следовало сказать об этом в прошлом году, но ты на озеро не приехал, вот я и оставил все как есть. Ты готов раскошелиться?

– Да, если запросят меньше десяти «штук», решение принимаю сам. Если больше, позвони мне.

– Если запросят больше, я погоню их пинками.

– Постарайся все закончить до моего приезда, хорошо?

– Конечно. Тебе захочется побыть одному, я понимаю... Но поначалу гости у тебя будут. Она ушла такой молодой. Ее смерть потрясла нас. Мы ее очень любили.

– Спасибо, Билл. – Я почувствовал, как от слез защипало глаза. Горе, как пьяный гость, всегда возвращается для прощальных объятий. – Спасибо за сочувствие.

– Ты получишь свою долю морковных пирогов, дружище, – рассмеялся он, но как-то осторожно, словно опасаясь выйти за рамки приличий.

– Морковных пирогов я съем сколько угодно, – ответил я, – а если уж соседи начнут перегибать палку... надеюсь, у Кенни Остера все еще живет тот большой ирландский волкодав?

³⁶ Профессиональная бейсбольная команда из Бостона.

– Да, уж он-то будет есть пироги, пока не лопнет! – воскликнул Билл. И смеялся, пока не закашлялся. Я ждал, улыбаясь. – Черника, так он зовет свою животину, уж не знаю почему. Вот уж кто у нас обжора!

Я предположил, что Билли ведет речь о собаке, а не о ее хозяине, Кенни Остере, росточком не выше пяти футов, худеньком, складненьком и не дающим повода для обвинений в чревоугодии.

Внезапно я понял, как мне недостает всех этих людей – Билли, Бренды, Бадди Джеллисона, Кенни Остера и других, круглый год живущих у озера. Мне недоставало даже Черники, ирландского волкодава, который всегда ходил с гордо поднятой головой и висящими на нижней челюсти слюнями.

– Мне еще надо расчистить участок после зимы. – В голосе Билла прозвучало смущение. – В этом году обошлось без сильного ветра. Снега, правда, навалило много. Но все равно обломало немало ветвей. Мне следовало давно их убрать. И негоже мне оправдываться тем, что ты уже несколько лет не приезжаешь. Чеки-то я регулярно обналичиваю.

Я улыбался, слушая, как старый пердун кается и посыпает голову пеплом. Джо, слушая его, хохотала бы до слез, в этом я абсолютно уверен.

– Билл, если к Четвертому июля ты все приведешь в порядок, я буду счастлив.

– Будешь прыгать от восторга, я обещаю, – радостно возвестил Билл. – Хочешь приехать и написать книгу, вдохновляясь озером? Как в прежние времена? Два последних романа тебе удались. Жена не могла оторваться...

– Еще не знаю, – оборвал я его хвалебную песнь. И тут меня осенило: – Билл, окажи мне одну услугу. И сделать это надо сразу, до того, как ты расчистишь подъездную дорожку ипустишь в дом Бренду Мизерв.

– Если это в моих силах, сделаю, – ответил Билл.

И я объяснил, что мне от него нужно.

* * *

Четырьмя днями позже я получил маленькую бандероль. Вскрыл ее и достал двадцать фотографий, отснятых одноразовым фотоаппаратом.

Билл сфотографировал дом с разных сторон. По снимкам чувствовалось, что в доме не живут, хотя за ним и приглядывают, пусть и без должного рвения, в чем, собственно, Билл мне и признался.

Большинство фотографий я сразу отодвинул в сторону, оставив четыре первые. Их я разложил на кухонном столе, залитом солнечными лучами. Билл сделал их с верхней точки проселка, примерно с того места, где он пересекался с дорогой, направив фотоаппарат на «Сару-Хохотушку». Я видел, что мох рос теперь не только на бревнах центральной части, но перебрался и на бревна северного и южного крыла. Я видел валяющиеся на проселке ветви, кучки сосновых иголок. Биллу, должно быть, хотелось все это убрать до того, как сфотографировать проселок, но он устоял перед искушением. Я просил его заснять все как есть, и он выполнил мою просьбу.

Кусты по обе стороны проселка стали куда гуще с тех пор, как мы с Джо последний раз приезжали в «Сару». Длинные ветви действительно тянулись через него друг к другу, как разлученные влюбленные.

Но мой взгляд вновь и вновь возвращался к крыльцу черного хода, обращенного к подъездной дорожке. Все прочие совпадения между фотографиями и моими снами о «Саре» могли быть случайностью (или могло сработать писательское воображение, а уж оно-то умеет нарисовать более чем реальный фон для вымышленных событий), но как объяснить подсолнухи,

выросшие сквозь щели в досках крыльца? Никак, точно так же, как и царапину на тыльной стороне ладони.

Я перевернул одну из фотографий. На обороте Билл написал мелким почерком: «Эти господа заявили очень уж рано... и нарушили границы частного владения».

Я вновь посмотрел на фотографию. Три подсолнуха, выросшие сквозь щели между досками крыльца. Не два, не четыре, а три больших подсолнуха с головками-прожекторами.

Точно такие я видел во сне.

Глава 6

Третьего июля 1998 года я положил два чемодана и портативный компьютер «Пауэрбук» в багажник моего «шевроле», подал его задним ходом к дороге, потом нажал на педаль тормоза и вернулся в дом. Он стоял одинокий и покинутый, как верная любовница, не понимающая, за что ее бросили. Я не стал накрывать мебель чехлами, не отключил электричество (понимал, что Великий Озерный Эксперимент может быстро закончиться), но все равно дом номер четырнадцать по Бентон-стрит полагал, что наши пути разошлись. И мои шаги отдавались гулким эхом, которого просто не могло быть в комнатах, заставленных мебелью.

В кабинете я выдвинул ящик комода, в котором лежали четыре пачки бумаги. Достал одну, задвинул ящик, направился к двери, но на втором шаге остановился. Обернулся. Фотография Джо в купальном костюме стояла на комод. Я взял фотографию, разорвал обертку пачки с торца и засунул фотографию между листами бумаги, как закладку. Если б ко мне вернулась способность писать и если б я этим воспользовался, то вновь встретился бы с Джоанной где-нибудь на двести пятидесятой странице.

Я вышел из дома, запер дверь черного хода, сел в автомобиль и уехал. Больше я на Бентон-стрит не вернулся.

* * *

Несколько раз у меня возникало желание съездить на озеро и посмотреть, как идет ремонт: расходы оказались куда выше, чем поначалу предположил Билл Дин. Но что-то меня удерживало. Мое сознание словно убеждало меня, что в «Сару-Хохотушку» я должен приехать для того, чтобы там и остаться.

Перекрывать крышу Билл нанял Кенни Остера, а кузену Кенни, Тимми Ларриби, поручил ошкурить бревна снаружи. Он также пригласил сантехника и получил мое согласие на замену некоторых труб и водяного насоса. Потом выяснилось, что надо менять и автономный генератор.

В телефонных разговорах Билл очень сокрушался из-за всех этих расходов. Я ему не мешал. Когда янки в пятом или шестом поколении заводит разговор о деньгах, которые предстоит потратить, надо дать ему выговориться. Выкладывать зелененькие для янки так же противоестественно, как обниматься на улице. Что же касается меня, то я мог позволить себе потратиться. Жил я скромно. Не потому, что меня так воспитали. Просто мое воображение не подсказывало мне интересных способов тратить деньги. Трехдневный загул в Бостон состоял для меня из посещения матча «Красных носков», «Тауэр рекорс и видео» и книжного магазина «Вордсворт» в Кембридже. При такой жизни я не мог потратить даже проценты, не говоря уж об основном капитале. К тому же в Уотервилле у меня был хороший финансовый менеджер, и в день, когда я запер дом в Дерри и отправился к озеру, мое личное состояние превышало пять миллионов долларов. Пустяк в сравнении с богатством Билла Гейтса³⁷, но куда как много по здешним меркам. Так что я мог позволить себе заплатить за ремонт дома.

В тот год странными выдались для меня конец весны и начало лета. Я главным образом ждал, закруглял мои городские дела, разговаривал по телефону с Биллом Дином, когда тот звонил, чтобы высыпать на меня ворох очередных проблем, и старался не думать. Я сделал интервью для «Паблишер уикли», и когда репортер спросил меня, испытывал ли я определенные трудности, возвратившись к работе после «утраты самого близкого человека», я, не морг-

³⁷ Билл Гейтс – основатель и владелец компании «Microsoft», в последние годы является самым богатым жителем Земли. По оценке журнала «Форбс», на июнь 1998 года его состояние составляло 51 миллиард долларов.

нув глазом, ответил, что нет. И ведь сказал чистую правду. Мои проблемы начались, лишь когда я поставил последнюю точку в романе «Вниз с самого верха». А до того все у меня получалось, как и прежде.

В середине июня мы с Френком встретились за ленчем в льюистонском кафе «Старлайт», расположенном практически на полпути между нашими домами. За десертом (ели мы, естественно, фирменный клубничный торт «Старлайт») Френк спросил, встречаюсь ли я с кем-нибудь. Я в изумлении вытаращился на него.

– А чего ты на меня пялишься? – В голосе его слышалось недоумение. – Если и встречаешься, я не собираюсь обвинять тебя в том, что ты изменяешь Джо. В августе пойдет пятый год, как она мертва.

– Нет, – ответил я. – Я ни с кем не встречаюсь.

Он молча смотрел на меня. Несколько секунд я не отводил глаз, затем принялся месить ложечкой взбитые сливки на моем куске клубничного торта. Торт подавали теплым, прямо из духовки, и сливки таяли. Почему-то мне вспомнилась старая песня о том, как кто-то оставил торт под дождем.

– А хоть с кем-нибудь встречался, Майк?

– Я не уверен, что должен тебе в этом отчитываться.

– Да перестань, Майк. А на Ки-Ларго? Там хоть...

Я заставил себя оторвать взгляд от тающих взбитых сливок.

– Нет. Не встречался.

Какое-то время он молчал. Я думал, ищет другую тему для разговора. Меня это вполне устраивало. Но он прямо спросил, спал ли я с кем-нибудь после смерти Джоанны. Он принял бы на веру любой мой ответ, даже если бы и сомневался в его правдивости: мужчины часто лгут насчет секса. Но я сказал правду... испытывая при этом какое-то извращенное наслаждение:

– Нет.

– Ни единого раза?

– Ни единого раза.

– А как насчет массажных салонов? Ты понимаешь, хотя бы для того, чтобы...

– Нет.

Теперь уже он завозил ложечкой по сливкам. К тарту он еще не притронулся. Потом посмотрел на меня. Да так, словно видел перед собой некоего нового, неизвестного науке жука. Мне этот взгляд не понравился, но я понимал, чем он вызван.

Дважды я подходил к тому, что в наши дни называется «близкими отношениями», но не на Ки-Ларго, где лицезрел примерно две тысячи миловидных женщин, которые только и ждали приглашения в постель. Первый раз с рыжеволосой официанткой Келли. Она работала в ресторане, куда я часто заходил на ленч. Вскоре мы уже раскланивались, как добрые знакомые, шутили, а потом начали оценивающе поглядывать друг на друга – вы понимаете, о чем я. Я обратил внимание на ее ноги, на то, как униформа обтягивала бедра, когда она наклонялась или поворачивалась, а она заметила мое внимание.

А еще была женщина в спортивном зале «Ну, ты», где я занимался на тренажерах. Высокая женщина, которая отдавала предпочтение розовым эластичным топикам и черным велосипедным шортам. Смотрелась она в таком наряде великолепно. И еще мне нравились книги, которые она читала, крутя педали стационарного велосипеда. Не «Мадемуазель» или «Космополитен», а романы Джона Ирвинга или Элен Джилкрист. Мне симпатичны люди, которые читают книги, и не потому, что я их пишу. Читатели книг тоже могут начать разговор с обсуждения погоды, но, как правило, им доступны и более интересные темы.

Блондинку в розовых топиках и черных шортах звали Адрия Банди. Мы начали обсуждать книги, оседлав два стоявших рядом велотренажера, а потом раз или два в неделю, по утрам, я засекал ее в зале поднятия тяжестей. Подходил, смотрел, как она выжимает штангу,

лежа на спине. И в какой-то момент, а было это зимой 1996 года, взгляды мои стали достаточно красноречивыми.

Келли было под тридцать, Адрии – на пару лет меньше. Келли развелась, Адрия не вышла замуж. Так что в обоих случаях я не посягал на семейное счастье, и, думаю, обе согласились бы улечься со мной в постель, не строя долговременных планов. Просто для того, чтобы посмотреть, а что из этого выйдет. Однако в случае с Келли я просто сменил ресторан, а когда Ассоциация молодых христиан предложила мне заниматься бесплатно в их тренажерном зале, забыл дорогу в «Ну, ты». Помнится, полгода спустя я столкнулся с Адрией Банди на улице. И поздоровался с ней, постаравшись не заметить обиды, мелькнувшей в ее глазах.

Чисто физически я, конечно, хотел их обеих (вроде бы мне даже приснился сон, в котором я и поимел их обеих, одновременно, в одной кровати) и при этом не хотел. Частично я видел причину в моей неспособности писать – жизнь и так поломана, так чего создавать себе лишние трудности? С другой стороны, не хотелось выяснять, что нравится женщине, которая отвечает на твои взгляды, – ты или твой банковский счет.

Но главное препятствие, думал я, заключалось в том, что Джо по-прежнему занимала большую часть моего разума и души. И места для другой там просто не было, даже через четыре года после ее смерти. Печально, конечно, но так уж вышло.

– А как насчет друзей? – Френк начал есть клубничный торт. – С друзьями-то ты встречаешься, так?

– Да, – кивнул я, – друзей у меня много.

Тут я солгал, но я заполнил и составил сотни и сотни кроссвордов, прочитал множество книг, по вечерам по видеомангитофону просмотрел массу фильмов; я мог практически в любое время дня и ночи процитировать предупреждение ФБР о незаконном копировании фильмов. Что же касалось настоящих людей, то перед отъездом из Дерри я позвонил своим врачу и дантисту, а большинство писем, отправленных мной в том июне, состояло из просьб о переадресовке таких журналов, как «Харперс» или «Нешнл джеографик».

– Френк, ты говоришь, как еврейская мамаша, – заметил я.

– С тобой я иной раз и ощущаю себя еврейской мамашей, – ответил он. – Которая, правда, верит в целебные свойства тушеного картофеля, а не клецок из мацы. Ты сейчас выглядишь лучше, чем раньше, наконец-то чуть поправился...

– Разжирел.

– Ерунда, на Рождество ты вообще напоминал ходячий скелет. Опять же лицо и руки у тебя загорели.

– Я много гуляю.

– Да, выглядишь ты лучше... а вот твои глаза меня тревожат. Иногда у тебя такой взгляд, что я просто за тебя боюсь. И я думаю, Джо только порадовалась, если б узнала, что кто-то волнуется из-за тебя.

– Что это за взгляд?

– Я тебе скажу. Такое ощущение, будто тебя загнали в западню и ты не знаешь, как из нее вырваться.

Из Дерри я уехал в половине четвертого, остановился на ужин в Рамфорде, затем медленно покатил по пологим холмам западного Мэна, поглядывая на заходящее солнце. Я постарался максимально точно рассчитать время отъезда и прибытия и, уже миновав Моттон, заметил, как гулко бьется мое сердце. Руки и лицо покрывал пот, и это при работающем кондиционере. Я переключал радиоприемник с одной радиостанции на другую, но мне ничего не нравилось: не музыка, а какие-то визги и вопли. В итоге радио я выключил.

Меня терзал страх, и не без причины. Даже если не учитывать зыбкую грань между сном и реальностью (я это мог сделать без труда, посчитав царапину на тыльной стороне ладони

и растущие на заднем крыльце подсолнечники чистым совпадением или неким психическим феноменом), мне было чего бояться. Потому что мне снились необычные сны, и мое решение вернуться в дом у озера не проходило по разряду ординарных. Я казался себе не современным человеком конца двадцатого века, который копается в собственном подсознании в поисках источника страхов (у меня все хорошо, у меня все хорошо, давайте займемся душевным стриптизом под тихую музыку Уильяма Акермана), а безумным ветхозаветным пророком, отправляющимся в пустыню, чтобы жить там, питаясь акридами, выполняя веление Господа, явившегося ему во сне.

Я угодил в серьезный переплет, жизнь моя рушилась, и неспособность писать составляла лишь часть моих бед. Я не насиловал несовершеннолетних и не бегал на Таймс-сквер с мегафоном в руках, призывая к мировой революции, но со мной случилось нечто ужасное. Я потерял свое место в мировом порядке вещей и никак не мог найти его вновь. Неудивительно: в конце концов, жизнь – не книга. И в тот жаркий июльский день я осознанно устраивал себе сеанс шоковой терапии. Подчеркиваю, осознанно, можете мне поверить.

К озеру Темный След я добирался следующим образом: по автостраде I-95 доехал от Дерри до Ньюпорта, по Второму шоссе – от Ньюпорта до Бетела (с остановкой в Рамфорде, в котором воняло, как в преисподней, пока там, случилось это во время второго президентского срока Рейгана, не закрыли целлюлозно-бумажный комбинат), по Пятому шоссе – от Бетела до Уотерфорда. Далее по Шестьдесят восьмому шоссе, прежде Каунти-роуд, через Касл-Вью, Моттон (центр которого состоит из перестроенных амбаров, в которых нынче продают видео, пиво, подержанные ружья), мимо большого щита с надписью:

ЕГЕРЬ – ЛУЧШИЙ ПОМОЩНИК!

ПРИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ЗВОНИТЕ 1-800-555-GAME ИЛИ 72 ПО СОТОВОМУ ТЕЛЕФОНУ

Ниже кто-то добавил краской из баллончика:

ОРЛОВ – НА ХРЕН

Проехав еще пять миль, я повернул направо, на узкую дорогу, маркированную жестяной стрелкой-указателем с выцветшим числом 42. Повыше числа в стрелке темнели две дырки от пуль двадцать второго калибра.

На Сорок вторую дорогу я свернул в расчетное время, шестнадцать минут восьмого, если верить часам на приборном щитке моего «шевроле».

Я проехал две десятые мили, слушая, как шелестит, касаясь днища, трава, растущая между колеями, как иногда ветка скребет по крыше или по стеклу со стороны пассажирского сиденья.

Потом нажал на тормоз и заглушил мотор. Вылез из кабины, обошел «шевроле» сзади, лег на живот и начал вытаскивать траву, застрявшую между днищем и раскаленной выхлопной трубой. Лето выдалось жарким, а потому не следовало пренебрегать мерами предосторожности. Я приехал в этот час, чтобы избавиться от кошмаров, в надежде понять, что их вызывало и как мне жить дальше. Так что лесной пожар никак не вписывался в мои планы.

Покончив с этим, я встал и огляделся. Цикады стрекотали, деревья прижимались к обочинам, над головой синела полоска неба. Как и во сне.

Я зашагал по дороге, по правой колее. У нас с Джо был только один сосед, старик Ларс Уошбурн, но теперь подъездная дорожка Ларса заросла кустами, и ее перегораживала ржавая цепь. К дереву слева от цепи прибили доску со словами:

ПОСТОРОННИМ ВХОД ЗАПРЕЩЕН

На другой доске, справа от цепи, я прочитал:

РИЭЛТОРСКОЕ АГЕНТСТВО «СЛЕДУЮЩЕЕ СТОЛЕТИЕ»

Ниже значился местный телефон. Слова выцвели и в сгущающихся сумерках читались с трудом.

Я пошел дальше, слыша гулкие удары сердца и жужжание комаров, облюбовавших мое лицо и руки. Комариный сезон практически закончился, но я сильно потел, и немногие оставшиеся слетались на запах. Должно быть, он напоминал им о крови.

Насколько я был напуган, приближаясь к «Саре-Хохотушке»? Не помню. Подозреваю, что страх, как и боль, со временем забываются. А осталось в памяти ощущение, которое я испытывал и прежде, проходя этой дорогой. Ощущение того, что ткань реальности очень тонка. Я думаю, она действительно тонка, совсем как лед на озере после оттепели, и мы сознательно наполняем нашу жизнь шумом, светом, движением, чтобы скрыть от себя эту особенность окружающего нас мира. Но в таких местах, как Сорок вторая дорога, мы обнаруживаем, что дымовых завес и зеркал нет. И остались только стрекот цикад да зелень листвы, темнеющая с угасанием дня, ветви, принимающие облик лиц, гулкие удары сердца в груди, кровь, бьющая в виски, и синяя слеза дня, бегущая по щеке неба.

И по мере того как уходит день, тебе открывается истина: то, что видишь перед собой, скрывает некую тайну. Ты чувствуешь эту тайну каждым вздохом, видишь ее в каждой тени, ждешь, что столкнешься с ней на каждом повороте. Она здесь, она поджидает тебя, но ты не знаешь, где и когда тайное станет явным.

Я остановился в полумиле южнее того места, где остался мой автомобиль, не дойдя полмили до проселка, ведущего к «Саре-Хохотушке». Здесь дорога резко поворачивает, и справа открывается широкое поле, сбегующее к озеру. Местные называют его луг Тидуэлл, а иногда Старый лагерь. Именно здесь Сара Тидуэлл и ее клан построили свои хижины, так по крайней мере говорила Мэри Хингерман (однажды, когда я спросил об этом Билла Дина, он согласился с тем, что хижины стояли именно здесь... но я заметил, что желания продолжать разговор у него нет, и меня это несколько удивило).

Какое-то время я стоял, глядя на северную оконечность озера Темный След. Вода, красноватая в отсвете заката, напоминала зеркало. Ни ряби, ни лодок. Лодки уже стояли у пристани, а рыбаки сидели в баре, ели лобстеров, обильно запивая их спиртным. Я знал, что через какое-то время некоторые из них, разгоряченные виски и «мартини», примутся гонять по озеру в лунном свете. Я мог лишь гадать, услышу ли я их. Потому что к тому времени я мог уже ехать в Дерри, то ли напуганный увиденным, то ли разочарованный тем, что ничего не увидел.

«— Смешной вы человечиска, — молвил Стрикленд».

Я не знал, что собираюсь произнести эти слова до того самого момента, когда они сорвались с языка. И до сих пор понятия не имею, почему произнес именно эти слова. Я вспомнил,

как мне приснилась лежащая под кроватью Джо, и по моему телу пробежала дрожь. Комар зажужжал прямо в ухе. Я его убил и двинулся дальше.

К проселку я прибыл, когда и хотел, то есть практически в то же время, что и во снах. Можно сказать, идеально вписался в сон. Даже воздушные шарик, привязанные к указателю с надписью

САРА-ХОХОТУШКА

(один – белый, второй – синий), оба с аккуратно написанными черным фломастером словами

С ВОЗВРАЩЕНИЕМ, МАЙК

только усилили ощущение дежа-вю, чего я, собственно, и добивался, ибо никакие два сна не повторяют друг друга в мельчайших подробностях. Точно так же не совпадают образ вещи, созданный воображением, и она сама, сработанная руками, несмотря на все наши попытки сделать их идентичными. Потому что мы сами меняемся день ото дня, даже от минуты к минуте.

Я подошел к указателю, всем своим существом ощущая загадочность этого места. Прижал ладонь к шершавой доске, потом подушечкой большого пальца прошелся по буквам, не думая о занозах, читая их кожей, словно слепой:

С, А, Р, А;

Х, О, Х, О, Т, У, Ш, К, А.

Проселок очистили от кучек опавших иголок и обломившихся ветвей, но озеро Темный След, как и в моих снах, красновато поблескивало внизу. А на его фоне точно так же темнела громада дома. Билл заботливо оставил зажженным фонарь на крыльце черного хода, подсолнечники, пробившиеся сквозь щели между досками крыльца, давно уже срезали, но в остальном картина не изменилась.

Я поднял голову к полоске неба над дорогой. Ничего... Я подождал... Снова ничего... Еще подождал... И тут, точно в той точке, куда я и смотрел, благо во снах натренировался, вспыхнула звезда. Мгновением раньше я видел только темнеющее небо (на синеву по центру с боков надвигалось индиго), и внезапно засветилась Венера. Многие рассказывают о том, что наблюдали за появлением звезд на вечернем небе. Кто-то действительно наблюдал, но я, думаю, впервые в жизни увидел, как в небе появилась первая звезда. И загадал желание, только на этот раз – в реальной жизни и не имеющее отношения к Джо.

– Помоги мне, – попросил я, не отрывая взгляда от Венеры. Наверное, мне следовало что-то добавить, да только я не знал что. Не знал, в какой я нуждался помощи.

Этого достаточно, зазвучал голос в моей голове. На сегодня достаточно. А теперь возвращайся за своим автомобилем.

Да только не собирался я возвращаться. Я наметил для себя другое: спуститься к дому, как в последнем кошмарном сне. Доказать себе, что в старом бревенчатом коттедже не прячется укутанный в саван призрак. План мой базировался на мудрости Нового века. А мудрость

эта гласила: чтобы преодолеть собственные «страхи», нужно взглянуть им в лицо и выздороветь. Но, пока я стоял у съезда и смотрел вниз на искорку фонаря на заднем крыльце (крошечную искорку в море сгущающейся тьмы), мне пришла в голову другая мудрая мысль, которая в светлое, солнечное утро, возможно, и не покажется мудрой. Мысль эта, в сущности, очень проста и предполагает, что страх есть проявление инстинкта самосохранения, а потому, почувствовав его, надобно послать все к черту и бежать. И в лесу, на исходе дня, второе толкование казалось куда как более логичным, тут сомнений быть не могло.

Случайно мой взгляд упал на руку, и я с удивлением отметил, что держу один из воздушных шариков: отвязал его, даже не заметив, занятый своими мыслями. Он плавал в воздухе, на другом конце нитки, и в темноте я уже не мог разобрать написанные на нем слова.

Может, никакой дилеммы и нет; может, психологический барьер никуда не делся, и я не смогу спуститься вниз: буду стоять, как статуя, пока кто-то не придет и не уволочет меня в лес.

Но происходило все это в реальном времени и в реальном мире, а в реальном мире не существовало, во всяком случае, для меня, обездвиживающего психологического барьера. Я разжал пальцы. Шарик, почувствовав свободу, устремился вверх, а я двинулся вниз по проселку. Шаг, еще шаг – и процесс пошел. Я все глубже погружался в терпкий запах сосновых иголок, а однажды поймал себя на том, что переступил через сломанную ветвь, которая лежала на проселке в моем сне, но не наяву.

Сердце по-прежнему колотилось о ребра, пот выступал из всех пор, смачивая кожу и привлекая комаров. Я поднял руку, чтобы отбросить волосы со лба, замер, остановив ее на уровне глаз, с растопыренными пальцами. Поднял вторую руку. Ни на одной не нашел царапины. Не осталось даже шрама от той, что я получил, ползая в темноте по спальне во время бурана.

– Я в полном порядке, – вырвалось у меня. – Я в полном порядке.

«– Смешной вы человечешка, – молвил Стрикленд», – откликнулся голос. Не мой, не Джо. Голос НЛЮ, который я слышал в кошмаре, голос, который гнал меня вперед, даже когда я хотел остановиться. Голос со стороны.

Я двинулся дальше. Половину проселка я уже миновал. Добрался до того места, где во сне признался голосу в том, что боюсь миссис Дэнверс.

– Я боюсь миссис Дэнверс, – сообщил я сумраку позднего вечера. – Что, если нехорошая старая домоправительница поджидает меня внизу?

На озере закричала гагара, но голос не ответил. Действительно, подумал я, чего ему отвечать. Не было никакой миссис Дэнверс, она – мешок с костями из старой книги, и голос это знал.

Я вновь зашагал вниз. Прошел большую сосну, с которой как-то раз Джо не смогла разминуться, разворачиваясь на нашем джипе. Как же она тогда ругалась! Словно бывалый моряк! Мне удавалось сохранять скорбную мину, пока она не добралась до «гребаный насрать». Тут я не выдержал, загоготал так, что по щекам покатались слезы. А Джо буквально пепелила меня взглядом.

Я увидел отметину на стволе, в трех футах от земли, светлое пятно на фоне темной коры. И именно здесь тревога, которая пронизывала все мои сны, исключая последний кошмар, сменилась животным страхом. Еще до того, как белый призрак выскочил из дома, я почувствовал: что-то не так, почувствовал, что дом сошел с ума. Именно в тот момент, когда я поравнялся с сосной, на которой осталась отметина от джипа, меня охватило безумное желание бежать со всех ног.

Я говорю о кошмаре. А в реальной жизни я ничего такого не испытывал. Боялся – да, но ужас меня не охватывал. И за спиной, разумеется, не слышалось тяжелого дыхания. С кем человек мог столкнуться в этих лесах, так это с рассерженной мышью. Или, если уж совсем не повезет, со злобным медведем.

Во сне по небу плыла луна, не полная, в три четверти, – в эту ночь я видел лишь звезды. Другого и быть не могло. Утром я заглянул на страницу синоптика в утреннем выпуске «Дерри ньюс»: луна только народилась.

Даже самое могущественное дежа-вю на самом деле очень хрупкое, и при мысли о безлунном небе мое разлетелось на мелкие осколки. Ощущение того, что я вжился в собственный сон, исчезло так быстро, что я даже задался вопросом: а зачем я все это проделывал, что старался доказать, чего добивался? И теперь мне предстояла дальняя дорога. Назад, в темноте, к автомобилю.

Хорошо, решил я, но сначала я возьму в доме фонарь. Один из них наверняка лежит на...

На дальнем берегу озера прогремела череда взрывов, последний громким эхом отозвался от холмов. Я остановился, на мгновение у меня перехватило дыхание. Чуть раньше эти внезапные взрывы обратили бы меня в паническое бегство, теперь заставили лишь вздрогнуть. Разумеется, это петарды. Завтра же Четвертое июля, а на другом берегу подростки начали отмечать праздник на день раньше, для подростков это обычное дело.

Я направился к дому. Кусты тянулись ко мне ветками, но я знал, что мне они ничем не грозят. Я мог не беспокоиться и об отключении электричества. Я находился так близко от дома, что видел мотыльков, слетевшихся на свет фонаря, который Билл Дин оставил включенным на крыльце черного хода. Даже если бы электричество отключилось (в западном Мэне большинство проводов по-прежнему протянуты над землей, так что обрывы случаются часто), автоматически включился бы автономный генератор.

И все-таки внушительная часть моего сна полностью материализовалась в реальном мире, что не могло не произвести на меня должного впечатления. Пусть даже ощущение того, что я заново повторяю (переживаю) сон, и пропало. Кадки для цветов стояли там же, где и всегда, по обе стороны лестницы-тропинки, ведущей к маленькому песчаному пляжу «Сары». Наверное, Бренда Мизерв нашла их в подвале и по ее указаниям их поставили на прежнее место. В ящиках еще ничего не росло, но я подозревал, что ждать осталось недолго: наверняка посаженные семена скоро взойдут. И даже без луны, присутствующей в моем сне, я различал черный квадрат ярдах в пятнадцати от берега. Там Билл Дин поставил на якорь плот.

А вот никакого продолговатого предмета у крыльца не было. Действительно, откуда здесь взяться гробу? И все же сердце мое стучало, как паровой молот. И если бы в этот момент на другом берегу озера, около Кашвакамака, вновь загрохотали петарды, я бы закричал от ужаса.

«– Смешной вы человечешка, – молвил Стрикленд».

«Дай ее сюда. Это мой пылесос».

Что, если смерть ведет нас к безумию? Пусть нам удастся выжить, но она ведет нас к безумию? Что тогда?

От дома меня отделяло совсем ничего. Вот оно, то самое место, с которого я увидел, как открывается дверь черного хода и из нее выскакивает белая тварь. Я сделал еще шаг и остановился. Дыхание шумно вырывалось из груди, зато в легкие воздух проникал с большим трудом, обдирая гортань. Ощущение дежа-вю отсутствовало, но на мгновение мне показалось, что призрак все равно выбежит из двери... здесь, в реальном мире, в реальном времени. Я стоял и ждал, сцепив потные ладони. Вдохнул еще раз, шумно выдохнул. Теперь протоку воздуха ничего не мешало.

Вода мягко плескалась у берега.

Легкий ветерок гладил лицо, шелестел листвой.

Где-то крикнула гагара; мотыльки кружили в свете фонаря.

Закутанный в саван призрак не распахнул дверь, через большие окна, справа и слева от двери, я не видел ничего движущегося, белого или какого другого. Над ручкой на двери белела записка, должно быть, от Билла. Я вновь шумно выдохнул и решительно преодолел оставшиеся ярды, отделявшие меня от «Сары-Хохотушки».

Записку действительно оставил Билл Дин. Он сообщал, что Бренда купила для меня кое-что из еды. Счет из супермаркета – на столе в кухне, в кладовой я найду консервы, в холодильнике – молоко, масло и гамбургер – основной рацион одинокого мужчины.

Я заеду к тебе в понедельник. Будь моя воля, заглянул бы завтра, но моя жена заявила, что пришла наша очередь ехать в гости, поэтому мы отправляемся в Виргинию (в эту жару!), чтобы провести Четвертое с ее сестрой. Если тебе что-нибудь потребуется или возникнут какие-то...

Билл оставил телефон сестры своей жены в Виргинии, а также номер Батча Уиггинса в городе, который местные называли Тэ-Эр, к примеру говорили: «Нам с мамой надоел Бетел, вот мы и перебрались с нашим трейлером в Тэ-Эр». Не забыл Билл указать и другие номера: сантехника, электрика, Бренды Мизерв, даже телевизионщика из Харрисона, который отрегулировал спутниковую антенну, с тем чтобы она принимала максимальное число каналов. Билл позаботился обо всем. Я перевернул записку, предполагая, что на обратной стороне найду постскриптум:

P.S. Кстати, Майк, если атомная война начнется до того, как мы с Яветт вернемся из Виргинии...

Что-то шевельнулось у меня за спиной.

Я резко обернулся, записка выскользнула у меня из руки. Спланировала на доски крыльца черного хода – увеличенная белоснежная разновидность мотыльков, слетевшихся к горящему фонарю. В то мгновение я не сомневался, что увижу перед собой облаченную в саван тварь, безумный призрак моей давно усопшей жены. *Отдай мне мой пылесос, отдай немедленно, как ты посмел явиться сюда и нарушить мой покой, как ты посмел вернуться в Мэн-дерли, а раз уж ты здесь, как ты сумеешь уйти отсюда? Ты останешься со мной, смешной ты человечиком. Ты останешься со мной.*

Но я никого не увидел. Только ветерок шелестел листвой... Однако моя разгоряченная, покрытая потом кожа ветерка не почувствовала. На этот раз не почувствовала.

– Что ж, как и следовало ожидать, никого тут нет, – изрек я.

Если человек один, звук собственного голоса может или испугать, или успокоить. На этот раз произошло последнее. Я наклонился, поднял записку Билла, сунул в задний карман. Затем достал кольцо с ключами. Стоя под фонарем, я перебирал ключи, пока не нашел нужный. Провел пальцем по бородке, в который уже раз задавшись вопросом, а почему я не приезжал сюда (два-три коротких набега за какими-то вещами не в счет) все эти месяцы и годы, прошедшие после смерти Джо. Конечно, будь она жива, она бы настояла...

И тут до меня дошло: смерть Джо – неверная точка отсчета. Конечно, легко отталкиваться именно от этого, за шесть недель, проведенных в Ки-Ларго, у меня не возникало и мысли, что может существовать какая-то другая, но теперь, стоя под пляшущими тенями мотыльков (словно на дискотеке) и слушая крики гагар, я вспомнил, что умерла Джоанна не здесь, а в Дерри, хотя случилась трагедия в августе 1994 года. В городе нас донимала дикая жара... тогда почему мы не жили здесь? Почему не сидели в купальных костюмах на крытой террасе, выходящей к озеру, не пили ледяной чай, не смотрели на снующие взад-вперед катера, за которыми рассекают озерную гладь воднолыжники? Каким ветром ее вообще занесло на эту чертову автостоянку у «Райт-эйд»? Ведь в любой другой август мы всегда находились в десятках миль от нее.

И это еще не все. Обычно мы оставались в «Саре» до конца сентября, наслаждаясь теплой, мягкой погодой. Но в 1993 году уехали, едва пошла вторая неделя августа. Я это хорошо помню, потому что в конце месяца Джо полетела со мной в Нью-Йорк на какую-то рекламную акцию, связанную с выходом нового романа. Манхэттен задыхался от жары, пла-

вющийся асфальт поливали из гидрантов. В один из вечеров мы пошли посмотреть «Призрак оперы»³⁸. Ближе к концу Джо наклонилась ко мне и прошептала: «О черт! Призрак опять пускает слюни!» Оставшееся время я изо всех сил пытался сдержать смех. Джо умела подложить такую вот свинью.

Почему Джо полетела со мной в тот август? Джо не любила Нью-Йорк даже в апреле и октябре, когда этот город особенно хорош. Теперь я точно знал, что, уехав из «Сары-Хохотушки» в начале августа 1993 года, более она туда не возвращалась... А совсем недавно я как-то об этом и не задумывался.

* * *

Я сунул ключ в замочную скважину, повернул. Я собирался зажечь на кухне свет, взять фонарь и вернуться к автомобилю. Не сделай я этого, какой-нибудь пьяный парень, дом которого стоял у южного края Сорок второй дороги, мог врезаться в мой «шеви», а потом отсудить у меня миллион долларов.

Дом как следует проветрили, так что пахло в нем не затхлостью, а сосной. Я протянул руку к выключателю, и тут в темноте заплакал ребенок. Рука моя застыла, внутри похолодело. Я не запаниковал, честное слово, но соображать точно перестал. Я слышал плач, детский плач, но никак не мог понять, откуда он доносится.

Затем звук начал таять. Не затихать, а таять, словно кто-то взял ребенка на руки и понес длинным коридором... но в «Саре» такого коридора не было. Тот, что соединял центральную часть и две пристройки, длинным не назовешь...

Таял... таял... почти пропал.

Я стоял в темноте, с бегающими по коже мурашками, с застывшей на выключателе рукой. Часть моего сознания требовала, чтобы я повернулся и бежал со всех ног. Но верх взяла другая, рациональная.

Я щелкнул выключателем. Та часть, что хотела бежать, говорила: напрасный труд, ничего из этого не выйдет, это же сон, глупец, твой сон, обернувшийся явью. Но вышло. Лампа загорелась, осветив коллекцию керамики по левую руку и книжный стеллаж по правую. Керамику и книги я не видел четыре года, но они остались на прежних местах. На центральной полке стеллажа стояли три ранних детектива Элмора Леонарда: «Взятка», «Крепкий удар», «Мистер Маджестик». Я прикупил их на случай плохой погоды: если уж ты за городом, подобные меры предосторожности необходимы. Без хорошей книги даже два дождливых дня, проведенные в лесу, могут свести с ума.

Послышался последний всхлип, сменившийся тишиной. Нарушало ее только тиканье часов, доносящееся из кухни. Часы эти стояли у плиты – пожалуй, одна из самых неудачных покупок Джо, тот редкий случай, когда ее подвел вкус. Кот Феликс³⁹, с большими глазами, двигающимися из стороны в сторону в соответствии с движениями хвоста-маятника. Я думаю, такие часы присутствовали во всех дешевых фильмах ужасов.

– Кто здесь? – спросил я. Шагнул к кухне, примыкающей к маленькой прихожей, остановился. Дом напоминал черную пещеру. Плач мог доноситься откуда угодно. Его источником могло служить и мое воображение. – Есть тут кто-нибудь?

Нет ответа... Но я не думал, что звук этот родился в моей голове. Если б так, то писательский психологический барьер показался бы цветочками.

³⁸ Знаменитый мюзикл.

³⁹ Один из первых мультипликационных персонажей, получивших широкую популярность. Создан в 1919 г. Отто Месмером. Является героем бесчисленных комиксов и широко используется в рекламе.

На книжной полке, слева от детективов Леонарда, стоял фонарь с длинной ручкой на восемь батареек, который мог временно ослепить, если кто-то направлял его тебе в лицо. Я схватил фонарь, и лишь когда он едва не выскользнул из моей руки, понял, как сильно я вспотел, точнее, как сильно я перепугался. Фонарь я удержал, а сердце билось часто-часто. То ли я ожидал, что ребенок заплачет вновь, то ли думал, что из гостиной выплывет призрак в саване, протягивая ко мне белые руки.

Я включил фонарь. Направил яркий луч в гостиную. Он осветил мышиную голову на каминной доске: засверкали стеклянные глаза. Я увидел старые бамбуковые кресла, старый диван, обшарпанный обеденный стол, который шатался, если под одну или две ножки не подложить несколько игральные карты или подставку для пивного стакана. А вот призраков не обнаружил. Но решил, что тут определенно что-то нечисто. Мне очень хотелось повторить слова бессмертного Кола Портера: давайте поставим на этом точку. Если я, добравшись до автомобиля, сразу поеду на восток, то буду в Дерри еще до полуночи. И улягусь спать в собственную постель.

Я выключил свет в прихожей, и теперь лишь луч фонаря разгонял темноту. Прислушался к тиканью глупого кота, со встроенными в него часами, которые, должно быть, завел Билл, к знакомому гудению холодильника. Вслушиваясь, понял, что не ожидал услышать ни тиканья, ни гудения. А вот насчет плача...

А был ли плач? Был ли на самом деле?

Да. Плач или что-то еще. Не об этом следовало сейчас думать. Куда более уместным казался другой вопрос: а не сглупил ли, решив приехать сюда, человек, научивший свой разум вести себя неподобающим образом? Стоя в прихожей, темноту которой взрезал луч ручного фонарика, я окончательно осознал, что грань между реальным миром, к которому я жил, и тем, что рисовало мое воображение, в значительной мере исчезла.

Я вышел из дома, повернул ключ в замке, убедился, что дверь заперта, и зашагал по проселку, покачивая фонарем из стороны в сторону. Точно так же качался хвост-маятник кота Феликса на кухне. Выйдя на дорогу, я подумал, что хорошо бы сочинить для Билла Дина какую-то историю, объясняющую, почему я не добрался до «Сары-Хохотушки». Не мог же я сказать ему: «Видишь ли, Билл, я приехал и услышал, как в моем запертом доме плачет ребенок. Меня это так испугало, что я бежал до самого Дерри. Фонарь, который я взял, я пришлю по почте. Поставь его на книжную полку, где он и стоял, рядом с романами Элмора Леонарда». Такого я сказать не мог, потому что Билл передал бы этот разговор соседям, а те, покачав головой, отреагировали бы однозначно: «Неудивительно. Наверное, он написал слишком много книг. От такой работы крыша и едет. И теперь он боится собственной тени. Профессиональная болезнь».

Даже если бы я до конца своих дней не собирался возвращаться в «Сару», я не хотел, чтобы у жителей Тэ-Эр сложилось обо мне такое мнение, чтобы они наполовину презирали, наполовину жалели меня.

Лучше сказать Биллу, что я заболел. В определенном смысле я не грешил против истины. Или нет... Заболел не я... а мой друг... Кто-то в Дерри... подруга. «Билл, видишь ли, приболела моя подруга, вот я и...»

Я остановился как вкопанный: луч фонаря выхватил из темноты мой автомобиль. Я прошагал милю в темноте, не замечая никаких звуков в лесу, хотя жизнь там не замирала ни на минуту. Я ни разу не оглянулся, чтобы посмотреть, а не преследует ли меня призрак в саване (или плачущий ребенок). Я увлекся историей, с помощью которой хотел оправдаться перед Биллом, начал прорабатывать подробности сюжета, занялся привычной мне работой, используя стандартные приемы, с одним только отличием: я проделывал все это в голове, а не бумаге. И творческий процесс так захватил меня, что я напрочь забыл про страх. Сердце уже билось в нормальном ритме, пот высох, комары не жужжали в ушах. А когда я остановился, любо-

пытная мысль пришла мне в голову. Мысль о том, что мое сознание терпеливо ждало, пока я успокоюсь, прежде чем напомнить мне об очевидном.

Трубы. Билл получил мое разрешение на замену части старых труб, и сантехник их заменил. Незадолго до моего приезда.

– Воздух в трубах, – озвучил я свою догадку, проведя лучом по радиаторной решетке «шевроле». – Вот что я слышал.

Я ждал, что некая глубинная часть моего сознания назовет это предположение глупой ложью, стремлением подвести под случившееся материалистическую базу. Не назвало... потому что согласилось с тем, что такое возможно. Воздух в трубах может шуметь по-разному. Эти звуки принимают и за разговор людей, и за собачий лай, и за детский плач. Возможно, конечно, что сантехник сдренировал воздух, и я слышал что-то еще... но мог и не сдренировать. Вновь вопрос встал ребром: что делать, сев за руль? Проехать задним ходом две десятых мили, развернуться и покатить в Дерри, испугавшись того звука, что я слышал в течение десяти секунд (может, только пяти), пребывая в крайне взвинченном состоянии? Или ехать вперед?

Я выбрал второй вариант. Не мог меня развернуть один лишь звук, услышанный в прихожей. Не мог, потому что слишком многое означал для меня приезд в «Сару-Хохотушку».

Голоса в голове я слышал с тех пор, как помню себя. Не знаю, непременно ли это атрибут писателя или нет. Моим коллегам я такого вопроса не задавал. Не видел в этом необходимости, потому что знал, каждый голос – тот же я, но в другой ипостаси. Часто, конечно, я слышал голоса других людей, а самым знакомым (и близким) был мне голос Джо. Вот тут этот голос и зазвучал, и слышались в нем любопытство, легкая ирония и... одобрение.

Решил побороться, Майк?

– Да, – ответил я, стоя в темноте перед сверкающей в свете фонаря хромированной радиаторной решеткой. – Спасибо тебе, крошка.

Что ж, значит, есть повод выпить, верно?

Да. Повод был. Я сел в машину, завел двигатель и поехал по дороге. А добравшись до проселка, свернул на него.

Я не услышал детского плача, когда второй раз вошел в дом. Медленно прошелся по всему первому этажу с фонарем в руке, пока не зажег свет во всех комнатах. Если в это время кто-то еще плавал на лодке у северного берега Темного Следа, он мог бы принять старую «Сару» за спилберговскую летающую тарелку.

Я думаю, дома живут своей жизнью в потоке времени, отличном от того, в котором пребывают их обитатели. Во всяком случае, скорость у этого потока поменьше. В доме, особенно в старом доме, прошлое ближе. В моей жизни Джо уже четыре года как умерла, но в «Саре» эти годы сжались до месяцев. Я вошел в дом, зажег все лампы, поставил фонарь на книжную полку и лишь тогда окончательно уразумел, как же я боялся возвращения в «Сару-Хохотушку». Боялся разбудить свое горе свидетельствами того, сколь безвременно ушла от меня Джо. Книгой, лежащей на столике у дальнего угла дивана, на котором Джо любила сидеть в ночной рубашке, читать и есть сливы; картонной коробкой с овсяными хлопьями, которые она всегда ела на завтрак, на полке в кладовой; ее старым зеленым халатом, который висел на крючке с обратной стороны двери в ванную в южном крыле. По терминологии Билла Дина – «новом крыле», хотя построили его задолго до того, как мы впервые увидели «Сару».

Бренда Мизерв хорошо потрудились, по-человечески хорошо, постаравшись убрать с глаз то, что могло напомнить мне о Джо, но все она убрать не могла. Романы Дороти Сэйерс о Питере Уимсли, купленные Джо, по-прежнему стояли в книжном шкафу в гостиной. Джо прозвала мышиную голову на каминной доске Бантером и однажды, уж не помню по какой причине (едва ли кому из предков Бантера это понравилось бы), повесила на волосатую мышкину шею колокольчик. Он висел до сих пор, на красной ленте. Миссис Мизерв, должно быть, этот

колокольчик поставил в тупик, она наверняка долго размышляла над тем, убрать его или нет, не зная, что на нашем семейном языке «позвонить в колокольчик Бантера» означало заняться любовью на диване в гостиной (у нас с Джо такое случалось довольно часто). Бренда Мизерв сделала все, что могла, но любая крепкая семья – территория, недоступная посторонним, белое пятно, без которых карте общества не обойтись. А то, о чем не знают другие, остается твоим.

Я ходил по дому, к чему-то прикасался, на что-то смотрел, как бы заново открывая для себя те или иные вещи. И во всем я видел Джо. А когда я уселся в старое плетеное кресло перед телевизором и оно заскрипело подо мной, я буквально услышал голос Джо: «Какой же противный звук».

Я закрыл лицо руками и заплакал. Наверное, в тот вечер я в последний раз оплакивал Джо, но от этого мне легче не было. Я плакал, пока не понял, что внутри что-то сломается, если я не остановлюсь. Когда слезы иссякли, на меня внезапно напала икота. А потом навалилась дикая усталость. Ломило все тело. Частично потому, что я отшагал больше двух миль, но в основном от жуткого нервного напряжения, вызванного приездом в «Сару»... и решением остаться здесь. Чтобы бороться. И еще этот странный детский плач, который я услышал, когда в первый раз переступил порог...

Я умылся над раковиной в кухне, смыл со щек слезы, высморкался. Затем отнес чемоданы в северное крыло, где находилась спальня для гостей. У меня не было ни малейшего желания спать в южном крыле, в главной спальне, где мы всегда спали с Джо.

Бренда Мизерв это предугадала. На комодe стоял букет полевых цветов. Под ним лежала записка:

С ВОЗВРАЩЕНИЕМ, МИСТЕР НУНЭН.

Если б не крайняя эмоциональная опустошенность, я бы, увидев записку, вновь расплакался. Наклонившись к цветам, я глубоко вдохнул. Хорошо они пахли, солнечным светом. Потом я разделся, побросав все на пол, и откинул покрывало. Чистые простыни, чистые наволочки. И все тот же Нунэн, залезающий между первыми, чтобы положить голову на последние.

Я лежал при включенной лампе на прикроватном столике, смотрел на тени на потолке, все еще отказываясь поверить, что я в этом доме и в этой кровати. Да, конечно, закутанный в саван призрак не встретил меня... но во мне крепла уверенность, что он придет ко мне в моих снах.

Иногда, во всяком случае, для меня, переход от бодрствования ко сну и обратно растянут во времени. В ту ночь все произошло мгновенно. Я не заметил, как заснул, а проснулся уже утром, когда спальню заливал солнечный свет. Лампа на столике все горела. Я не помнил, чтобы мне что-нибудь снилось, но вроде бы ночью я один раз просыпался и слышал доносящийся издали тоненький звон колокольчика.

Глава 7

Маленькая девочка, совсем кроха, вышагивала по разделительной полосе Шестидесят восьмого шоссе, в красном купальнике, желтых пластиковых шлепанцах и бейсболке с эмблемой бостонских «Красных носков», повернутой козырьком на затылок. Я как раз проехал мимо супермаркета Лейквью и авторемонтной мастерской Дикки Брукса, на подъезде к которым стоял знак, предписывающий сбросить скорость с пятидесяти пяти до тридцати пяти миль. Слава Богу, я выполнил указание. Иначе мог бы и задавить девочку.

То был мой первый день на озере. Поднялся я поздно, большую часть утра провел в лесу, что подступал к берегу, отмечая, что осталось прежним, а что изменилось. Уровень воды вроде бы понизился, и лодок на озере оказалось меньше, чем я ожидал, особенно для самого большого летнего праздника, а в остальном я словно и не уезжал. Вроде бы я отгонял и убивал тех же самых мух.

Часов в одиннадцать желудок напомнил мне о том, что я забыл позавтракать. И я решил, что самое время нанести визит в «Деревенское кафе». В ресторане «Уэррингтона» кормили, конечно же, лучше, но там бы на меня все глазели. Так что для моих целей – просто поесть – «Деревенское кафе» смотрелось предпочтительнее. Если, конечно, оно еще работало. Да, характер у Бадди Джеллисона был не сахар, но зато в западном Мэне никто не мог сравниться с ним в умении жарить бургеры. А мой желудок просто требовал большого, сочащегося жиром «вилладжбургера».

Вот по пути мне и встретила маленькая девочка, шагающая по белой разделительной полосе, словно марионетка, ведомая невидимой ниткой.

На скорости тридцать пять миль в час я увидел девочку загодя, но летом по шоссе машины сновали одна за другой, и редко кто подчинялся ограничительным дорожным знакам. Все знали, что в округе Касл всего двенадцать патрульных машин, и в Тэ-Эр они приезжали только по вызову.

Я съехал на обочину, поставил «шевроле» на ручник и вылез из машины, прежде чем начала оседать пыль. День выдался сумрачным, воздух застыл, облака прижимались к земле. Ребенок, крохотная блондинка с курносым носиком и поцарапанными коленками, стояла на белой полосе и без всякого страха наблюдала за моим приближением.

– Привет, – поздоровалась она со мной. – Я иду на пляж. Момми не захотела отвезти меня, и я безумно йязозлилась. – Она топнула ножкой, показывая, что отлично знает, о чем говорит. Я решил, что ей три или четыре года. Очень разговорчивая, очаровательная, но все равно не старше четырех лет.

– Конечно, куда еще можно идти Четвертого июля, как не на пляж, – кивнул я, – но...

– Четвейтое июля плюс фейейвейк, – напомнила она.

– Но если ты и дальше будешь шагать по дороге, то, скорее всего, попадешь в больницу Касл-Рока.

Я не собирался стоять с ней на проезжей части и вести светскую беседу в пятидесяти ярдах от крутого поворота, который многие лихачи любили проскакать на скорости шестьдесят миль в час. Я, кстати, уже слышал приближающийся рев мотора. И по звуку чувствовалось, что водитель тормозить не намерен.

Я подхватил девочку на руки и отнес на обочину, где на нейтральной скорости тихонько мурлыкал мой «шевроле». Девочке явно нравилось сидеть у меня на руках, она нисколько не испугалась, и все равно я ощутил себя Честером-Раствителем, как только ее попка устроилась на моей руке. Я отдавал себе отчет, что всем клиентам автомастерской Брукса, оформляющим заказы или ожидающим, пока им выкатят автомобиль, достаточно выглянуть в окно конторы, чтобы увидеть меня. Такова уж особенность наших дней: мужчине средних лет нельзя

прикоснуться к чужому ребенку без опасения, что другие увидят в этом прикосновении что-то похотливое. Да и ты сам подсознательно задаешься этим вопросом. Но с проезжей части я девочку унес. Не мог поступить иначе. Пусть этим и навлек на себя праведный гнев всех матерей западного Мэна.

– Ты отвезешь меня на пляж? – спросила маленькая девочка. Сверкая глазками, улыбаясь. Я предположил, что она успеет забеременеть к двенадцати годам, особенно если и дальше будет подобным образом носить бейсболку. – У тебя есть плавки?

– Честно говоря, плавки остались дома. Извини, что так вышло. Милая, а где твоя мама?

Словно отвечая на мой вопрос, из-за поворота выскочил автомобиль, который возвещал о своем приближении ревом мотора. Джип «скаут» с заляпанными грязью боками. Мотор ревел, как разъяренный зверь. Из бокового окна высовывалась женская головка. Мама малышки так перепугалась, что не могла сидеть. И если бы в этот самый момент по встречной полосе ехала другая машина, моя приятельница в красном купальнике скорее всего осталась бы сиротой.

«Скаут» резко затормозил, голова исчезла, раздался скрежет, водитель переключал скорости, пытаясь как можно быстрее разогнать свою колымагу. Я не сомневался, что полетела трансмиссия, но нет, джип понесся дальше.

– Это Мэтти, – пояснила девочка. – Я йязозлилась на нее. И убежала, чтобы повести Четвейтое на пляже. Если она злится на меня, я уйду к моей седой нанни.

Я понятия не имел, о чем она говорит, но подумал, что эта кроха наверняка своего добьется и проведет Четвертое июля на пляже. Пока же я отчаянно махал свободной рукой, пытаясь привлечь внимание водителя джипа.

– Эй! – кричал я. – Эй! Она у меня!

«Скаут» промчался мимо, женщина за рулем все сильнее вжимала в пол педаль газа. Из выхлопной трубы валили клубы сизого дыма. Вновь заскрежетала старая трансмиссия джипа. Я словно попал на очередной выпуск телевикторины «Давай поспорим»: «Мэтти, тебе удалось включить вторую передачу... Ты хочешь на этом остановиться и получить вот эту красивую посудомоечную машину или попытаешься включить третью?»

Я не смог придумать ничего другого, как вновь выйти на проезжую часть, повернуться лицом к уезжающему от меня джипу (выхлоп у него вонял ужасно) и поднять девочку высоко над головой, в надежде что Мэтти увидит ее в зеркале заднего обзора. Теперь я уже полагал себя не Честером-Растлителем, а жестоким аукционистом из мультфильма Диснея, предлагающим самого красивого из всего помета маленького поросенка тому, кто назовет самую высокую цену. Моя попытка удалась. Зажглись тормозные огни «скаута», яростно завизжали по асфальту шины схваченных тормозными накладками колес. Если б эту сцену лицезрели местные сплетники, им бы было о чем посплетничать. Особенно им понравился бы тот эпизод, когда мамаша, крича во все горло, потребовала от меня опустить ее ребенка на землю. Когда возвращаешься в летний коттедж после долгого отсутствия, всегда приятно отметить свой приезд хорошеньким скандалом.

Тормозные огни сменились огнями заднего хода. Джип надвигался на нас со скоростью двадцать миль в час. Теперь в скрежете трансмиссии слышался откровенный страх: она явно просила пощады. Задний борт «скаута» мотался из стороны в сторону, словно хвост веселящегося щенка. Я, словно загипнотизированный, наблюдал за его приближением. Вот он на моей полосе движения, вот на противоположной, снова на моей, теперь зацепил обочину.

– Мэтти едет быстйо, – буднично так изрекла моя новая подружка. Одной рукой она обнимала меня за шею. Клянусь Богом, мы уже стали закадычными друзьями.

Слова ребенка помогли мне очнуться. Мэтти едет быстро, слишком быстро. И скорее всего снесет задний бампер моего «шевроле». А поскольку я стоял на пути джипа, меня и девочку размазало бы между автомобилями.

И я начал пятиться, не отрывая взгляда от джипа и крича: «Сбавь скорость, Мэтти! Сбавь скорость!»

Девчушка тут же присоединилась ко мне.

– Сбавь скорюсть! – прокричала она, тут же начала смеяться. – Сбавь скорюсть, стайюшка Мэтти, сбавь скорюсть!

Вновь жалобно завизжали тормоза. Джип дернулся назад, но колодки крепко держали колеса. Задний бампер «скаута» замер, не дотянувшись до заднего бампера моего «шевроле» самую малость. Зазор можно было перекрыть сигаретой. Жутко воняло гарью. Девочка театрально замахала ручонками, начала кашлять.

Дверца со стороны сиденья водителя распахнулась, Мэтти Дивоур выскочила из кабины, как цирковой акробат выскакивает из пушечного ствола, если вы, конечно, можете представить себе циркового акробата в старых шортах из пестрой ткани и топике. Поначалу я подумал, что это старшая сестра девочки, которую оставили присматривать за малышкой, и Мэтти и Момми – два разных человека. Я, конечно, знал, что маленькие дети часто зовут родителей по именам, но это блондинистое создание с побледневшим лицом выглядело на двенадцать, максимум на четырнадцать лет. Я даже решил, что ее экзотическая манера управления «скаутом» обусловлена не боязнью за ребенка, а элементарным недостатком водительской практики.

Признаю, я сделал еще одно допущение. Грязный вседорожник с приводом на четыре колеса, старые шорты, топик, от которого за милю несло «Кей-мартом»⁴⁰, длинные светлые волосы, перехваченные красными эластичными закрутками, отсутствие должного присмотра за ребенком, что в первую очередь и привело к тому, что трехлетняя девчушка оказалась на дороге... все это подводило меня к однозначному выводу: трейлерные бродяги⁴¹. И у меня были основания для такого заключения. Все-таки я ирландец, черт побери! И мои предки были теми самыми трейлерными бродягами, когда место трейлеров занимали запряженные лошадьми фургоны.

– Фу, как плохо пахнет! – Девочка все махала пухлой ручонкой. – «Скаути» ужасно йазвонялся!

И тут ее вырвали из моих рук. Теперь, когда Мэтти оказалась совсем рядом, у меня возникли серьезные сомнения в том, что она – старшая сестра крохи. Конечно, зрелого возраста она могла достичь только в следующем столетии, но я видел, что ей не двенадцать и даже не четырнадцать. Скорее двадцать, может, на год меньше. А когда она выхватывала у меня ребенка, я заметил обручальное кольцо на ее левой руке. Не укрылись от моего внимания и темные мешки под глазами. Да, выглядела она очень молодо, но, думаю, я узнал усталость и материнские ужас и тревогу.

Я думал, она отшлепает свое сокровище, потому что именно так реагируют трейлерные бедняки, если их дети выкидывают какой-нибудь фортель. Думаю, я попытался бы ее остановить, отвлечь, дать ей излить свою злость на меня. И не потому, что хотел как-то помочь ребенку. Нет, просто мне не хотелось, чтобы на него кричали, его шлепали и трясли в моем присутствии. Все-таки я в городе первый день. Так охота ли мне тратить время, наблюдая, как какая-то шлюха наказывает своего ребенка за собственную ошибку?

Но вместо того чтобы как следует тряхнуть девчушку и заорать: «Куда это ты направилась, маленькая дрянь?», Мэтти крепко прижала ребенка к груди (а девочка, не выказывая ни малейшего страха, тут же обхватила ее ручонками за шею), а потом начала покрывать ее лицо поцелуями.

– Почему ты это сделала? – воскликнула Мэтти. – Что на тебя нашло? Я чуть не умерла, когда увидела, что тебя нигде нет.

⁴⁰ Сеть универмагов, продающих товары по сниженным ценам.

⁴¹ Малоимущие, проживающие в домиках на колесах.

И Мэтти разрыдалась. Девочка в купальном костюме вытаращилась на нее с выражением крайнего изумления на лице. А потом заплакала. Я стоял и смотрел, как они плачут и обнимаются, и мне стало стыдно за мои поспешные выводы.

Проезжающий мимо автомобиль сбавил ход. Пожилая пара, которая, наверное, отправилась в магазин за праздничной коробкой сладостей, уставилась на нас. Я нетерпеливо замахал руками, показывая, что мы прекрасно обойдемся без их любопытных взглядов. Водитель нажал на педаль газа, но я не увидел, как надеялся, номерных знаков другого штата. Парочка жила здесь, а потому всей этой истории суждено было стать достоянием общественности. Мэтти, молодая жена, и ее маленькая дочка (несомненно, зачатая на заднем сиденье легковушки или в кузове пикапа за несколько месяцев до церемонии бракосочетания), плачущие навзрыд на обочине дороги. В компании незнакомца. Ну, не совсем незнакомца. Майка Нунэна, заезжего писателя.

– Я хотела пойти на пляж и по-по-плавать! – всхлипывала маленькая девочка.

– Я же сказала, что отвезу тебя во второй половине дня. – Мэтти еще плакала, но уже пыталась взять себя в руки. – Больше этого не делай, малышка, пожалуйста, не делай. Момми очень напугалась.

– Не буду. Правда не буду. – Девочка обнимала Мэтти за шею, прижимаясь к ней всем тельцем. Бейсболка свалилась на землю. Я поднял ее, чувствуя себя посторонним. Начал совать сине-красную бейсболку в руку Мэтти, пока ее пальцы не сомкнулись на козырьке.

Я даже подумал, что все обернулось как нельзя лучше, и, возможно, имел право так рассуждать. История получалась забавной, правда, из тех, что кажутся забавными, когда все позади. А в процессе такие истории скорее тянут на ужастик. Допустим, из-за поворота выскочил бы грузовик? Да еще на предельной скорости?

И тут из-за поворота действительно выехал автомобиль. Старый пикап, но с мощным мотором. Еще двое местных вылупились на нас.

– Мэм? – обратился я к молодой маме. – Мэтти? Я, пожалуй, поеду. Очень рад, что все так хорошо закончилось.

Едва эти слова сорвались с моих губ, как меня чуть не разобрал смех. Я без труда представил, что держу эту речь перед Мэтти (отличное имя для вестернов вроде «Непрощенный» или «Настоящий смельчак»), засунув большие пальцы за ремень кожаных штанов, и в сбитом на затылок стетсоне, дабы все видели мой благородный лоб. Меня так и подмывало добавить: «Вы очень милы, мэм. Вы, часом, не наша новая учительница?»

Она повернулась ко мне, и я увидел, что она действительно очень мила. Не портили впечатления даже мешки под глазами и висящие патлами светлые волосы. Я решил, что держится она очень хорошо, учитывая, что по возрасту ей еще не нальют спиртного в баре. Во всяком случае, девочку она не отлупила.

– Большое вам спасибо. Она шла прямо по шоссе? – «Скажите, что нет, – умоляли глаза Мэтти. – Скажите, что она шла по обочине».

– Ну...

– Я шла по той линии. – Девочка указала на разделительную полосу. – Она же белая. – В голосе ее звучала уверенность. – А раз белая, значит – безопасная.

Щеки Мэтти, и без того бледные, сделались совсем бескровными. Просто удивительно, что она не лишилась чувств. И мне очень не хотелось, чтобы в таком состоянии она ехала домой, да еще и с ребенком.

– Где вы живете, миссис...

– Дивоур, – представилась она. – Я – Мэтти Дивоур. – Она перекинула девочку на одну руку, а вторую протянула мне. Я ее пожал. Утро выдалось теплое, день обещал быть жарким, отличная пляжная погода, но я прикоснулся к ледяным пальцам. – Мы живем вон там.

Она махнула рукой в сторону поворота. Сразу за ним к шоссе подходил проселок, Уэсп-Хилл-роуд. Длинной в полмили, он соединял Шестьдесят восьмое шоссе и Среднюю Бухту. В двухсот ярдах от шоссе проселок огибал сосновую рощицу, а в ней стоял большой трейлер. Ситуация прояснялась. Я вновь оказался рядом с озером Темный След. А уж около озера спасать маленьких детей – мое призвание.

И все-таки я облегченно вздохнул, узнав, что она живет совсем близко от того места, где, едва не соприкасаясь задними бамперами, стояли наши автомобили. И тут же понял, что по другому и быть не могло. Эта маленькая красотуля в купальнике и не могла уйти далеко от дома... хотя, при продемонстрированной ею решительности... Я подумал, что усталость, читаемая на лице молодой мамы, в определенной степени обусловлена этой самой решительностью. И порадовался, что слишком стар, чтобы стать ее будущим кавалером. Уж из них она будет веревки вить как в школе, так и в колледже.

Уж в школе-то наверняка. Потому что девочки из трейлеров, как правило, в колледж не попадают, за исключением, конечно, вундеркиндов. И веревки она будет вить из них до тех пор, пока из-за Великого Поворота Жизни не выедет прекрасный принц и не припечатает ее к дороге, прежде чем она поймет, что белая разделительная полоса – не самое безопасное место. А потом все повторится вновь.

Святой Боже, Нунэн, немедленно прекрати, приказал я себе. Ей всего три года, а ты уже видишь ее с тремя детьми, двое из которых со стригущим лишаем, а третий – умственно отсталый.

– Большое вам спасибо, – повторила Мэтти.

– Все нормально. – И я ущипнул маленькую девочку за вздернутый носик. И хотя на ее щечках еще не высохли слезы, в ответ она ослепительно улыбнулась. – Это очень разговорчивая маленькая девочка.

– Очень разговорчивая и очень своевольная. – На этом Мэтти тряхнула-таки дочь, но та не выказала никакого страха, как бы говоря, что обычно ее не трясут и не бьют. Наоборот, ее улыбка стала шире. Улыбнулась ей и мать. Тут уж я окончательно убедился, что она очень мила. А если одеть ее в платье для тенниса и пригласить в загородный клуб Касл-Рока (куда она могла попасть только горничной или официанткой), то там она смотрелась бы просто красавицей. Юной Грейс Келли⁴², никак не меньше.

Потом она посмотрела на меня, ее глаза стали серьезными.

– Мистер Нунэн, я не такая уж плохая мать.

Я, конечно, удивился, что ей известна моя фамилия, но лишь на секунду. Она достаточно взрослая, чтобы читать мои книги, и, возможно, предпочитала проводить вторую половину дня с ними, а не смотреть телесериалы вроде «Центральной больницы» и «Одна и единственная жизнь». Они, пусть и не намного, но получше.

– Мы с ней поспорили, когда идти на пляж. Я хотела повесить выстиранное белье, перекусить, а уж потом ехать на озеро. Кира же считала... – Она замолчала. – Что такое? Что я сказала?

– Ее зовут Киа? Правильно... – Тут и я не смог продолжать. Произошло нечто экстраординарное: мой рот наполнился водой. Меня охватила паника. Наверное, я оказался в положении человека, переплывающего океан, которого внезапно захлестнула волна. Только мой рот наполнила не соленая, а холодная. В ней разве что чувствовался слабый металлический привкус, как у крови.

Я отвернулся от них и сплюнул. Ожидал, что из меня хлынет целый поток, какой выливается изо рта едва не утонувшего человека. Но нет. Слюны хватило лишь на скромный плевок.

⁴² Келли Грейс (1929–1982) – звезда Голливуда 50-х годов, с 1956 г. жена князя Монако Ренье III. В 1982 г. погибла в автокатастрофе.

И ощущение, что рот полон воды, пропало еще до того, как моя слюна долетела до обочины. Пропало напрочь, словно его и не было.

– Этот дядя плюнул, – деловито отметила девочка.

– Извините. – Я и сам не понимал, что со мной произошло. – Наверное, замедленная нервная реакция.

В глазах Мэтти отражалась тревога, словно она решила, что мне не сорок, а восемьдесят. Впрочем, подумал я, для ее возраста все одно, что сорок, что восемьдесят.

– Может, подведем к нам? Выпьем стакан воды.

– Нет, я уже в норме.

– Отлично. Мистер Нунэн... я хотела только сказать, что такого никогда не случилось. Я развешивала простыни... она сидела в трейлере, смотрела мультфильмы про Микки Мауса по видеомagneтoфону... а потом, когда я зашла за прищепками... – Она смотрела на девочку, которая больше не улыбалась. Вроде бы до нее начало доходить, чем все могло закончиться. Глаза округлились, готовые наполниться слезами. – Ее не было. Я думала, что умру от страха.

Тут рот ребенка задрожал, из глаз брызнули слезы. Мэтти погладила ее по волосам, прижала ее головку к кей-мартовскому топику.

– Все хорошо, Ки, – проворковала Мэтти. – На этот раз все обошлось, но ты не должна выходить на дорогу. Это опасно. Маленьких на дороге могут раздавить, а ты маленькая. Маленькая и самая моя любимая.

Девочка рыдала все сильнее. После таких рыданий ребенку следовало прежде всего поспать, даже перед походом на пляж.

– Ки плохая, Ки плохая, – твердила она, уткнувшись лицом в мамину шею.

– Нет, сладенькая, тебе же только три года, – успокаивала ее Мэтти, и от ее слов последние опасения в том, что она – плохая мама, развеялись как дым. А может, от них давно уже ничего не осталось: ребенок упитанный, ухоженный, развитой, без синяков.

Все это откладывалось на одном уровне сознания. А на другом я пытался понять, как такое вообще могло случиться: маленькую девочку, которую я унес с белой разделительной полосы, звали Киа, тем именем, которое мы собирались дать нашему ребенку, родись у нас девочка.

– Киа. – Я словно пробовал ее имя на вкус. Осторожно погладил по головке. По теплым, шелковистым волосам.

– Нет, – возразила Мэтти. – Это она так себя называет, потому что не выговаривает букву «эр». Она – Кира, не Киа. Греческое имя. Как у благородной дамы. – Она потупилась. – Я выбрала ее из книги детских имен. Проштудировала ее, когда была беременной.

– Прекрасное имя, – кивнул я. – И я не думаю, что вы – плохая мать.

Тут мне вспомнилась история, которую Френк Арлен рассказывал на Рождество. О Пити, младшем из Арленов. Стараниями Френка все, кто сидел за столом, покатывались со смеху. Даже Пити, заявлявший, что он ничего такого не помнит, смеялся до слез.

Как-то на Пасху, рассказывал Френк, когда Пити было лет пять, их родители устроили им охоту за яйцами. Днем раньше, отправив детей к бабушке и дедушке, родители спрятали в доме больше сотни крашенных яиц. А в пасхальное утро начались их поиски. И продолжались до тех пор, пока Джоанна, которая вышла во внутренний дворик, чтобы пересчитать свою добычу, не подняла голову и не закричала во весь голос. Потому что увидела Пити, ползущего по карнизу, акkurat в шести футах над бетонным полом.

Мистер Арлен спас Пити, в то время как остальные члены семьи, взявшись за руки, стояли внизу, замерев от ужаса. А миссис Арлен непрерывно молилась, причем произносила слова так быстро, что они налезали друг на друга и было совершенно непонятно, что она говорит. А когда сильные руки мужа схватили Пити и унесли в раскрытое окно спальни, она повалилась

без чувств, разбив о бетон нос. Когда Пити спросили, что он делал на карнизе, тот ответил, что хотел проверить, нет ли яиц в сливной канавке, что шла по краю.

Я думаю, в каждой семье есть хоть одна похожая история. Выживание в таких ситуациях маленьких мальчиков и девочек – более чем убедительное свидетельство (во всяком случае, для родителей) существования Бога.

– Я так напугалась! – Мэтти вновь выглядела на четырнадцать лет. Максимум на пятнадцать.

– Все уже в прошлом, – успокоил ее я. – И Кира больше не будет выходить на шоссе. Не будешь, Кира?

Она замотала головой, не поднимая глаз. Я предположил, что девочка заснет, прежде чем Мэтти доберется до трейлера.

– Я и представить себе не могла, что такое может произойти. Один из моих любимых писателей появляется, как джин из бутылки, и спасает мою девочку. Я знала, что у вас в Тэ-Эр усадьба, старый бревенчатый дом, который все называют «Сарой-Хохотушкой», но люди говорили, что вы не приезжали сюда после смерти вашей жены.

– Я действительно давно не приезжал. Будь «Сара» моей супругой, а не домом, вы бы могли назвать мое появление здесь примирением по решению суда.

По ее лицу пробежала улыбка, но мгновение спустя исчезла.

– Я хочу попросить вас об одном одолжении.

– Просите.

– Пожалуйста, никому об этом не говорите. Это может повредить и мне, и Ки.

– Почему?

Они прикусила губу, уже собираясь ответить на мой вопрос, но в последний момент передумала.

– Не важно. Но я буду вам очень признательна, если в городе не узнают об этом инциденте. Более чем признательна.

– Нет проблем.

– Вы серьезно?

– Конечно. Я обычно приезжал сюда летом, в последние годы вообще не приезжал... так что знакомых у меня здесь немного. – Разумеется, я хорошо знал Билла Дина, но судачить с ним не собирался. Это, однако, не означало, что он остался бы в неведении. Если юная дама думала, что от местных жителей останется тайной поход ее дочери на пляж, она сильно заблуждалась. – Мне представляется, что мы уже находимся в центре внимания. Взгляните на автомастерскую Брукса. Не поворачивайтесь, посмотрите как бы невзначай.

Она посмотрела и вздохнула. Два старичка стояли на асфальте в том месте, где когда-то торчали бензоколонки. Один, похоже, сам Брукс: мне показалось, что я разглядел венчик рыжих волос. Второй, гораздо старше, опирался на трость с золотой ручкой, хищно, как мне показалось, наклонившись вперед.

– Тут уж ничего не поделаешь. – В ее голосе слышалась тоска. – Никуда от них не денешься. Наверное, я должна полагать за счастье, что сегодня – праздник и их лишь двое.

– Кроме того, – добавил я, – они скорее всего ничего не видели.

Я сознательно опустил два момента: во-первых, пока мы стояли на обочине, мимо проехало с полдюжины автомобилей, во-вторых, если Брукс и его пожилой спутник чего-то и не видели, они могли с радостью навдумывать с три короба.

Кира уже сладко посапывала на плече Мэтти. Она поглядела на дочь и одарила ее улыбкой, полной любви.

– Жаль, что мы встретились при таких обстоятельствах и в ваших глазах я выгляжу дурадухой. Я, между прочим, ваша давнишняя поклонница. В книжном магазине в Касл-Роке говорят, что этим летом у вас выходит новый роман.

Я кивнул:

– Он называется «Обещание Элен».

Мэтти улыбнулась:

– Хорошее название.

– Спасибо. Вам бы отвезти ребенка домой, пока у вас не затекла рука.

Есть люди, которые умеют задавать лишние вопросы, причем в самый неподходящий момент и, как говорится, не корысти ради. Для этого нужен особый талант, и он у меня есть. Тут уж ничего не попишешь. Этот вопрос я задал, когда мы шагали к «скауту». Я хотел открыть дверцу со стороны пассажирского сиденья, чтобы она могла положить на него малышку. Однако я не мог винить себя в том, что хотел еще больше огорчить Мэтти. В конце концов, я же видел на ее руке обручальное кольцо.

– Мужу вы скажете?

Ее улыбка поблекла. Губы затвердели. Если я бы мог снять вопрос, как снимают букву, слово, строку с дисплея компьютера, нажав на кнопку «Delete», я бы его снял.

– Он умер в прошлом августе.

– Мэтти, извините меня. У меня язык что помело.

– Вы могли и не знать. Девушкам моего возраста еще рано замуж, не так ли? И если она и замужем, то муж должен быть в армии или где-то еще.

Открыв дверцу, я увидел розовое детское кресло-сиденье, скорее всего тоже из «Кей-марта». Мэтти попыталась усадить в него Киру, той не хотелось отлипнуть от матери. Я подошел вплотную, чтобы помочь, протянул руку, чтобы ухватить девочку за пухлую ножку, и в этот момент тыльная сторона ладони коснулась груди Мэтти. Она не могла отпрянуть, не рискуя уронить Киру на пол, но я чувствовал, что она отметила мое прикосновение. Муж мертв, угрозы нет, вот известный писатель и думает, что имеет полное право полапать молоденькую женщину. А что я могу сказать? «Мистер Известный Писатель появился как нельзя вовремя и увел мою дочь с дороги, может, даже спас ей жизнь».

Нет, Мэтти, мне, конечно, еще сорок, а не сто, но лапать тебя я не хотел.

Разумеется, ничего такого я не сказал. Зачем усугублять и без того щекотливую ситуацию? Но почувствовал, как зарделись щеки.

– Сколько вам лет? – спросил я, когда ребенка усадили в кресло и нас разделило безопасное расстояние.

Она быстро глянула на меня.

– Достаточно, чтобы знать, что к чему. – Она протянула руку. – Премного вам благодарна, мистер Нунэн. Господь послал вас нам в самый нужный момент.

– Нет, Господь только сказал, что я должен съесть гамбургер в «Деревенском кафе», – улыбнулся я. – А может, его вечный оппонент. Скажите, пожалуйста, Бадди по-прежнему стоит за прилавком?

Улыбнулась и она. Улыбка сразу согрела ее лицо, чему я искренне порадовался.

– Он будет там стоять, даже когда дети Ки смогут покупать пиво, не показывая фальшивого удостоверения личности. Если только не приедет кто-нибудь из большого города и не закажет креветочный тетразини. Если такое случится, он скорее всего умрет от сердечного приступа.

– Это точно. Ладно, когда я получу новый роман, одну книжку завезу вам.

В глазах Мэтти тут же появилась настороженность.

– Это не обязательно, мистер Нунэн.

– Не обязательно, но я завезу. Мой агент присылает мне пятьдесят экземпляров. И с годами мне все труднее раздаривать их.

Возможно, она уловила в моем голосе то, чего там не было и в помине. Такое, знаете ли, случается.

– Хорошо. С нетерпением буду ждать.

Я еще раз взглянул на ребенка, сладко спавшего в кресле, свесив голову на плечо, пуская слюни. Меня всегда поражала детская кожа. Такая гладенькая, без единой поры. Бейсболка Киры съехала набок. Мэтти наблюдала, как я протянул руку и поправил ее, чтобы тень от козырька падала на глаза.

– Кира, – проговорил я.

Мэтти кивнула:

– Звучит благородно.

– Киа – африканское имя, – пояснил я. – Оно означает «начало сезона».

С тем я и отбыл, помахав Мэтти рукой и направившись к «шеви». Я ощущал на себе ее любопытный взгляд, и почему-то мне казалось, что я сейчас заплачу.

Чувство это оставалось со мной и после того, как «скаут» и обе его пассажирки скрылись из виду; я держал путь к «Деревенскому кафе». Я въехал на земляную автостоянку слева от ряда новеньких бензоколонок, посидел, думая о Джо и тесте для домашней проверки на беременность, который стоил двадцать два доллара и пятьдесят центов. Маленький секрет, которым она не хотела делиться со мной, не убедившись наверняка, что у нас будет ребенок. Должно быть, так оно и было. Разве могло быть по-другому?

– Киа, – вырвалось у меня. – «Начало сезона».

И вновь мне захотелось плакать, поэтому я вылез из кабины и со всей силы захлопнул дверцу, словно желал запереть тоску в салоне.

Глава 8

Бадди Джеллисон действительно ничуть не изменился: те же измазанные, но когда-то явно белые куртка и фартук, те же черные волосы, торчащие из-под бумажного колпака в пятнах то ли крови, то ли брусничного сока. Даже, по внешнему виду, те же крошки овсяного печенья в топорщащихся усах. Выглядел он и на пятьдесят пять, и на семьдесят, а этими пределами, как известно, большинство мужчин ограничивают средний возраст. И габариты его не изменились, и рост, шесть футов четыре дюйма, остался при нем, и вес – добрых триста фунтов. Как быстро выяснилось, четыре года нисколько не отразились ни на его манерах, ни на остроумии.

– Дать меню или и так все помнишь? – пробурчал он, словно последний раз я заходил в его кафе только вчера.

– Ты все еще готовишь «вилладжбургер делюкс»?

– А ворона все еще дрищет с сосновых верхушек? – Светлые глаза буравили меня взглядом. Никаких поблажек мне он делать не собирался. Что меня вполне устраивало.

– Скорее всего. Тогда мне один «вилладжбургер», Бог с ней, с вороной, и шоколадное фрапе. Рад вновь тебя видеть.

Я протянул руку. На его лице отразилось изумление, но руку он мне пожал. Его рука была чистой, в отличие от куртки, фартука и бумажного колпака, даже без грязи под ногтями.

– Я тоже. – И он кивнул болезненного вида женщине, шинкующей лук за грилем. – «Вилладжбургер», Одри. По высшему разряду.

Обычно я остаюсь у прилавка, но в тот день уселся в кабинке около автомата с газировкой и стал ждать, пока Бадди крикнет, что гамбургер готов: Одри ставила тарелки на прилавок, а не разносила по столикам. Мне было о чем подумать, и едва ли я мог бы найти лучшее место для размышлений, чем «Деревенское кафе» Бадди. Двое местных жителей ели сэндвичи и пили газировку, но на них список посетителей исчерпывался. Хозяева летних коттеджей могли прийти в «Деревенское кафе» лишь под угрозой голодной смерти, да и то их пришлось бы загонять в дверь пинками. Зеленый линолеум на полу являл собой сложно-пересеченную местность, где холмы то и дело переходили в долины, тут же сменявшиеся новыми холмами. Как и униформа Бадди, пол не отличался чистотой (а дачники, если уж заглядывали в кафе, скорее всего не заметили бы чистых рук Бадди). В темное дерево столов и обшивки кабинок вьелся жир, а штукатурку над кабинками украшали наклейки – Бадди полагал, что они придают кафе особый колорит:

НОГОТЬ СЛОМАЛСЯ – БЕРЕГИ ПАЛЕЦ

ПРОПАЛИ ЖЕНА И СОБАКА. ЗА СОБАКУ – ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ

ГОРОДСКОГО ПЬЯНИЦЫ⁴³ ЗДЕСЬ НЕТ, МЫ ПО ОЧЕРЕДИ ВЫПОЛНЯЕМ ЕГО ОБЯЗАННОСТИ

Юмор – почти всегда замаскированная злость, подумал я, но в маленьких городах к маскировке относятся спустя рукава. Три вентилятора под потолком лениво разгоняли горячий воздух, а слева от автомата висели две полоски клейкой ленты, облепленные мухами. Некоторые еще дергались, пытаясь вырваться. Если человек мог смотреть на них и при этом еще есть, ему было грех жаловаться на пищеварение.

Я думал о сходстве имен, которое, безусловно, не могло не быть случайным. Я думал о молодой симпатичной девушке, которая стала мамой в шестнадцать или семнадцать лет и вдовой в девятнадцать или двадцать. Я думал о том, как случайно коснулся ее груди, и о том, как общество воспринимает сорокалетних мужчин, которые внезапно открывают для себя удивительный мир молодых женщин со всеми их прелестями. Но в основном мои мысли занимала более чем странная реакция моего организма на произнесенное Мэтти имя девочки: ощущение, что мой рот и горло внезапно залило холодной водой. Наводнение местного значения.

Бадди пришлось дважды звать меня за бургером. Когда я подошел к прилавку, он спросил:

– Ты вернулся, чтобы остаться или продать дом?

– А что? Неужели ты скучал без меня, Бадди?

– Нет, но по крайней мере ты из этого штата. Ты знаешь, что, «массачусетс» на языке индейского племени пискатауай означает говнюк?

– Ты все такой же юморист.

– Да. И собираюсь в писатели. Хочешь знать, для чего Бог дал чайкам крылья?

– Для чего, Бадди?

– Чтобы они могли измочалить ими французов⁴⁴.

Я взял с полки газету и соломинку для фрапе. С газетой под мышкой прошествовал к телефону, раскрыл справочник. При желании я мог бы унести его с собой: справочник не привязали к телефону. Действительно, ну кому могут понадобиться телефонные номера округа Касл?

В справочнике значились двадцать Дивоуров, что меня особо не удивило: в здешних местах эта фамилия достаточно распространенная, вроде Пелки, Боуи или Тутейкер. Я думаю, причина проста: некоторые семьи размножились быстрее и не жаловали путешествия.

Один из Дивоуров проживал на Уэсп-Хилл-роуд, но ни Мэтти, ни Матильда, ни Марта, ни просто М. Рядом с телефонным номером стояло имя Лэнс. Я взглянул на первую страницу справочника. Издан в 1997 году, когда муж Мэтти еще пребывал в мире живых. С этим все ясно... Но фамилия вызывала у меня определенные ассоциации. Дивоур, Дивоур, восславим знаменитых Дивоуров, кто же ты, нужный мне Дивоур? Но память не желала мне помочь.

Я ел гамбургер, пил фрапе и старался не смотреть на добычу клейкой ленты.

Ожидая, пока болезненного вида, молчаливая Одри отсчитает мне сдачу (на пятьдесят долларов я по-прежнему мог столоваться в «Деревенском кафе» целую неделю... если сосуды

⁴³ В маленьких американских городах городской пьяница – фигура значимая, имеющая важное общественное значение: на его примере детям показывают, к чему может привести чрезмерное потакание своим вредным привычкам.

⁴⁴ О том, как птицы «мочалили» людей, безынтересно почитать в рассказе «Птицы», написанном упомянутой в эпиграфе Дафной Дюморье (Бадди знать этого не может, но Стивен Кинг, конечно же, рассказ читал), по которому Альфред Хичкок снял отличный триллер.

выдержат такое количество холестерина), я прочитал еще одну наклейку, украшавшую кассовый аппарат. Очередной шедевр Бадди Джеллисона:

КИБЕРПРОСТРАНСТВО ТАК НАПУГАЛО МЕНЯ, ЧТО Я НАЛОЖИЛ В ШТАНЫ

Смеха этот изыск у меня не вызвал, зато помог найти ответ на одну из загадок, которые подобрал мне этот не так уж давно и начавшийся день: я вспомнил, откуда мне знакома фамилия Дивоур.

Я человек обеспеченный, по местным меркам даже богатый. Но на озере жил один человек, который по тем же меркам считался фантастическим богачом. Разумеется, если он до сих пор ел, дышал и попирает землю ногами.

– Одри, а Макс Дивоур еще жив?

Она чуть улыбнулась:

– Да. Но здесь мы видим его нечасто.

Я расхохотался. Вот смешно, так смешно, это тебе не глупые наклейки Бадди. Одри позволила себе хихикнуть. Кожа у нее всегда отливала желтизной, а теперь она просто явно нуждалась в пересадке печени. Бадди удостоил нас сурового взгляда библиотекаря. Он сидел у другого конца прилавка и изучал рекламный буклет гонок серии NASCAR, которые в эти выходные проводились в Оксфорд-Плейнс.

Обратно я поехал той же дорогой. Большой гамбургер – не лучшая еда для жаркого дня. Он нагоняет сон и затягивает мозги туманом. Мне более всего хотелось приехать домой (я уже считал «Сару-Хохотушку» домом, хотя не пробыл в коттедже и двадцати четырех часов), плюхнуться на кровать в северном крыле под вращающимся вентилятором и придавить пару часов.

Проезжая Уэсп-Хилл-роуд, я притормозил. Белье висело на веревках, перед трейлером валялись игрушки, а вот «скаут» отсутствовал. Видать, Мэтти и Кира надели купальники и отправились на общественный пляж. Они обе мне понравились, очень понравились. Короткая замужняя жизнь Мэтти каким-то боком связала ее с Максом Дивоуром... но, глядя на ржавый, пусть и большой трейлер, стоявший у проселка, вспоминая застиранные шорты и топик из «Кей-марта», я сомневался, что она стала близкой родственницей Макса.

Прежде чем в конце восьмидесятых удалиться на покой в Палм-Спрингс, Максвелл Уильям Дивоур был ключевой фигурой в компьютерной революции. Делали эту революцию преимущественно молодые, но и Дивоур показал себя молодцом – легко просчитывал маневры своих и чужих на игровом поле и понимал правила. Начинать он в тот период, когда для хранения памяти использовалась магнитная лента, а не компьютерные чипы, и монстр, размером со склад, под названием УНИВАК⁴⁵ считался примером для подражания. Макс свободно знал КОБОЛ⁴⁶, ФОРТРАН⁴⁷ просто стал ему родным. А по мере развития компьютеров и информационных систем, когда его собственные способности уже не позволяли ему оставаться в лидерах, Макс нашел прекрасный способ удержаться на плаву: покупал тех, у кого был талант, но отсутствовали деньги.

Его компания «Вижнс» разрабатывала программы, которые позволяли практически мгновенно перекачивать данные с жесткого диска на дискеты. Она создала графические про-

⁴⁵ За давностью лет уже не упомнишь, то ли это одна из первых больших ЭВМ, использовавшихся в 50-е годы, то ли плод воображения американских фантастов.

⁴⁶ КОБОЛ – язык программирования, разработанный для экономических задач.

⁴⁷ ФОРТРАН – язык программирования, разработанный в 1956 г. и используемый главным образом для научных расчетов.

граммы, которые стали стандартом для всей отрасли. «Вижнс» предложила пользователям «Пиксель-изл» – программу, которая позволяла владельцам портативных компьютеров рисовать на экране мышкой... вернее, рисовать пальцем, если в комплектацию компьютера входил, как называла его Джо, «клитерный курсор». Сам Дивоур ничего этого не изобретал, но он понимал, что все это можно изобрести, и ставил перед своими сотрудниками очень конкретные задачи. Ему принадлежали десятки патентов, в сотнях его фамилия значилась среди соавторов изобретения. И на текущий момент «стоил» он порядка шестисот миллионов долларов, в зависимости от курса акций компьютерных фирм на Нью-йоркской бирже.

В Тэ-Эр его не жаловали, полагая сварливым и неприятным в общении. Неудивительно – какой назаретянин думает, что из Назарета может быть что-то хорошее? Разумеется, говорили и о его эксцентричности. Вообще если слушать старожилы, которые помнят годы молодости богатых и удачливых (а все старожилы настаивают на том, что помнят), то получится, что они ели обои, трахали собак и появлялись в церкви исключительно в описанных кальсонах. Даже если в случае с Дивоуром сие соответствовало действительности, даже если он мог дать фору Скруджу Макдаку из диснеевских «Утиных историй», я сомневался, что он мог позволить двум своим близким родственникам жить в ржавом трейлере.

Я свернул на дорогу над озером, затормозил у съезда на проселок, ведущий к моему дому, посмотрел на указатель: кусок доски, прибитый к дереву с надписью

САРА-ХОХОТУШКА

Здесь обходились без столбов, если под рукой оказывалось подходящее дерево. Взгляд, брошенный на указатель, вызвал воспоминание о последнем сне из «Мэндерлийского сериала». В этом сне кто-то приклеил на указатель наклейку радиостанции, из тех, что украшают на платных автодорогах будки кассиров.

Я вылез из машины, подошел к указателю, пригляделся к нему. Никаких наклеек. Подсолнухи были, выросли сквозь щели в досках крыльца, доказательство тому – фотографии, что лежали в моем чемодане, а вот наклейка радиостанции на указателе отсутствовала. И что это доказывало? *Перестань, Нунэн, вернись в реальный мир.*

Я зашагал к «шеви»: дверца открыта, в радиоприемнике надрываются «Пляжные мальчики»⁴⁸, но передумал и вернулся к указателю. В моем сне наклейку прилепили над разрывом между словами, так что она захватывала две последние буквы от Сары и две первые от Хохотушки. Я коснулся в этом месте доски, и мне показалось, что поверхность липкая. Конечно, в такой жаркий день к пальцам могла липнуть и краска. А может, я только вообразил, что поверхность липкая.

Я съехал к дому, запарковал автомобиль, поставил его на ручник (на склонах у Темного Следа и у десятка других озер в западном Мэне автомобиль всегда ставят на ручник), дослушал «Не волнуйся, крошка», я всегда считал, что эта песня у «Пляжных мальчиков» – лучшая, и дело тут не в стихах, а в исполнительском мастерстве. «Если ты знаешь, как сильно я тебя люблю, – пел Брайан Уилсон, – с тобой не может случиться ничего плохого». Да, старички, если бы мир жил по этому закону.

Я сидел, слушал и смотрел на металлический шкаф справа от крыльца. Мы держали там мусор, чтобы местные еноты не рылись в нем и не растаскивали по двору. Потому что контейнеры с крышками не спасали. Если енотам очень уж хотелось есть, им удавалось открывать их своими умелыми лапками.

⁴⁸ «Пляжные мальчики» (Beach Boys) – рок-группа, созданная в 1961 году Брайаном Уилсоном и состоявшая из двух его родных братьев, одного двоюродного и одноклассника. Одна из самых знаменитых в американском шоу-бизнесе.

Ты же не собираешься сделать то, о чем думаешь, сказал я себе. Я про... или собираешься?

Похоже, собирался. И когда «Пляжных мальчиков» сменила «Сырая земля»⁴⁹, я вылез из машины, открыл шкаф и вытащил два пластиковых мусорных контейнера. Билл Дин подрядил одного из местных, Стэна Проулкса, тот приезжал (четырьмя годами раньше) дважды в неделю и увозил мусор, но я сомневался, что Стэн побывал здесь в выходные (все-таки праздник) и забрал последние накопления. Так и вышло. В каждом контейнере лежали по два мешка с мусором. Я достал их (по-прежнему называя себя дураком) и развязал желтые тесемки.

Честно говоря, я не ожидал, что желание найти наклейку заставит меня вывернуть содержимое мешков на крыльцо, но заставило. В доме уже четыре года никто не жил – помните? – а ведь именно жильцы являются основным источником мусора. Тут тебе и кофейная гуща, и использованные салфетки. В этих же мешках находился лишь мусор, собранный при уборке Брендой Мизерв и ее командой.

Девять одноразовых пакетиков из пылесоса, вобравших в себя сорок восемь месяцев пыли идохлых мух. Ворохи бумажных полотенец, пахнущих полиролем и чистящей жидкостью. Рваный поролоновый коврик и шелковый пиджак, которым отменно закусила моль. Потеря пиджака не вызвала у меня печали. Его покупка в молодости была явной ошибкой. Он казался пришельцем из эры «Битлз». Прощай, крошка, прощай.

Еще я обнаружил коробку с осколками стекла... еще одну с какими-то втулками и тройниками (наверное, для новых труб они не подходили)... грязный и рваный кусок ковра... вытертые до дыр посудные полотенца... и рукавицы, которыми я пользовался, когда сам жарил бургеры или курицу...

Перекрученную наклейку я нашел на дне второго мешка. Я знал, что найду ее, знал с того самого момента, как прикоснулся к чуть липкой поверхности указателя, но мне хотелось убедиться в ее существовании. Наверное, точно так же Фома Неверующий все хотел проверить собственноручно.

Я отделил находку от остального мусора, рукой расправил ее на нагретой солнцем доске. Края пообтрепались. Я догадался, что Билл воспользовался перочинным ножом, чтобы отскреести ее от указателя. Он не хотел, чтобы мистер Нунэн, вернувшись после четырехлетнего отсутствия, первым делом обнаружил, что какой-то безответственный тип прилепил наклейку радиостанции к указателю на съезде к его дому. Нехорошо это, думал он, не-хо-ро-шо. Вот наклейка и отправилась в мешок для мусора, откуда я ее и извлек – еще одно наглядное свидетельство моего кошмара. Я прошелся по наклейке пальцами.

WBLM. 102,9, РОК-Н-РОЛЛ ИЗ ПОРТЛЕНДА

Я убеждал себя, что бояться нечего. Наклейка ничего не значит, как ничего не значило и все остальное. Потом я достал из шкафа метлу и отправил весь мусор обратно в мешки. Не избежала общей участи и наклейка.

Я вошел в дом с намерением смыть под душем грязь и пыль, но увидел плавки, лежащие в одном из раскрытых чемоданов, на самом виду, и решил выкупаться. Плавки у меня были веселенькие, с разноцветными китами, резвящимися на синем фоне. Я их купил в Ки-Ларго. И подумал, что они понравились бы моей новой подружке в бейсболке «Красных носков».

⁴⁹ «Сырая земля» (Rare Earth) – музыкальная группа, образованная в 1961 году саксофонистом Джилом Биджесом и барабанщиком Питом Риверой. Название получила в 1969 году. Меняя состав, продолжала выступать и в начале 90-х годов.

Взглянув на часы, я понял, что «вилладжбургер» я доел сорок пять минут тому назад. Столько времени ушло у меня на дорогу домой и поиск «сокровищ» в мусорных мешках.

Я надел плавки, сунул ноги в шлепанцы и по ступеням, сложенным из железнодорожных шпал, направился к воде. Жужжали редкие комары. Озеро блестело передо мной, манило к себе, застыв под низкими облаками. Вдоль воды на север и на юг уходила тропа. Тянулась она вдоль всего восточного берега, считалась «общественной собственностью», а местные жители называли ее Улицей. Если б я, сойдя с лестницы, повернул налево, то мог бы дошагать по Улице до пристани Темный След, мимо ресторана «Уэррингтона» и забегаловки Бадди Джеллисона... не говоря уже о десятке летних коттеджей, приткнувшихся на склонах среди сосен и елей. Направо Улица уходила к Сияющей бухте, но дорога туда занимала целый день, потому что та часть Улицы сильно заросла.

Я постоял на тропе, а потом с разбегу бросился в воду. И когда уже оторвался от земли и летел по воздуху, вспомнил, что в последний раз совершал подобный прыжок вместе с женой, держа ее за руку.

Приводнение едва не обернулось катастрофой. Холодная вода разом напомнила, что мне сорок, а не четырнадцать, и на мгновение мое сердце перестало биться. И когда воды озера Темный След сомкнулись над моей головой, я уже не сомневался, что живым на поверхность мне не выбраться. И найдут меня дрейфующим лицом вниз на маленьком пяточке между плотом и отрезком Улицы, проходящим по моей земле, жертву холодной воды и жирного «вилладжбургера». А на могильном камне высекут надпись:

ТВОЯ МАТЬ ВСЕГДА ГОВОРИЛА, ЧТО КУПАТЬСЯ МОЖНО ЛИШЬ ЧЕРЕЗ ЧАС ПОСЛЕ ЕДЫ

А потом мои ноги коснулись каменистого, в склизлых водорослях дна, сердце забилося вновь, и я рванул к поверхности, словно баскетболист, атакующий кольцо. Вынырнув, я жадно схватил ртом воздух. И тут же нахлебался воды, которую немедленно проглотил. Куда больше меня заботило сердце. Я похлопывал рукой по груди, как бы говоря ему: давай, милое, не шали, работай как должно.

Я стоял по пояс в воде, и тут до меня дошло, что вкусовые ощущения у меня те же, что и на Шестьдесят восьмом шоссе. Получалось, что, когда Мэтти назвала мне имя дочери, мой рот наполнился озерной водой.

Я провел психологическую параллель, и все. От схожести имен к моей умершей жене, от нее – к озерной воде. Которую...

– Которую мне уже приходилось пару раз попробовать, – произнес я вслух. И чтобы подчеркнуть значение собственных слов, сложил ладони лодочкой, зачерпнул воды, едва ли не самой чистой во всем штате, в чем нас неоднократно убеждали анализы, сделанные Ассоциацией западных озер, и выпил. Мне не открылась истина, перед глазами не засверкали искры. То была обычная вода озера Темный След. Сначала она обреталась у меня во рту, потом спустилась в желудок.

Я доплыл до плота, по лесенке взобрался на него, попрыгал на прогретых досках, внешне очень обрадовавшись тому, что вернулся домой. И решил, что завтра начну новую жизнь... во всяком случае, постараюсь начать. А пока удовольствовался тем, что прилег, положив голову на сгиб руки, и чуть не задремал, уверенный в том, что сегодня новых приключений не ожидается.

Как выяснилось, мои надежды не оправдались.

В наше первое лето, проведенное на озере, мы обнаружили, что можем любоваться фейерверком в Касл-Рок прямо с террасы. Я вспомнил об этом, когда уже начало темнеть, и подумал, что проведу праздник в гостиной, перед экраном телевизора. Не хотелось мне выходить на террасу, где Четвертого июля, из года в год, мы сидели вдвоем, пили пиво, смеялись и смотрели, как небо переливается всеми цветами радуги. Мне и так одиноко, пусть и одиночество это не такое, как в Дерри. А потом я напомнил себе о причине приезда в «Сару-Хохотушку» – вызвать из глубины подсознания все до последнего воспоминания о Джоанне и с любовью их упокоить. И уж конечно, перспектива вновь обрести способность писать в тот вечер представлялась, мягко говоря, туманной.

Пива не было, я забыл купить упаковку из шести банок в супермаркете или в «Деревенском кафе», но в холодильнике стояла газировка, спасибо Бренде Мизерв. Я достал банку пепси и уселся на террасе, надеясь, что фейерверк не причинит мне сильной душевной боли. Надеюсь, что удастся обойтись без слез. Я не обманывал себя, зная, что выплакал еще не все слезы. И понимал, что через это придется пройти.

Телефон зазвонил, едва погасли ракеты первого залпа, окрасившего небо в ярко-синие тона. Я аж подпрыгнул от неожиданности. Решил, что звонит Билл Дин, чтобы удостовериться, что я на месте и у меня все в порядке.

За год до смерти Джо мы приобрели беспроводной телефон, чтобы, разговаривая, бродить по первому этажу. Нам это нравилось. Я прошел в гостиную, взял трубку, сказал: «Привет, это Майк» и вернулся к креслу-шезлонгу на террасе. В этот момент на другой стороне озера, под самыми облаками, запылали зеленые и желтые звезды. А вскоре долетел и грохот разрывов.

И только потом в трубке послышался скрипучий мужской голос, старческий, но не Билла Дина:

– Нунэн? Мистер Нунэн?

– Да? – Облака обдало золотом. Мне сразу вспомнились церемонии награждения, которые я видел по телевизору, все эти прекрасные женщины в роскошных вечерних платьях.

– Дивоур.

– Да? – осторожно повторил я.

– Макс Дивоур.

«Здесь мы видим его нечасто», – сказала Одри. Я принял ее слова за юмор, а выходит, она говорила серьезно. Чудеса продолжались.

Ладно, что теперь? Я не знал, о чем говорить дальше. Подумал, а не спросить ли, где он раздобыл мой номер, который не значился в справочнике, решил, что это бессмысленно. Когда твоё состояние превышает полмиллиарда долларов, если я действительно разговаривал с Максом, раздобыть любой телефонный номер – пустяк.

Поэтому ограничился третьим «да», на этот раз без вопросительной интонации.

Последовала пауза. Если бы молчание нарушил я и начал задавать вопросы, он направил бы разговор в нужное ему русло... если наше телефонное общение на тот момент можно было считать разговором. И я воспользовался опытом Гарольда Обловски. Вот уж кто умел держать паузу. Я сидел тихо, прижимая к уху трубку, и наблюдал за фейерверком. Красное сменялось золотым, золотое – зеленым... невидимые женщины ходили в облаках в переливающихся вечерних платьях.

– Как я понимаю, сегодня вы познакомились с моей невесткой, – не выдержал он. В голосе слышалось раздражение.

– Возможно. – Я старался не выказывать изумления. – Позвольте узнать причину вашего звонка, мистер Дивоур?

– Как я понимаю, едва не произошел несчастный случай.

По небу плясали белые огни, словно взорвался космический корабль. Вновь над озером загрохотало.

Я раскрыл секрет путешествий по времени, подумал я. Это звуковой феномен.

Моя рука слишком сильно сжимала трубку, поэтому я заставил пальцы чуть разжаться. Максвелл Дивоур. Полмиллиарда долларов. И живет он вовсе не в Палм-Спрингсе, как я предполагал, а здесь, в Тэ-Эр, если можно полагаться на характерный треск помех в трубке.

– Я тревожусь из-за моей внучки. – Голос стал еще более скрипучим. В нем чувствовалась злость: этот человек не привык скрывать свои эмоции. – Как я понимаю, моя невестка в очередной раз пренебрегла своими материнскими обязанностями. У нас это обычное дело.

В небе расцвело полдюжины цветов, совсем как в диснеевских мультфильмах. Я без труда представил себе толпу, собравшуюся на Касл-Вью. Все сидят, скрестив ноги, на одеялах, едят мороженое, пьют пиво и одновременно охают и ахают от восторга. Это общее оханье и аханье, по моему разумению, и есть гласное свидетельство успеха того или иного зрелища.

Ты боишься этого типа, да? спросила Джо. *И правильно, у тебя есть основания бояться его. Человек, который считает себя в праве выказать злость, если он ее испытывает... такой человек опасен.* И тут же я услышал голос Мэтти: *Мистер Нунэн, я не такая уж плохая мать. Такого никогда не случалось.*

Разумеется, в подобной ситуации и самая плохая мать произнесла бы именно эти слова... но я ей поверил.

И черт побери, номера моего телефона в справочнике нет! Я сижу на террасе, пью пепси, люблюсь фейерверком, никого не трогаю, так какого черта этот...

– Мистер Дивоур, я понятия не имею, о чем вы говорите...

– Только вот этого не надо, при всем моем уважении к вам, мистер Нунэн, не надо дурить мне голову. Вас видели, когда вы с ними разговаривали. – Так, наверное, Джо Маккарти наваливался на бедолаг, которых вызывали в его комитет по подозрению в связях с коммунистами.

Будь осторожен, Майк, предупредила Джо.

Остерегайся серебряного молотка Максвелла.

– Утром я виделся и разговаривал с женщиной и маленькой девочкой, – признал я. – Наверное, вы говорите именно о них.

– Нет, вы видели, как маленькая девочка шла по дороге одна, – возразил он. – А потом увидели женщину, которая мчалась за ней. Мою невестку, в той старой колымаге, на которой она ездит. Ребенок мог угодить под машину. Почему вы защищаете эту молодую женщину, мистер Нунэн? Она вам что-нибудь пообещала? Позвольте вас заверить, ребенку от этого пользы не будет.

Она пообещала пригласить меня в трейлер, а потом показать мне мир, едва не ответил я. *А еще обещала все время держать рот открытым, если я никому не скажу ни слова... вы это хотите услышать?*

Да, ввернула Джо. Скорее всего именно это он и хочет услышать. В это он готов поверить. Не провоцируй его своим сарказмом, Майк... потом ты можешь об этом пожалеть.

Действительно, а почему я защищал Мэтти Дивоур? Я не знал. Откровенно говоря, тогда я и представить себе не мог, к чему все это приведет. Я только знал, что выглядит она очень усталой, а ребенок – ухоженный, развитой (даже слишком), без единого синячка, не боится матери, наоборот, тянется к ней.

– Автомобиль помню. Старый джип.

– Так-то лучше. – В голосе слышалась удовлетворенность. И жадное любопытство. – Что...

– Наверное, они вместе приехали на джипе. – Я с удовольствием отметил, что способность сочинять осталась при мне. Я чувствовал себя ветераном-питчером⁵⁰, который уже не выступает перед переполненными трибунами, но у себя во дворе может сделать отменный бросок. – Вроде бы девочка держала в руках маргаритки. – Все, с одной стороны, ясно и понятно, а с другой – присутствует определенная доля сомнения, словно я даю показания в суде, а не сижу на собственной террасе. Гарольд мог бы мной гордиться. Ну уж нет. Гарольд пришел бы в ужас, если б услышал наш разговор. – У меня сложилось впечатление, что они собирали цветы на лугу. Но, к сожалению, воспоминания об этой встрече у меня смутные. Я писатель, мистер Дивоур, и часто погружаюсь во внутренний мир...

– Вы лжете! – Злость прорвалась наружу. Как я и подозревал, социальным приличиям этот господин значения не придавал.

– Мистер Дивоур? Полагаю, тот самый компьютерный Дивоур?

– Правильно полагаете.

Чем сильнее сердилась Джо, тем холоднее становился ее голос. Я решил воспользоваться ее фирменным оружием. И получилось.

– Мистер Дивоур, я не привык к тому, чтобы по вечерам мне звонили незнакомые люди, и я не собираюсь продолжать разговор с человеком, который назвал меня лжецом. Спокойной ночи, сэр.

– Если все было нормально, почему вы остановились?

– Я достаточно долго отсутствовал в Тэ-Эр и остановился, чтобы спросить, открыто ли «Деревенское кафе». Между прочим, я не знаю, где вы раздобыли мой телефонный номер, но могу сказать, куда вы можете его засунуть. Спокойной ночи.

Большим пальцем я нажал на кнопку отбоя, а потом уставился на телефонную трубку, словно видел ее впервые. Рука, державшая ее, дрожала. Сердце учащенно билось. Я чувствовал его удары не только в груди, но и на шее и в запястьях. Я гадал, посмел бы я порекомендовать Дивоуру засунуть мой телефон себе в задницу, если бы на моем счету не лежало несколько миллионов.

Битва титанов, дорогой, послышался бесстрастный голос Джо. И все из-за молоденькой девушки из трейлера. У которой и груди-то приличной нет.

Я громко рассмеялся. Битва титанов? Едва ли. Еще кто-то из баронов-разбойников⁵¹, промышлявших в начале столетия, сказал: «В эти дни человек с миллионом долларов думает, что он богат». Дивоур наверняка именно так и относился ко мне. И по большому счету, правда была на его стороне. Теперь небо на западе окрасилось невероятным многоцветьем: то был финальный аккорд фейерверка.

– И что все это значило? – спросил я.

Ответа не получил. Только где-то закричала гагара, протестуя против непривычного грохота.

Я поднялся, прошел в дом, положил трубку на подставку и подумал, что жду повторного звонка Дивоура со стандартным набором угроз, несчетное число раз звучавших с экрана телевизора: «Если ты попадешься у меня на пути, а я настоятельно рекомендую тебе, дружище, не попадайся, пенять ты сможешь только на себя».

Телефон не зазвонил. Я вылил остатки пепси в горло, как вы понимаете, достаточно пересохшее, и решил, что пора спать. По крайней мере мое пребывание на террасе обошлось без слез и рыданий: Дивоур не позволил мне нырнуть в прошлое. Мне даже захотелось поблагодарить его.

⁵⁰ Питчер – в бейсболе игрок обороняющейся команды, который бросывает мяч.

⁵¹ Так называют основателей промышленно-финансовых империй, сколотивших свои состояния в период первичного накопления капитала во второй половине XIX и начале XX вв.

Я прошел в северную спальню, разделся и лег. Думал я о маленькой девочке Кире и ее матери, которая скорее тянула на старшую сестру. Дивоур Мэтти терпеть не мог, двух мнений тут быть не могло, хотя я не понимал, чем она могла насолить ему. А если уж она перешла ему дорогу, то что могла противопоставить, если в финансовом плане он и меня не держал за человека? С этой не слишком приятной мыслью я и заснул.

Через три часа я поднялся, чтобы освободиться от содержимого банки пепси, которую столь легкомысленно опорожнил, перед тем как лечь спать. И когда я стоял над унитазом, приоткрыв один глаз, чтобы не промахнуться, услышал плач. Ребенок плакал где-то в темноте, потерявшийся, испуганный... а может, притворялся потерявшимся и испуганным.

– Не надо. – Я голым стоял перед унитазом, и кожа на спине покрылась мурашками. – Пожалуйста, обойдемся без этого, я боюсь.

Плач затих, медленно удалился, как и в прошлый раз, словно ребенка унесли в тоннель. Я добрался до кровати, лег на бок, закрыл глаза.

– Это был сон, – прошептал я. – Еще один мэндерлийский сон.

Я знал, что это не так, но знал и другое: сейчас я снова засну, а это куда как важнее. И засыпая, успел подумать: *Она живая. «Сара» живая.*

При этом осознав кое-что еще: «Сара-Хохотушка» принадлежала мне. Я вернул себе право владения. Пойдет мне это на благо или погубит, но мой дом здесь.

Глава 9

Наутро, в девять часов, я наполнил пластиковую бутылку грейпфрутовым соком и отправился в долгую прогулку по Улице, взяв курс на юг. В небе ярко сияло солнце, чувствовалось, что день будет жарким. На озере царила тишина, какая, пожалуй, бывает только после праздничной субботы. Причин тому две: умиротворенность и похмелье. Я видел двух-трех рыбаков, устроившихся довольно далеко от берега, но не услышал ни урчания лодочных моторов, ни воплей барахтающихся в воде детей. Я прошел мимо пяти или шести летних коттеджей. В это время года в них, безусловно, жили, но о присутствии людей говорили разве что купальные принадлежности, сохнувшие на перилах, обтекающих террасу Пассендейлов, да наполовину сдуваемая резиновая лодка, привязанная к мини-пристани Раймеров.

Но принадлежал ли Пассендейлам маленький, выкрашенный серой краской пассендейловский коттедж? И оставались ли Бэтчелдеры владельцами этого необычного круглого дома с панорамными окнами? Этого я знать не мог. За четыре года многое могло измениться.

Я шагал и старался не думать – давний мой прием, которым я часто пользовался, когда еще мог писать книги. Пусть работает тело, а мозг отдыхает: мальчики в подвале свою работу сделают. Я проходил мимо тех мест, куда нас с Джо приглашали выпить и поесть жаркое, иногда сыграть в карты, я впитывал тишину, словно губка, время от времени прикладывался к бутылке с грейпфрутовым соком, стирал пот со лба и ждал, какие же мысли придут ко мне в голову.

Первая оказалась очень даже любопытной: плач ребенка в ночи представлялся мне куда более реальным, чем вечерний звонок Макса Дивоура. Неужели в первый вечер моего пребывания в Тэ-Эр мне действительно позвонил богатый, и, похоже, с несносным характером технократ? И в какой-то момент нашего разговора обозвал меня лжецом (обозвал справедливо, учитывая рассказанную мной байку, но не об этом речь)? Я знал, что все это имело место, но с большей легкостью поверил бы в существование духа озера Темный След, который, по свидетельству старожилов, давал о себе знать детским плачем. Вот и прозвали его Загадочный плачущий ребенок.

Вторая мысль, пришла она аккурат перед тем, как я допил грейпфрутовый сок, состояла в том, что я должен позвонить Мэтти Дивоур и рассказать о вечернем звонке. Я решил, что желание это естественное, но идея определенно не из лучших. Я прожил на свете достаточно долго, чтобы знать, что не бывает таких простых ситуаций, когда несчастная девушка одна-одинешенька противостоит злобному отчиму... или, как в нашем случае, свекру. Я приехал на озеро, чтобы решать свои проблемы, и мне не хотелось усложнять себе жизнь, вмешавшись в чреватый самыми непредсказуемыми последствиями конфликт между мистером Компьютером и миссис Трейлер. Дивоур погладил меня против шерсти, прямо скажем, погладил энергично, но, возможно, с другими он вел себя точно так же. Такие уж у него манеры. Черт, некоторые вон рвут бретельки бюстгалтеров. И теперь я жаждал его крови? Нет. Не жаждал. Я спас маленькую мисс Красный Носок, я, пусть и случайно, пощупал маленькую, но приятно-упругую грудь мамми, я узнал, что девочке дали греческое имя Кира, потому что оно звучит благородно. Хорошего понемножку, иначе можно и зажратьяся.

В этот момент я остановился – перестал двигать ногами и думать, – осознав, что добрался до «Уэррингтона», большого, смахивающего на сарай сооружения, которое местные жители иногда называли загородным клубом. Наверное, правильно называли, учитывая наличие поля для гольфа на шесть лунок, конюшни, дорожек для верховой езды, ресторана, бара и комнат для проживания: трех десятков номеров в главном здании и восьми или девяти отдельных бунгалов. Была в «Уэррингтоне» даже двухполосная дорожка для боулинга, правда, ставить кегли каждой команде приходилось по очереди. Построили клуб в тот год, когда в Европе началась Первая мировая война. «Сара-Хохотушка» появилась на берегу озера чуть раньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.